

ТОМ 3, №4, 2025

eISSN 2949-1843

РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Правовой порядок и правовые ценности

Теоретико-исторические
правовые науки

Публично-правовые
(государственно-
правовые) науки

Частно-правовые
(цивилистические) науки

Уголовно-правовые науки

Международно-правовые
науки

www.lawandorder-donstu.ru
DOI 10.23947/2949-1843

Правовой порядок и правовые ценности

Рецензируемый научно-практический журнал (издается с 2023 года)

eISSN 2949-1843

DOI: 10.23947/2949-1843

Том 3, № 4, 2025

Учредитель и издатель – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донской государственный технический университет» (ДГТУ), г. Ростов-на-Дону

Рецензируемый научно-практический журнал создан в целях информирования читательской аудитории о новейших достижениях, актуальных вопросах и перспективах в области юриспруденции.

В журнале публикуются результаты исследований, направленных на обеспечение преемственности фундаментальной и прикладной научной мысли, отражение уровня и степени научной разработанности различных тематик в области теории и истории государства и права, государственного управления, правотворчества и правоприменительной практики, отраслевых юридических наук, изучение и анализ тенденций развития российского законодательства для поиска эффективных методов правового регулирования; аргументацию новых гипотез и авторских выводов в области юриспруденции с обсуждением как глобальных вопросов, так и носящих региональный характер.

Структура журнала определена в соответствии с Приказом Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 24 февраля 2021 г. № 118 «Об утверждении номенклатуры научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени, и внесении изменения в Положение о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, утвержденное приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 10 ноября 2017 г. № 1093» в составе следующих научных специальностей:

- 5.1.1 – Теоретико-исторические правовые науки
- 5.1.2 – Публично-правовые (государственно-правовые) науки
- 5.1.3 – Частно-правовые (цивилистические) науки
- 5.1.4 – Уголовно-правовые науки
- 5.1.5 – Международно-правовые науки

<i>Индексация и архивация:</i>	РИНЦ, Berkeley Library, CyberLeninka, CrossRef, Google Scholar, Internet Archive, Index Copernicus, Lens.org, Mendeley, Road
--------------------------------	--

<i>Наименование органа, зарегистрировавшего издание</i>	Выписка из реестра зарегистрированных средств массовой информации ЭЛ № ФС 77 – 83924 от 16 сентября 2022 г, выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
---	--

<i>Периодичность</i>	4 выпуска в год
----------------------	-----------------

<i>Адрес учредителя и издателя</i>	344003, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1
------------------------------------	--

<i>E-mail</i>	pravonauka2022@donstu.ru
---------------	--

<i>Телефон</i>	+7 (863) 2–738–372
----------------	--------------------

<i>Сайт</i>	https://lawandorder-donstu.ru
-------------	---

<i>Дата выхода в свет</i>	30.12.2025
---------------------------	------------

Legal Order and Legal Values

Peer-reviewed scientific and practical journal (published since 2023)

eISSN 2949-1843

DOI: 10.23947/2949-1843

Vol. 3, no. 4, 2025

Founder and Publisher – Don State Technical University (DSTU), Rostov-on-Don, Russian Federation

A peer-reviewed scientific and practical journal designed to inform the readers about the latest achievements, topical issues and prospects in the field of jurisprudence.

The journal publishes the results of research aimed at ensuring the consistency of the fundamental and applied science ideas; at reflecting the level and degree of scientific development of various topics in the field of the theory and history of state and law, state governance, law-making and law enforcement practices, sectoral legal sciences, study and analysis of the trends of the Russian legislation development for finding the efficient methods of legal regulation; at substantiating the new hypotheses and authors' conclusions in the field of jurisprudence including the discussion of both global and regional issues.

The journal structure is developed in compliance with the Order of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation of February 24, 2021 No. 118 "On Approval of the Nomenclature of Academic Specialities for Confering the Academic Degrees, and Amendments to the Regulation on the Council for the Defence of Dissertations for the Candidate of Sciences and Doctor of Sciences degrees Approved by the Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation of November 10, 2017 No. 1093" and includes the following academic specialities:

- Theoretical and Historical Legal Sciences
- Public Law (State Legal) Sciences
- Private Law (Civil Law) Sciences
- Criminal Law Sciences
- International Legal Sciences

<i>Indexing and Archiving</i>	RISC, Berkeley Library, CyberLeninka, CrossRef, Google Scholar, Internet Archive, Index Copernicus, Lens.org, Mendeley, Road
<i>Name of the Body that Registered the Publication</i>	Extract from the Register of Registered Mass Media ЭЛ № ФС 77 – 83924 of September 16, 2022, issued by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media
<i>Periodicity</i>	4 issues per year
<i>Address of the Founder and Publisher</i>	1, Gagarin sq., Rostov-on-Don, 344003, Russian Federation
<i>E-mail</i>	pravonauka2022@donstu.ru
<i>Telephone</i>	+7 (863) 2–738–372
<i>Website</i>	https://lawandorder-donstu.ru
<i>Date of Publication</i>	30.12.2025

Редакционная коллегия

Главный редактор, Исакова Юлия Игоревна, доктор социологических наук, кандидат юридических наук, доцент, декан факультета «Юридический», Донской государственный технический университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Заместитель главного редактора, Працко Геннадий Святославович, доктор философских наук, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры «Коммерческое и предпринимательское право», Донской государственный технический университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Выпускающий редактор, Филимонова Елена Александровна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры «Теория и история государства и права», Донской государственный технический университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Алексеева Анна Павловна, заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права, Калининградский филиал Санкт-Петербургского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации (Калининград, Российская Федерация)

Алексеева Марина Владимировна, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой «Теория и история государства и права», Донской государственный технический университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Анисимов Алексей Павлович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры «Уголовное право и публично-правовые дисциплины», Донской государственный технический университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Беляев Валерий Петрович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права, Юго-Западный государственный университет (Курск, Российская Федерация)

Берлявский Леонид Гарриевич, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры «Гражданское право», Донской государственный технический университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права, Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х.М. Бербекова (Нальчик, Российская Федерация)

Биккинин Ирек Анасович, заслуженный юрист Республики Башкортостан, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии, Уфимский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации (Уфа, Российская Федерация)

Бойко Александр Иванович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права, криминологии, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ) (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Бондарь Николай Семенович, заслуженный юрист Российской Федерации, заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой муниципального права и природоохранного законодательства, Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Быстрова Юлия Викторовна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного процесса и прокурорского надзора, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева (Орел, Российская Федерация)

Власова Галина Борисовна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории права и государства, Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Волова Лариса Ивановна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного права, Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Давыдова Марина Леонидовна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и муниципального права, Волгоградский государственный университет (Волгоград, Российская Федерация)

Дашин Алексей Викторович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного частного и предпринимательского права, Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина (Краснодар, Российская Федерация)

Дерюгина Татьяна Викторовна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса, Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя (Москва, Российская Федерация)

Долгополов Кирилл Андреевич, доктор социологических наук, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права и процесса, Юридический институт Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь, Российская Федерация)

Зиядова Дурей Зиядиновна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии, Дагестанский государственный университет (Махачкала, Российская Федерация)

Иванова Светлана Витальевна, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории государства и права, Оренбургский институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) (Оренбург, Российская Федерация)

Исмаилов Магомедсагид Абдулмуслимович, заслуженный деятель науки Республики Дагестан, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры истории государства и права, Дагестанский государственный университет (Махачкала, Российская Федерация)

Клименко Таужан Микаиловна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры «Уголовное право и процесс», Северо-Кавказская государственная академия (Черкесск, Российская Федерация)

Комова Наталья Борисовна, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры «Процессуальное право», Донской государственный технический университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Корецкий Данил Аркадьевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии, Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Кузина Светлана Ивановна, доктор политических наук, профессор, профессор кафедры «Уголовное право и публично-правовые дисциплины», Донской государственный технический университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Маликов Борис Зуфарович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии, Уфимский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации (Уфа, Российская Федерация)

Небрятенко Геннадий Геннадиевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры «Процессуальное право», Донской государственный технический университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Подройкина Инна Андреевна, доктор юридических наук, профессор, декан Юридического факультета, Ростовский филиал Российской таможенной академии (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Рассказов Леонид Павлович, заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права, Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина (Краснодар, Российская Федерация)

Рыбак Светлана Викторовна, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой «Гражданское право», Донской государственный технический университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Рыженков Анатолий Яковлевич, заслуженный деятель науки Республики Калмыкия, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права и процесса, Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова (Элиста, Российская Федерация)

Савченко Марина Станиславовна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой государственного и международного права, Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина (Краснодар, Российская Федерация)

Сагриян Инга Григорьевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры «Уголовное право и публично-правовые дисциплины», Донской государственный технический университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Сайдумов Джамбулат Хамидович, заслуженный деятель наук Чеченской Республики, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры «Гражданское право и процесс», Чеченский государственный университет имени А.А. Кадырова (Грозный, Российская Федерация)

Сапожникова Екатерина Юрьевна, кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой «Коммерческое и предпринимательское право», Донской государственный технический университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Скрипченко Нина Юрьевна, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и процесса, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова (Архангельск, Российская Федерация)

Смоленский Михаил Борисович, доктор социологических наук, кандидат юридических наук, профессор, профессор кафедры «Гражданское право», Донской государственный технический университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Студеникина Светлана Викторовна, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой «Процессуальное право», Донской государственный технический университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Сынкova Елена Михайловна, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой административного и финансового права, Донецкий национальный университет (Донецк, Российская Федерация)

Халифаева Анжела Курбановна, заслуженный юрист Республики Дагестан, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры истории государства и права, Дагестанский государственный университет (Махачкала, Российская Федерация)

Цечоев Валерий Кулиевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права, Ростовский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Шатковская Татьяна Владимировна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории права и государства, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Еркинбаева Лаззат Калымбековна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры таможенного, финансового и экологического права Юридического факультета, Казахский национальный университет имени Аль-Фараби (Алматы, Республика Казахстан)

Ражабов Нариман Шарифбаевич, доктор юридических наук, профессор кафедры экологического права, Ташкентский государственный юридический университет (Ташкент, Республика Узбекистан)

Токтобаев Болот Токтомышевич, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права, Кыргызский национальный университет имени Жусупа Баласагына (Бишкек, Кыргызская Республика)

Узакова Гузал Шариповна, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой экологического права, Ташкентский государственный юридический университет (Ташкент, Республика Узбекистан)

Цзи Хуа, PhD (международное право), доцент кафедры международного права, Китайский университет иностранных дел, Пекинский университет (Китай)

Лазарь Йовевски, PhD, действительный профессор юридического факультета, Юстинианус Примус Скопье (Северная Македония)

Мухаммет Джелал Кул, PhD (публичное право), доцент, Университет Болу Абант Иззет Байсал (Турция)

Editorial Board:

Editor-in-Chief, Yulia I. Isakova, Dr.Sci. (Sociology), Cand.Sci. (Law), Associate Professor, Dean of the Law Faculty, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Deputy Chief Editor, Gennady S. Pratsko, Dr.Sci. (Philosophy), Dr.Sci. (Law), Professor, Professor of the Commercial and Entrepreneur Law Department, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Executive Editor, Elena A. Filimonova, Cand.Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Theory and History of State and Law Department, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Anna P. Alekseeva, Honoured Lawyer of the Russian Federation, Dr.Sci. (Law), Professor, Professor of the Criminal Law, Criminology and Criminal Executive Law Department, Kaliningrad Branch of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Kaliningrad, Russian Federation)

Marina V. Alekseeva, Cand.Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Theory and History of State and Law Department, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Aleksey P. Anisimov, Dr.Sci. (Law), Dr.Sci. (Law), Professor, Professor of the Criminal Law and Public Law Disciplines Department, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Valerii P. Belyaev, Dr.Sci. (Law), Professor, Professor of the Theory and History of State and Law Department, Southwest State University (Kursk, Russian Federation)

Leonid G. Berlyavsky, Dr.Sci. (History), Cand.Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Civil Law Department, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Bela B. Bidova, Dr.Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Theory and History of State and Law Department, Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov (Nalchik, Russian Federation)

Irek A. Bikkinin, Dr.Sci. (Law), Professor, Honoured Lawyer of the Republic of Bashkortostan, Professor of the Criminal Law and Criminology Department, Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Ufa, Russian Federation)

Aleksander I. Boyko, Dr.Sci. (Law), Professor, Professor of the Criminal and Penal Enforcement Law and Criminology Department, Rostov State University of Economics (RSUE) (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Nikolai S. Bondar, Dr.Sci. (Law), Professor, Honoured Lawyer of the Russian Federation, Honoured Scientist of the Russian Federation, Head of the Municipal Law and Environmental Legislation Department, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Yulia V. Bystrova, Dr.Sci. (Law), Professor, Head of the Criminal Procedure and Procuracy Supervision Department, Orel State University named after I.S. Turgenev (Orel, Russian Federation)

Galina B. Vlasova, Dr.Sci. (Law), Professor, Head of the Theory and History of Law and State Department, Rostov Branch of the Russian State University of Justice (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Larisa I. Volova, Dr.Sci. (Law), Professor, Professor of the International Law Department, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Marina L. Davydova, Dr.Sci. (Law), Professor, Head of the Constitutional and Municipal Law Department, Volgograd State University (Volgograd, Russian Federation)

Aleksey V. Dashin, Dr.Sci. (Law), Professor, Professor of the International Private and Entrepreneurial Law Department, Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin (Krasnodar, Russian Federation)

Tatyana V. Deryugina, Dr.Sci. (Law), Professor, Professor of the Civil and Labour Law, Civil Procedure Department, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V.Ya. Kikot' (Moscow, Russian Federation)

Kirill A. Dolgoplov, Dr.Sci.(Sociology), Cand.Sci.(Law), Associate Professor, Head of the Criminal Law and Procedure Department, Institute of Law of the North Caucasus Federal University (Stavropol, Russian Federation)

Dureya Z. Ziyadova, Dr.Sci. (Law), Professor, Professor of the Criminal Law and Criminology Department, Dagestan State University (Makhachkala, Russian Federation)

Svetlana V. Ivanova, Dr.Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Theory of State and Law Department, Orenburg Institute (Branch) of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL) (Orenburg, Russian Federation)

Magomed sagid A. Ismailov, Dr.Sci. (Law), Professor, Honoured Scientist of the Republic of Dagestan, Professor of the History of State and Law Department, Dagestan State University (Makhachkala, Russian Federation)

Tauzhan M. Klimenko, Dr.Sci. (Law), Professor, Professor of the Criminal Law and Procedure Department, North Caucasian State Academy (Cherkessk, Russian Federation)

Natalya B. Komova, Dr.Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Procedural Law Department, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Danil A. Koretsky, Dr.Sci. (Law), Professor, Professor of the Criminal Law and Criminology Department, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Svetlana I. Kuzina, Dr.Sci. (Political Science), Professor, Professor of the Criminal Law and Public Law Disciplines Department, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Boris Z. Malikov, Dr.Sci. (Law), Professor, Professor of the Criminal Law and Criminology Department, Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Ufa, Russian Federation)

Gennady G. Nebratenko, Dr.Sci. (Law), Professor, Professor of the Procedural Law Department, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Inna A. Podroikina, Dr.Sci. (Law), Professor, Dean of the Law Faculty, Rostov Branch of the Russian Customs Academy (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Leonid P. Rasskazov, Dr.Sci. (Law), Dr.Sci. (History), Professor, Honoured Scientist of the Russian Federation, Head of the Theory and History of State and Law Department, Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin (Krasnodar, Russian Federation)

Svetlana V. Rybak, Cand.Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Civil Law Department, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Anatoly Ya. Ryzhenkov, Dr.Sci. (Law), Professor, Honoured Scientist of the Republic of Kalmykia, Professor of the Civil Law and Procedure, Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov (Elista, Russian Federation)

Marina S. Savchenko, Dr.Sci. (Law), Professor, Head of the State and International Law Department, Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin (Krasnodar, Russian Federation)

Inga G. Sagiryan, Cand.Sci. (Philology), Associate Professor, Associate Professor of the Criminal Law and Public Law Disciplines Department, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Dzhambulat K. Saidumov, Dr.Sci. (Law), Professor, Honored Scientist of the Chechen Republic, Professor of the Civil Law and Procedure Department, Chechen State University named after A. A. Kadyrov (Grozny, Russian Federation)

Ekaterina Yu. Sapozhnikova, Cand.Sci. (Economics), Associate Professor, Head of the Commercial and Entrepreneur Law Department, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Nina Yu. Skripchenko, Dr.Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Criminal Law and Procedure Department, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russian Federation)

Mikhail B. Smolensky, Dr.Sci. (Sociology), Cand.Sci. (Law), Professor, Professor of the Civil Law Department, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Svetlana V. Studenikina, Cand.Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Procedural Law Department, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Elena M. Synkova, Dr.Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Administrative and Financial Law Department, Donetsk National University (Donetsk, Russian Federation)

Anzhela K. Khalifaeva, Dr.Sci. (Law), Professor, Honoured Lawyer of the Republic of Dagestan, Professor of the History of State and Law Department, Dagestan State University (Makhachkala, Russian Federation)

Valery K. Tsechoev, Dr.Sci. (Law), Professor, Professor of the Theory and History of State and Law Department, Rostov Institute (Branch) of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia) (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Tatyana V. Shatkovskaya, Dr.Sci. (Law), Professor, Head of the Theory and History of Law and State Department, South-Russian Institute of Management (Branch) of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (SRIM RANEPa) (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Lazzat K. Yerkinbayeva, Dr.Sci. (Law), Professor, Professor of the Customs, Financial and Environmental Law Department, Faculty of Law, Al Farabi Kazakh National University (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Nariman Sh. Razhabov, Dr.Sci.(Law), Professor of the Environmental Law Department, Tashkent State University of Law (Tashkent, Republic of Uzbekistan)

Bolot T. Toktobaev, Dr.Sci. (Law), Professor, Head of the Theory and History of State and Law Department, Kyrgyz National University named after J. Balasagyn (Bishkek, Kyrgyz Republic)

Guzal Sh. Uzakova, Dr.Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Environmental Law Department, Tashkent State University of Law (Tashkent, Republic of Uzbekistan)

Ji Hua, PhD in International Law, Associate Professor of the International Law Department, China Foreign Affairs University, Peking University (China)

Lazar Jovevski, PhD, Full Professor, Law Faculty, Iustinianus Primus Skopje (Northern Macedonia)

Muhammet Celal Kul, PhD in Public Law, Associate Professor, Bolu Abant Izzet Baysal University (Turkey)

Содержание

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

- Алехина Е.С.* Концептуальность смыслообразования нормативной теории права в контексте построения культуры правового мышления 9
- Шумилина А.Б., Анциферова Н.А.* Эпистемологические ценности в теории права: антитеза юридическому интерпретивизму или провозглашение правового позитивизма? 16

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

- Исакова Ю.И., Працко Г.С., Мелихов А.И.* Национальная идея как фундамент национальной безопасности Российской Федерации 23
- Артюхин О.А., Иванова Л.Л.* Государственно-правовое конструирование идентичности: российская модель в условиях геополитической трансформации 31

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

- Иванова С.В., Рыбак С.В.* Роль и значение принципов фаунистического права в правоприменительной практике в Российской Федерации 39
- Волков И.К.* Животные в российском праве: понятие и классификация 47

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

- Исакова Ю.И., Волконская О.А.* Принцип законности в уголовном судопроизводстве в Российской Федерации: проблемы реализации в правоприменительной практике 54
- Величко А.А., Левина Р.А.* Особенности и тенденции преступности несовершеннолетних в России: анализ и меры профилактики 63

Content

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

- Alekhina ES.** Conceptuality of Meaning-Formation in the Normative Theory of Law in the Context of Building a Legal Thinking Culture 9
- Shumilina AB, Antsiferova NA.** The Epistemic Values in the Theory of Law: Antithesis to Legal Interpretivism or Proclamation of Legal Positivism? 16

PUBLIC LAW (STATE LEGAL) SCIENCES

- Isakova YuI, Pratsko GS, Melikhov AI.** The National Idea as the Foundation of National Security of the Russian Federation 23
- Artyukhin OA, Ivanova LL.** State-Legal Construction of Identity: Russian Model in the Context of Geopolitical Transformation 31

PRIVATE LAW (CIVIL LAW) SCIENCES

- Ivanova SV, Rybak SV.** The Role and Significance of the Principles of Faunal Law in Law Enforcement Practices in the Russian Federation 39
- Volkov IK.** Animals under the Russian Law: Concept and Classification 47

CRIMINAL LAW SCIENCES

- Isakova YuI, Volkonskaya OA.** The Principle of Legality in the Criminal Court Proceedings in the Russian Federation: Problems of Implementation into Enforcement Practices 54
- Velichko AA, Levina RA.** Features and Trends of Juvenile Delinquency in Russia: Analysis and Preventive Measures 63

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

Оригинальное теоретическое исследование

УДК 340.12

<https://doi.org/10.23947/2949-1843-2025-3-4-9-15>

EDN: GGFXXDG

Концептуальность смыслообразования нормативной теории права в контексте построения культуры правового мышления

Е.С. Алехина

Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

 ket_as@mail.ru

Аннотация

Введение. В современном научном дискурсе существует проблема обилия теоретизированных научных исследований, направленных на объективизацию семиотической природы права и анализ функционального конструкта правовой семантики и оставляющих без внимания многие юридические вопросы практического характера, среди которых: интерпретационная неоднозначность смыслообразования и смыслоприменения нормативных актов; лексическая размытость и контекстуальная зависимость правовых понятий; несогласованность юридических терминов с разными правовыми системами, что приводит к противоречиям и неточностям в юридической практике. Цель исследования – определение методологических принципов, способствующих выстраиванию допустимых границ семантической интерпретации правовых понятий в контексте построения культуры правового мышления.

Материалы и методы. Методология исследования основана на принципе правоведческого определения смыслообразования юридических норм в социально-правовом дискурсе. Посредством аналитического, систематизирующего и прагматического методов выявлен комплексный характер семантики права в контексте формирования правового мышления. Специализированным методом исследования стал семиотический анализ объективности и нормативности юридических понятий с учетом контекстуальных различий правовых дефиниций.

Результаты исследования. Установлено, что нормативные понятия являются сложными семантическими конструктами, включающими в себя концептуальную сферу (нормативность) и социальную реальность. Преодоление внешних и внутренних конфликтов толкования права необходимо для выстраивания устойчивых моделей правового поведения и правовой культуры. В этой связи предлагается ряд рекомендательных мер, направленных на выстраивание допустимых границ семантической интерпретации: разграничение информационного характера прескриптивных или дескриптивных понятий, семантический мониторинг правовых явлений, а также принцип дискурсного контекстуализма, позволяющий вывести нормативность требований права из конкретной контекстуальной интерпретации.

Обсуждение и заключение. Предложен аргументированный вывод о том, что правильно отобранный семантический инструментариум способен детерминировать объективность восприятия правовых норм и, как следствие, совершенствовать процесс формирования правовой культуры. Главным преимуществом принципа дискурсного контекстуализма является объединение семантики и прагматики юридических понятий, что обеспечивает плодотворную основу для дальнейшего теоретизирования о природе и метафизике права.

Ключевые слова: семантика права, нормативное смыслообразование, правовая культура, контекстуальная интерпретация, нормативизм, правовой объективизм

Благодарности. Автор выражает благодарность рецензентам, чья критическая оценка материалов и предложения по их совершенствованию способствовали значительному повышению качества статьи.

Для цитирования. Алехина Е.С. Концептуальность смыслообразования нормативной теории права в контексте построения культуры правового мышления. *Правовой порядок и правовые ценности.* 2025;3(4):9–15. <https://doi.org/10.23947/2949-1843-2025-3-4-9-15>

Conceptuality of Meaning-Formation in the Normative Theory of Law in the Context of Building a Legal Thinking Culture

Ekaterina S. Alekhina

Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation

 ket_as@mail.ru

Abstract

Introduction. In the present-day scientific discourse, there is a great number of theoretical research focusing on the problem of objectifying the semiotic nature of law and analysing the functional construct of legal semantics. Whereas, many practical legal issues, such as: interpretative ambiguity in the meaning-formation and meaning-application of normative acts, lexical vagueness and contextual dependence of legal notions and the incoherence of legal terminology across different legal systems, remain neglected, which leads to contradictions and inaccuracies in legal practice. The aim of the study is to define the methodological principles fostering establishment of the acceptable scope of semantic interpretation of legal notions in the context of building a legal thinking culture.

Materials and Methods. The research methodology was based on the principle of jurisprudential definition of legal norm meaning-formation in socio-legal discourse. Analytical, systematizing and pragmatic methods were used to reveal a complex nature of the semantics of law in the context of legal thinking development. The semiotic analysis of the objectivity and normativity of legal notions taking into account the contextual differences of legal definitions, was used as a specialised research method.

Results. It was established that normative notions are the complex semantic constructs encompassing a conceptual sphere (normativity) and social reality. For building sustainable models of legal behaviour and legal culture, it is necessary to overcome external and internal conflicts in interpretation of law. In this regard, a number of advisory measures were proposed aimed at establishing acceptable scope of semantic interpretation: differentiation between the informational nature of prescriptive and descriptive notions, semantic monitoring of legal phenomena, and implementation of the principle of discourse contextualism, which makes it possible to formulate the normativity of law requirements based on the specific contextual interpretations.

Discussion and Conclusion. A justified conclusion about possibility of a properly selected semantic toolkit to determine the objectivity of perception of the legal norms and, consequently, to improve the process of building a legal culture was drawn. The main advantage of the principle of discourse contextualism such as conjunction of the semantics and pragmatics of legal notions was identified, which provides a fruitful foundation for further theorizing on the nature and metaphysics of law.

Keywords: semantics of law, normative meaning-formation, legal culture, contextual interpretation, normativity, law objectivity

Acknowledgements. The author is grateful to the reviewers for critical evaluation of the materials and suggestions for improvement thereof that contributed to the enhancement of the article quality.

For Citation. Alekhina ES. Conceptuality of Meaning-Formation in the Normative Theory of Law in the Context of Building a Legal Thinking Culture. *Legal Order and Legal Values*. 2025;3(4):9–15. <https://doi.org/10.23947/2949-1843-2025-3-4-9-15>

Введение. Формирование мыслительных процессов любого уровня происходит посредством инструментальности языка. Семиотический конструкт нормативной теории права направлен на выстраивание смысловых единиц и их совокупностей, организуя различные наборы языковых знаков с целью моделирования правового мышления индивидов и, как следствие, конструирования поведенческих паттернов населения.

Фундаментальное положение в рамках языковых концепций занимает семантика правовых понятий [1], отвечающая за понимание права и построение базовой культуры мышления. Как отмечает Ч. Варга, семантика в теории права стремится ответить на вопрос: что такое смысл [2], а также найти решение к сопутствующим проблемам развития семантической мысли, включающей в себя лексические, контекстуальные и герменевтические концепции смыслообразования.

Рассматривая право в качестве знаковой системы, А.Ю. Забелов утверждает, что «понятийный аппарат права чрезвычайно широк и разнообразен» [3, с. 122], в связи с чем интерпретация нормативных понятий представляет собой сложный аналитический процесс интеллектуально-волевой деятельности, «устанавливающей точный смысл правового акта и раскрытия выраженной в нем воли законодателя» [3, с. 122].

Истолкование природы правовых концептов изложено в трудах таких известных правоведов и философов, как Р. Дворкин, Д. Паттерсон и Г. Л. А. Харт. Аргументация Р. Дворкина касательно правовой семантики сводится к естественно-правовой интерпретации социально-политических понятий, что подразумевает слияние языковых, философских, законодательных и метафизических принципов (естественные виды права раскрывают семантику правовых концептов) [4]. Д. Паттерсон, выступая с контраргументами, утверждает, что «теоретическая позиция Дворкина не имеет методологических обоснований» [1, с. 94]. Стремление к определению формального значения нормативных предписаний приводит Паттерсона к парадигмальной интерпретации семантики права: «смыслообразование аргументировано целью правотворчества и правоприменения» [4, с. 556], т. е. «форма права определяет его социальное и лингвистическое содержание» [1, с. 97].

Однако наиболее глубокое исследование лингво-правовых взаимосвязей принадлежит Харту, выявившему структурную связь семантики и прагматики в процессе нормативного смыслообразования: концептуальный анализ правовых понятий, реализуемый посредством «философского определения» [5, с. 2], включает в себя рассмотрение терминов в пределах цельных характерных высказываний, взятых в типичных социально-лингвистических контекстах их использования, а также разъяснение условий целесообразности («истинности-ценности») их применения, их конкретной речевой функции (контекста и цели) [6, с. 32].

Несмотря на обилие теоретизированных научных исследований, направленных, как правило, на объективизацию семиотической природы права и анализ функционального конструкта правовой семантики, на сегодняшний день остаются нерешенными многие юридические вопросы практического характера, среди которых: интерпретационная неоднозначность смыслообразования и смыслоприменения нормативных актов; обобщенность, лексическая размытость и контекстуальная зависимость правовых понятий; несогласованность юридических терминов с разными правовыми системами, что в совокупности приводит к противоречиям и неточностям в юридической практике. В этой связи целью исследования является определение методологических принципов, способствующих выстраиванию допустимых границ семантической интерпретации правовых понятий в контексте построения культуры правового мышления.

Материалы и методы. В основу методологии исследования положен принцип правоведческого определения смыслообразования и смыслоприменения юридических норм в социально-правовом дискурсе. Корреляции данного принципа с аналитическими, систематизирующими и прагматическими методами позволили выявить сложный философский характер семантики права в контексте формирования правового мышления. Специализированным методом исследования стал семиотический анализ актуальности таких юридических понятий, как «семантика, синтактика и прагматика знака» [3, с. 123], способствующий организации иерархической структуры смыслообразования, определению контекстуальных различий правовых дефиниций, а также выявлению личностных отношений правовых субъектов и социума к семантическим единицам существующей правовой системы.

Результаты исследования. В процессе выстраивания правовой культуры мышления главным вопросом с точки зрения нормативной теории является определение понятия «смысл» и обнаружение инструментов смыслообразования. Анализ лексического подхода в рамках правовой семантики показывает, что знак сам по себе не имеет значения до тех пор, пока ему не присваивается смысловая нагрузка, т. е. знаки – это физически воспринимаемые понятия, которые доступны всем реципиентам. Физические явления и ментальные конструкции могут обозначаться одновременно. Связь между знаком и обозначенным устанавливается по смыслу. Из бесконечного разнообразия нашей природной среды и искусственного мира знаком может стать только то, к чему прилагается смысл [2].

В правовой культуре разных государств функционируют аутентичные лексические корпуса правовых знаний. Считается, что ключевой подход в изучении процессов применения права – это теория толкования, в рамках которой интерпретация может быть грамматической, логической, систематической и культурно-исторической. Однако любой из данных подходов основывается на знаниях и опыте, накопленных на протяжении тысячелетий в определенной правовой культуре. Следовательно, парадигматические корни лексической теории значения восходят к прошлому (естественное право) и тем самым не всегда передают объективный контекст [2]. Отсюда следует тот факт, что в разных социально-правовых условиях возникают противоречивые семантические интерпретации, основанные на целях и задачах регулятивного процесса, т. е. лексический подход призывает к «социологическому нормативизму» [7, с. 7], склонному к злоупотреблению догматическими концепциями в соответствии с традиционным типом мышления.

Контекстуальный подход как последовательная реакция на лексическую концепцию нормативного смыслообразования оформился в середине XX в. благодаря трудам Г. Л. А. Харта. Истинно парадигматичный характер лексической доктрины посредством контекстуальных принципов перешел в итоге не в обособленную методологию, а в улучшенную версию правовой аргументации, более открытую для компромиссных решений. В своей

«Концепции права» Харт установил, что при применении нормативного текста для определения правовых положений не может возникнуть никаких дилемм, поскольку никто не ставит под сомнение его значение, являющееся ядром смысла. Кроме того, по его мнению, любые правовые понятия (носители смысла) имеют два слоя – ядро и периферию. Ядро представляет собой четкие доминантные смысловые зоны, для которых действует однозначная понятийная интерпретация, в то время как пограничные зоны на периферии считаются расплывчатыми и неоднозначными. Соответственно, покидая ядро смысла и входя в полутень, расшифровать неопределенное значение помогает исключительно контекст [8]. Как заметил Ч. Варга, вопрос о том, что будет считаться актуальным из этой среды и контекста, будет определяться исключительно фактическими обстоятельствами данного случая, что требует четкого регулирования ситуации [2].

В подспорье контекстуальному методу при разрешении парадоксальных семантических проблем применяется герменевтический подход, родоначальником которого считается Ф. Шлейермахер, принявший единый корпус священных текстов Ветхого Завета в качестве основания для аргументации последующих человеческих убеждений [9]. Как отмечает В.В. Кожевников, герменевтический подход обеспечивает «необходимость предварительного понимания, позволяющего иметь определенную гипотезу, при которой каждая попытка толкования руководствуется уже известными представлениями об изучаемом объекте, т. е. существует уже определенное знание, которое является основой для дальнейшего понимания» [10, с. 19]. С точки зрения правовой герменевтики, семантическая составляющая нормативных понятий фиксирует определенное мировоззрение законодателя, которое может интерпретироваться по-разному, поэтому исследователи предлагают вкладывать в понятийное содержание права оригинальные идеи автора, не интерпретируя их [10].

Как мы считаем, базисом герменевтического подхода является реконструкция универсальной точки отчета в формировании правовой системы, в рамках которой лексические конструкции отделены от их функциональных принципов. Другими словами, процесс формирования закона завершается в определенный момент времени, когда он является полноценным текстовым воплощением фактических значений, однако результат его функционирования может быть вариативным в зависимости от того, посредством каких традиций он реализуется. «Следовательно, закон уже не отождествляется с текстом, даже концептуально» [2, с. 278].

Таким образом, с точки зрения отмеченных выше традиций правового смыслообразования, нормативное понятие является сложным конструктом. Его концептуальная сфера и его реальность, проявляющаяся в социальном существовании, включает в себя социокультурную среду, определяющую нормативные признаки и свойства правовых явлений. Соответственно, любое правовое понятие не является просто текстом или семиотическим набором, который можно исследовать обособленно от социального контекста.

Исходя из приведенного анализа принципов смыслообразования в нормативной теории права, мы приходим к обнаружению главной философской проблемы – противоречия между «нормативностью» и «социальностью» правовых понятий [11, с. 2], объективизирующего необходимость преодоления внешних (периферийных, социокультурных, метафизических) и внутренних (стержневых, нормативных) конфликтов толкования права с целью выстраивания устойчивых моделей правового поведения и правовой культуры.

В общем семантическом поле формирование однозначного смысла возможно путем разграничения информационного характера правовых явлений – прескриптивных или дескриптивных высказываний [12]. На первом этапе дифференциации норм-предписаний от описательных норм можно подразумевать некую поведенческую предопределенность, обусловленную статичным характером правовых предписаний, к которым относят запреты, разрешения и обязанности. Однако, как отмечают В.В. Попов и И.А. Мингес, приемлемость данного подхода корректируется «мерой сочетания детерминированного и случайного в откликах человеческого сознания и, соответственно, поведения на определенную информацию (норму-предписание), что позволяет отличать, например, инстинктивную реакцию от осознанной» [12, с. 27]. Следовательно, повышение уровня детерминированности поведенческих реакций требует учета нескольких факторов:

Нормативные модусы не всегда имеют конкретное знаковое отражение (долженствование, запрет, разрешение и т. д.) и обладают недостаточной нормативной эксплицитностью («языковая форма не соответствует нормативному содержанию, в связи с чем характер содержания устанавливается исходя из контекста употребления» [12, с. 28]). Значительная часть правовых предписаний представляет собой описательные формулировки неправомерных действий и возможные виды наказаний, определяемых в конкретно взятом случае. Так, в ст. 111 Уголовного кодекса РФ представлена информация о сущности умышленного причинения вреда здоровью и жизни человека, что влечет за собой наказание в виде лишения свободы. Изучив данное нормативное предписание, которое по своей сути должно быть прескриптивным вне зависимости от контекста, мы приходим к выводу о его дескриптивности, обусловленной множеством сопутствующих факторов и интерпретаций (степень тяжести причинен-

ного вреда, ментальное состояние правонарушителя, определения сроков лишения свободы и т. д.). Таким образом, допущение о том, что нормативная информация имеет четкое разделение на предписания и описания, не всегда состоятельно и аргументировано.

Наличие двойственной структуры правовых понятий (гипотетическая и деонтическая) приводит к нарушению логической цепочки между необходимостью и условностью нормативных предписаний. Так, например, универсальный атрибут правовой грамотности, касающийся различных видов мошенничества, соотносится с предписанием: необходимо быть осторожным (соблюдать нормы безопасности). Но в то же время гипотетичность высказывания о личной осторожности складывается из нескольких условий: я буду осторожен, если буду предупрежден и осведомлен, если не буду торопиться, буду принимать взвешенные решения и т. д. Отсюда следует, что двойственная основа правовых долженствований препятствует укреплению их подлинной нормативности [13].

Вероятностный характер правовых понятий, называемый закономерностным или казуальным, относится к проблемам классификации нормативных феноменов [14]. Таким образом, «описание положения вещей через вероятностные характеристики, сделанное в форме нормативных (предписывающих) высказываний, не является основанием для утверждения о наличии логико-семантической выводимости предписаний и описаний вероятностных процессов (принцип Юма)» [12, с. 29].

Из отмеченных выше факторов детерминированности правового смыслообразования следует вывод о семантической дескриптивности и относительности нормативной теории права, преодоление которой позволит укрепить регулятивные позиции нормативных структур и личностную осознанность граждан в процессе развития правовой культуры и правосознания.

Проведя анализ существующих рекомендательных мер, направленных на выстраивание допустимых границ семантической интерпретации правовых понятий, можно выделить наиболее релевантные и эффективные предписания. Так, Д.Р. Касимов предлагает в первую очередь «скептически относиться к текстуально отображенному в норме права (буквальному) значению какого-либо правового понятия (в том числе конституирующих его основ), поскольку такое значение, являясь по своей сути значением «по умолчанию», так или иначе семантически и тем более функционально конкретизируется нормативным контекстом» [15, с. 57].

На следующем этапе преодоления уже существующих противоречий Н.В. Кравчук приводит ключевой метод – «правовой мониторинг в качестве систематической целенаправленной деятельности по сбору, анализу и оценке качества действующих нормативных правовых актов с точки зрения их взаимной согласованности, наличия или отсутствия пробелов и противоречий в целях выработки предложений по совершенствованию правовой базы» [16, с. 13].

На наш взгляд, данный метод представляется достаточно обширным и сложно реализуемым при всем многообразии нормативных документов национального и международного уровня. Мы считаем, для укрепления нормативной объективности полисемичных правовых понятий необходимо первоначально определить наиболее конфликтные сферы применения семантических интерпретаций и законодательно признать факт субъективности правотворческой деятельности в конкретной юридической области.

В контексте семантических исследований относительности правовых явлений значимым этапом является разграничение понятийного аппарата в вопросах природы правовой нормативности, истинной объективности права, практической применимости юридических суждений и взаимосвязи между законом и моралью. Разделение этих вопросов и обособленное их решение позволит уточнить наше понимание пространственности теоретических проблем, правовой диалектики и правовой практики.

В данном направлении особенно примечательным является контекстуальный подход, предложенный А. Силком: дискурсный контекстуализм опирается на лингво-юридическую модель преломления закономерностей естественного языка в системе применения правовых принципов. Цель дискурсного контекстуализма состоит в том, чтобы вывести очевидную нормативность требований права из конкретной контекстуалистской интерпретации с точки зрения стандартной семантики нормативных модусов, наряду с общими принципами толкования [11, с. 1]. Данный подход проливает свет на социальную и межличностную функцию нормативного использования языка в правовом дискурсе посредством аналитического учета не только контекста, в котором используются правовые нормы, но и целей законодателя, реализуемых в итоге в новых результатах и интерпретациях.

Таким образом, толкование зависит не от того, что написано в тексте (лексико-грамматической составляющей), а от того, что привносит в дискурс интерпретатор. Другими словами, фундаментальными факторами смыслообразования в рамках данного подхода являются реакции, предположения и допущения реципиентов нормативной информации, а также политические взгляды и социальные настроения в обществе, что приводит нас к утверждению конечной цели нормотворчества и правоприменения – формирование и распространение правовой культуры в сознании и восприятии граждан.

Обсуждение и заключение. Современное состояние междисциплинарных исследований (лингвистические, юридические, философские и иные теории) процесса смыслообразования правовых понятий показывает, что у большинства юридических концептов присутствует обобщенное (дескриптивное) значение, влекущее за собой вариативные социокультурные и контекстуальные интерпретации. В центре внимания данного исследования находится вопрос: может ли семантический инструментарий детерминировать процесс формирования правовой культуры, сохраняя при этом нормативную объективность в сознании реципиентов правовой информации?

Из-за открытой структуры права и неопределенности естественного языка практически невозможно говорить о гармонизации контекстно-трансцендентной объективности права с множеством языковых интерпретаций [17]. Практика смыслообразования и смыслоприменения подразумевает, что значения правовых понятий напрямую связаны с их социальным использованием, однако концепция нормативности может устанавливать семантические пределы контекстуальных интерпретаций.

Для достижения данной задачи авторы предлагают следующие методологические рекомендации формирования однозначного смыслового поля правовых понятий: разграничение информационного характера прескриптивных или дескриптивных правовых норм, повышение уровня детерминированности поведенческих реакций реципиентов правовой информации, систематический семантический мониторинг правовых норм, оценка их актуальности и обновление, разграничение понятийного аппарата в вопросах нормативной природы права, а также практической применимости юридических понятий и т. д.

В результате проведенного исследования были выявлены методологические принципы выстраивания объективности процесса толкования правовых понятий, наиболее перспективным из которых, на наш взгляд, является дискурсивный контекстуализм. Будучи направленным на изложение и систематизацию условий эффективного употребления и восприятия нормативных явлений, он представляется особенно значимым в контексте укрепления правовой культуры и правосознания граждан. Главным преимуществом дискурсивного контекстуализма является объединение семантики и прагматики юридических понятий, что обеспечивает плодотворную основу для дальнейших научных изысканий в области природы и метафизики права.

Список литературы / References

1. Дидикин А.Б. Семантика правовых понятий и термины естественных видов: аргументы Д. Паттерсона. *Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность*. 2021;6(2):94–98. <https://doi.org/10.25206/2542-0488-2021-6-294-98>
2. Didikin AB. Semantics of Legal Concepts and Natural Kind Terms: D. Patterson's Arguments. *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2021;6(2):94–98. (In Russ.) <https://doi.org/10.25206/2542-0488-2021-6-294-98>
3. Csaba V. *The Paradigms of Legal Thinking. Philosophiae Iuris*. Budapest: Szent Istvan Tarsulat Publ; 2012. P. 237–300. URL: <http://real.mtak.hu/id/eprint/164114> (accessed: 01.11.2025).
3. Забелов А.Ю. Проблемы семантического анализа юридических понятий. *Современная научная мысль*. 2015;(5):121–126.
- Zabelov AY. Problems of Semantic Analysis of Legal Terms. *Modern Scientific Thought*. 2015;(5):121–126. (In Russ.)
4. Patterson DM. Dworkin on the Semantics of Legal and Political Concepts. *Oxford Journal of Legal Studies*. 2006;26(3):545–557.
5. Kasatkin SN. H.L.A. Hart's Methodology of Defining Legal Concepts: Problems of Connection between Semantics and Pragmatics in Legal Language Hart's Methodology of Defining Legal Concepts: Problems of Connection Between Semantics and Pragmatics in Legal Language. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. 2022;15(3):423–428. <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0225>
6. Hart HLA. *Definition and Theory in Jurisprudence. Essays on Jurisprudence and Philosophy*. Oxford: Clarendon Press; 1953. 28 p.
7. Вележев С.И. Социологический нормативизм и деонтологическая логика: теоретико-методологические аспекты использования в процессе исследования государственно-правовых явлений. *Теория и история экономики, государства и права*. 2012;(45):7–11.
- Velezhev SI. Sociological Normativism and Deontological Logic: Theoretical and Methodological Aspects of Their Use in the Process of Studying State-Legal Phenomena. *Theory and History of Economics, State and Law*. 2012;(45):7–11. (In Russ.)
8. Hart HLA. Positivism and the Separation of Law and Morals. *Harvard Law Review*. 1958;71(4):593–629.
9. Демьяненко А.П. Фридрих Шлейермахер о языке и понимании. *Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование*. 2008;(2(2)):47–51.

Demyanenko AP. Friedrich Schleiermacher on Language and Understanding. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*. 2008;(2(2)):47–51. (In Russ.)

10. Кожевников В.В. О герменевтическом методе в правоведении. *Вестник Омского университета. Серия «Право»*. 2020;17(1):15–26.

Kozhevnikov VV. About the Hermeneutic Method in Law. *Herald of Omsk University. Series “Law”*. 2020;17(1):15–26. (In Russ.)

11. Silk A. Normativity in Language and Law. In: Plunkett D, Shapiro S, Toh K (Eds.). *Dimensions of Normativity: New Essays on Metaethics and Jurisprudence*. New York: Oxford University Press; 2019. P. 287–313. URL: <https://philpapers.org/archive/SILNIL.pdf> (accessed: 08.11.2025).

12. Попов В.В., Мингес И.А. Две стороны нормативности права: решение в семантическом аспекте. *Вестник Волгоградской академии МВД России*. 2018;3(46):25–30.

Popov VV, Minges IA. Two Aspects of the Normality of Law: A Solution in the Semantic Aspect. *Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2018;3(46):25–30. (In Russ.) <https://doi.org/10.25724/vamvd.cjk>

13. Попов В.В. О связи прав человека со свободой: некоторые логические проблемы. *Вестник Волгоградской академии МВД России*. 2014;2(29):9–16.

Popov VV. Human Rights and Freedom: Some Logical Problems. *Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2014;2(29):9–16. (In Russ.)

14. Дудко Г.Н. Виды казуального толкования в праве. *Пролог: журнал о праве*. 2024;(1):16–25. <https://doi.org/10.21639/23136715.2024.1.2>

Dudko GN. Types of Casual Interpretation in Law. *Prologue: Journal on Law*. 2024;(1):16–25. (In Russ.) <https://doi.org/10.21639/23136715.2024.1.2>

15. Касимов Д.Р. Семантико-функциональная диспозитивность в интерпретации оценочных понятий уголовного закона. *Ius Publicum et Privatum*. 2021;(4(14)):52–58. <https://doi.org/10.46741/2713-2811-2021-4-52-58>

Kasimov DR. Semantic and Functional Optionality in the Interpretation of Evaluative Concepts of Criminal Law. *Ius Publicum et Privatum*. 2021;(4(14)):52–58. (In Russ.) <https://doi.org/10.46741/2713-2811-2021-4-52-58>

16. Кравчук Н.В. Юридические коллизии и способы их преодоления: научно-теоретические подходы. *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4: Государство и право*. 2023;(3):7–17.

Kravchuk NV. Legal Conflicts and Ways to Overcome Them: Scientific and Theoretical Approaches. *Social and Humanitarian Sciences: Domestic and Foreign Literature. Series 4: State and Law*. 2023;(3):7–17. (In Russ.)

17. Klatt M. Semantic Normativity and the Objectivity of Legal Argumentation. *Archives for Philosophy of Law and Social Philosophy*. 2004;90(1):51–65.

Об авторе:

Екатерина Сергеевна Алехина, кандидат экономических наук, доцент кафедры «Процессуальное право» Донского государственного технического университета (344003, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), [SPIN-код](#), [ORCID](#), ket_as@mail.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

About the Author:

Ekaterina S. Alekhina, Cand.Sci. (Economics), Associate Professor of the Department of Procedural Law, Don State Technical University (1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344003, Russian Federation), [SPIN-code](#), [ORCID](#), ket_as@mail.ru

Conflict of Interest Statement: the author declares no conflict of interest.

The author has read and approved the final manuscript.

Поступила в редакцию / Received 13.11.2025

Поступила после рецензирования / Reviewed 29.11.2025

Принята к публикации / Accepted 04.12.2025

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

Оригинальное теоретическое исследование

УДК 340.13

<https://doi.org/10.23947/2949-1843-2025-3-4-16-22>

EDN: KMAMRO

Эпистемологические ценности в теории права: антитеза юридическому интерпретивизму или провозглашение правового позитивизма?

А.Б. Шумилина , Н.А. Анциферова

Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

 nashum82@mail.ru

Аннотация

Введение. Проблема определения основ правовых ценностей традиционно рассматривается в рамках естественно-правового интерпретивизма и эпистемологического формализма. Эпистемологический подход утверждает степень доказательности, непротиворечивости и истинности изучаемых понятий и мировоззрений. Однако нельзя отрицать содержательную связь права и морали, в связи с чем возникает вопрос о соотношении эпистемологических и аксиологических начал в концепции правовых ценностей. Цель исследования – выявить целостное представление об эпистемологических правовых ценностях и определить их функциональные преимущества в юридической практике.

Материалы и методы. В статье представлен компаративистский анализ естественно-правовых и позитивистских воззрений относительно концепции правовых ценностей, организация и структуризация положений и аргументов, подкрепляющих практическую применимость обоих подходов. Анализ релевантных научных исследований даёт возможность выделить иерархическую структуру изучаемого концепта и ее составляющие.

Результаты исследования. Установлено, что правовая ценность нейтральна по своей природе. Систематизация аргументов, утверждающих естественно-правовой подход, объясняет моральную основу правовых ценностей, однако мораль не может быть универсально применимой из-за социокультурных различий. Соответственно, теория о равноправном единстве аксиологических и эпистемологических ценностей права несостоятельна. В рамках правового реализма теория аксиологических ценностей не противоречит позитивистским принципам, при условии соблюдения требования верховенства права, что обуславливает значимость эпистемологических ценностей, направленных на обеспечение эффективной юридической практики (последовательной и предсказуемой), а также исключение предвзятости и дискриминации.

Обсуждение и заключение. Функциональным ядром любой правовой системы являются эпистемологические ценности, утверждающие принцип объективности права, при этом альтернативный способ мышления (морализирующая интерпретация) существует только в качестве предвестника методологических изменений социальных правоотношений. Разработка авторского определения понятию «эпистемологические правовые ценности» позволяет расширить аналитический инструментарий современной науки. Результаты исследования могут применяться в дальнейшем к процессу моделирования эпистемологии юридической практики.

Ключевые слова: эпистемологические ценности права, естественное право, позитивное право, юридический интерпретивизм, аксиологические ценности

Благодарности. Авторы выражают благодарность рецензентам, чья критическая оценка материалов и предложения по их совершенствованию способствовали значительному повышению качества статьи.

Для цитирования. Шумилина А.Б., Анциферова Н.А. Эпистемологические ценности в теории права: антитеза юридическому интерпретивизму или провозглашение правового позитивизма? *Правовой порядок и правовые ценности*. 2025;3(4):16–22. <https://doi.org/10.23947/2949-1843-2025-3-4-16-22>

The Epistemic Values in the Theory of Law: Antithesis to Legal Interpretivism or Proclamation of Legal Positivism?

Anastasia B. Shumilina , Natalia A. Antsiferova
Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation

 nashum82@mail.ru

Abstract

Introduction. Traditionally, the problem of defining the foundations of legal values is studied within the framework of natural law interpretivism and formal epistemology. The epistemic approach asserts the degree of evidence, consistency and truthfulness of the studied concepts and worldviews. However, due to the substantive connection acknowledged between law and morality, there arises the problem of correlating the epistemic and axiological principles within the concept of legal values. The aim of the study is to develop a holistic understanding of epistemic legal values and determine their functional advantages in the legal practices.

Materials and Methods. The article presents a comparative analysis of the attitudes towards the concept of legal values from the point of view of natural-law and positivism. The provisions and arguments demonstrating practical applicability of both approaches were arranged and structured. The analysis of relevant scientific research made it possible to distinguish the hierarchical structure of the concept under study and its components.

Results. The original neutrality of a legal value has been ascertained. Systematization of the arguments in favour of the natural law approach makes it possible to explain the moral basis of the legal values. However, morality cannot be universally applicable due to sociocultural differences. Therefore, the theory of equal unity of axiological and epistemic values of law proves to be untenable. In the frame of legal realism, the theory of axiological values does not contradict the principles of positivism, on condition of adhering to the principle of the supremacy of law, which results in increased significance of the epistemic values aimed at ensuring the efficient legal practices (consistent and predictable), and eliminating bias and discrimination.

Discussion and Conclusion. The epistemic values that affirm the principle of legal objectivity are the functional core of any legal system, whereas an alternative thinking paradigm (the moralizing interpretation) can be considered only as a predictor of the methodological changes in social legal relationships. The definition of the notion of “epistemic legal values” developed by the authors contributes to the expansion of the analytical toolkit of modern science. The results of the study can be implemented into the process of epistemic modeling of legal practices.

Keywords: epistemic values of law, natural law, positive law, legal interpretivism, axiological values

Acknowledgements. The authors are grateful to the reviewers for critical evaluation of the materials and providing proposals on their improvement, which has significantly enhanced the quality of the article.

For Citation. Shumilina AB, Antsiferova NA. The Epistemic Values in the Theory of Law: Antithesis to Legal Interpretivism or Proclamation of Legal Positivism? *Legal Order and Legal Values*. 2025;3(4):16–22. <https://doi.org/10.23947/2949-1843-2025-3-4-16-22>

Введение. Юридическая и правовая практика неразрывно связаны с гносеологией, ответственной за определение границ правового познания, доказательных и аргументационных возможностей в получении знаний и утверждении ценностей. Эпистемологическая традиция освещает многолетние гносеологические вопросы, акцентуализируя моральные, политические, социокультурные, экономические и иные предпосылки истинности и объективности в системе права. По мнению Д.Ю. Шапсугова, «правовая эпистемология выступает способом осознания всей системы знаний о мире права, позволяющей видеть как имеющиеся пробелы в нем, так и реальную применимость его многообразных разновидностей, характеризующих создаваемый развивающийся человеком мир его ценностей» [1, с. 56].

Отношение к правовым ценностям в качестве эпистемологической категории утверждает степень доказательности, непротиворечивости и истинности изучаемых понятий, гипотез и мировоззрений. Однако в соответствии с концепцией прагматического реализма Х. Путнам рассуждения такого рода должны быть морально нейтральными [2], что противоречит аксиологическим интерпретациям правового знания. При этом теория правового позитивизма объявляет эпистемологическую ценность «жестким ядром системы права, которая не подвержена изменениям и является неопровержимой» [3, с. 411].

В поддержку юридического интерпретивизма выступают современные течения естественного права, переходящие на сторону intersubjectivity: в парадигмальном понимании методологические основы права

устанавливают ценностные ориентиры и смыслы правовых концепций во взаимоотношениях субъектов и окружающего их социокультурного пространства [4]. Ассоциируясь с идеями Р. Дворкина, интерпретивизм – как отвлечение естественного права – отстаивает тезис о единстве аксиологических и эпистемологических ценностей: любые моральные рассуждения могут быть верны в качестве конструктивной интерпретации фактических значений правовых ценностей [5], что, с одной стороны, подтверждает значимость социального воздействия на систему права, но с другой – приводит к заблуждениям в контексте доказательности, аргументированности и объективности правовых процессов и категорий, обусловленным множественностью аксиологических интерпретаций.

В этой связи главным вопросом данного исследования является определение истинной природы правовых ценностей, связанных с их объективностью и независимостью от моральных суждений субъектов права. Цель работы – выявить целостное представление об эпистемологических ценностях в теории права и определить их функциональные преимущества в юридической практике.

Задачи исследования:

1. Систематизировать научные аргументы за и против эпистемологических ценностей права.
2. Выявить соотношение естественно-правовых и позитивистских основ в формировании и функционировании правовых ценностей.
3. Сформулировать комплексное авторское определение понятия «эпистемологические правовые ценности».

Материалы и методы. Противоречивость аналитических данных касательно объекта исследования (соотношение аксиологических и эпистемологических правовых ценностей) определила необходимость компаративистского научного подхода, направленного на сравнение естественно-правовых и позитивистских воззрений, анализ и структуризацию положений и аргументов, подкрепляющих применимость тех или иных принципов.

Анализ релевантных научных источников позволил организовать актуальные данные в иерархическую структуру, согласно которой первоосновой правовых ценностей является аксиологическая методология (мораль, нравственность, религиозная догма), переходящая в условиях эволюционных преобразований к социально-юридической парадигме, ориентированной на деятельностный компонент мировоззренческих и правовых процессов, а затем к эпистемологическому эмпиризму и рационализму.

В рамках позитивистской методологии истинность теоретического и эмпирического знания утверждается исключительно посредством эпистемологических принципов (метод обоснованности правового знания), раскрывающего природу правовых ценностей, их нормативность и фундаментализм.

Результаты исследования. Система права априори не является исключительно социальным фактом, и любое понятие юридического характера, даже в условиях социокультурного или исторического контекста, должно использоваться в рамках его эпистемологического значения. Преимущественно описательные и аксиологические подходы будут ошибочными по причине возникновения путаницы критериальных понятий с интерпретирующими [6]. Политические концепции, такие как право и правовые ценности, тяготеют к завершенности и ориентированы на конкретный результат (справедливое спороразрешение, получение достоверных данных, аргументированность результатов). Теоретизирование конкретной ценности заключается в том, чтобы придать ей смысл, предоставляя интерпретацию о её моральном содержании [7]. Это конструктивное толкование защищают сторонники естественно-правового подхода (R. Dworkin, C.C. Lois, D. dos Santos Almeida и др.) в качестве единственно верного метода юридической мысли.

В своем знаменитом труде «Справедливость для всех» Дворкин выражает оригинальное мнение по отношению к моральным вопросам, подходя к ним с точки зрения этики. Этика, по его словам, касается тех принципов, которым мы должны следовать, чтобы сделать нашу жизнь «ценной» [5, с. 195]. Моральные ценности, составляющие ядро правовых, восходят к аристотелевским добродетелям, согласно которым человек должен жить достойно и серьезно относиться к своей ответственности и социальным обязательствам. Инновационность подхода Дворкина заключается в том, что он рассматривает моральные вопросы как расширение теории этики, которая диктуется не только требованиями морали, но и социальными правилами, однако идея о том, что наше этическое мировоззрение – это жизнь достоинства и самоуважения, является центральным звеном теории Дворкина.

Реализуя социально-политические задачи, человечество, ведомое исключительно моралью, должно стремиться к полноценной самоотверженности и бескорыстию, чтобы понятие ценности и ответственности имело объективно равное значение. Однако мировой опыт показывает, что человек всегда тяготеет к эгоизму и руководствуется собственными предпочтениями. Иллюстрацией тому является пример, приведенный С. Гэстом: «если я смогу спасти только одного тонущего из двух, среди которых будет моя жена и неизвестный мне человек, то я выберу свою жену» [8, с. 6]. Аргументируя свою позицию, сторонники естественного права утверждают, что

достижение ценности жизни людей требует если не эгоизма, то, по крайней мере, некоторого внимания к своей личности, определяющего достоинство с точки зрения этики [5].

Дальнейшее развитие концепций правового натурализма приходит к допущению о дуалистических основах правовых ценностей, тем самым преодолевая специфику чистого юснатурализма. Учитывая идею интегрированной гносеологии, которая вытекает из принципа Юма и морально-правовой философии Канта, концептуальный анализ понятия «ценность» неотделим от материально-правовых доктрин. Другими словами, невозможно предложить правовую теорию, которая является абсолютно нейтральной по отношению к своему объекту: «Критерии, которыми руководствуется теоретик, отдавая предпочтение некоторым элементам практики над другими, являются оценочными и имеют тот же характер, что и критерии, которые приводят судью к поддержке определенной концепции существующей системы права» [6, с. 4].

Как утверждают позитивисты, правовая ценность нейтральна по своей природе, вследствие чего суждения людей о ценности не могут быть истинными или ложными [8]. Соответственно, теория о равноправном единстве аксиологических и эпистемологических ценностей права несостоятельна. Аргументом является мнение о том, что мораль не может быть универсально применимой из-за культурных различий. Это подтверждает неправомерность юридического интерпретивизма, подчеркивающего значимость морали и нравственности в качестве контекстуальных обоснований, без которых система права станет механической функцией реализации правил и законов.

Признание важности эпистемологических ценностей в праве имеет, помимо объективности знания и достоверности фактов, ряд дополнительных преимуществ:

1. Эмпирическая точность – опираясь на аргументированные фактические ценности, процесс установления истинности или ложности того или иного юридического процесса обуславливается логическим соответствием теоретических данных практическим правовым результатам.

2. Контроль уровня свободы в принятии решений судами и органами власти – руководствуясь доктринальными знаниями и ценностями, правительственные институты имеют строгие ограничения, не позволяющие им перейти к авторитарности и деспотии.

3. Доказательность права – эпистемология дает ответы на вопросы: «Что такое актуальность? Какие доказательства являются правомерными? Каким образом правовая система выдвигает взвешенные решения об истинности и справедливости? Что способствует обеспечению юридической объективности?»

4. Фундаментальность свидетельских показаний – правовая гносеология засвидетельствования включает в себя признания свидетелей, показания назначенных экспертов, выводы из оценки достоверности и эпистемологической значимости показаний, что в совокупности обуславливает объективность сбора данных [9].

5. Стандартизация правовых процессов – унифицирование правовых нормативов и требований по своей сути противоречит идеям естественного права, однако дает возможность систематизировать формальные источники права, правотворческую деятельность и ее результаты [10].

Исходя из приведенных научных аргументов, подтверждающих значимость эпистемологических ценностей в праве, можно обобщить их направленность на обеспечение эффективной юридической практики и справедливости социальных правоотношений, процессуальной последовательности и предсказуемости, а также исключение предвзятости и дискриминации.

В современной научной мысли, исследующей проблемы соотношения естественно-правовых и позитивистских воззрений к понятию правовых ценностей, функционирует философская концепция модальной эпистемологии, которая утверждает, что убеждение может считаться знанием только при наличии соответствующей модальной связи между этим убеждением и фактами, подтверждающими его истинность [11]. Основными модальными условиями являются безопасность, чувствительность и принцип антириска [11]. Принцип безопасности считается основополагающим для правовых вердиктов, которые не могут быть ложными [9]. Принцип чувствительности утверждает, что убеждения, основанные на исключительно статистических данных, некорректны, вследствие чего не удовлетворяют правовым ценностям общества [12]. Теория антириска противостоит концепции эпистемологической удачи, предполагающей доказательность знания не по причине его истинности, а по причине доверия общества к данным убеждениям в качестве ценностных [13]. Рассматриваемые модальные условия применяются к правовой гносеологии для определения структуры правовых ценностей и разрешения парадокса гносеологических целей правовой системы. Несмотря на сближение аксиологических и эпистемологических ценностей права в рамках теории модальной эпистемологии («чувствительность играет важную роль в доказательном и процессуальном праве» [14, с. 72]), ученые не сходятся во мнении относительно соотношения естественно-правовых и позитивистских ориентиров, но выдвигают требования безопасности на первый ценностный план юридической практики.

Развитие системы правовых воззрений, находящихся на стыке аксиологических и эпистемологических ценностей, относится к утверждению принципов правового реализма. Для данного течения характерна выраженная методологическая близость к проблемам правопорядка, разделяющего эмпирическое исследование человеческой жизни и социального ориентирования. Как утверждает В.С. Груздев, правовой реализм объединяет в себе два истока правовой проблематики: «эмпирические данные (фактические закономерности) и метафизические начала (онтологизация социального опыта)» [15, с. 6]. Однако сам автор отмечает неоднородность соотношения рационалистического и аксиологического начал в концепции правовых ценностей: «...общество регулируется не только механическими законами, а социальными, в т. ч. культурными, что, как минимум, отражает определенное состояние общественной культуры и морали. Описательный подход всегда будет предполагать определенный культурный код понимания общественных закономерностей, при этом, реалисты должны иметь перед собой некое исходное понятие права, а иначе, каким же образом они будут отличать право от неправа» [15, с. 8].

Мы склонны согласиться с фактом о неравномерном распределении аксиологических и эпистемологических ценностей в праве, что не позволяет полностью исключить мораль, нравственность и иные социокультурные ориентиры общества, обуславливающие его аутентичность и самобытность. При этом мы считаем, что утверждение верховенства права должно быть главным аргументом в пользу правовой эпистемологии, так как юридическая практика, политика и общественные правоотношения требуют предсказуемых правовых норм, которые часто подразумевают требования, содержащиеся в «чистом» праве.

Традиционная позитивистская точка зрения имеет важное преимущество – правовые ценности меняются и развиваются, поскольку этого требует закон или прецедент, но это может привести к значительным трудностям, если нормы, которые остро нуждаются в изменениях, никогда не будут рассматриваться на законодательном уровне по причине их природной истинности. Как только мы допускаем влияние других источников знаний (аксиологических), эта проблема значительно смягчается [16]. Изменения в законодательстве могут быть предвещены в доктринальных источниках и тем самым узнаваемы для всех участвующих сторон.

Таким образом, обозначив главные преимущества эпистемологического подхода, мы приходим к обоснованию авторского определения термина «эпистемологические правовые ценности», который подразумевает понятие чистой сущности и природы правовых концептов и явлений, доктринальных основ и методов правового знания, рассматривающего закон как воплощение справедливости, истинности и объективности. Противопоставляя данную концепцию теории юридического интерпретивизма, эпистемологические ценности ориентированы на разрешение вопроса неопределенности, повсеместно возникающей в контексте аксиологических истолкований, вместе с тем «симбиоз норм, правил и мировоззрений» [17, с. 9] не противоречит позитивистским принципам, при условии соблюдения требования верховенства права.

Обсуждение и заключение. Обнаружение точек соприкосновения естественно-правовых и позитивистских подходов к определению понимания правовых ценностей подчеркивает обоснованность и значимость обоих подходов, однако приписывание доминирующих значений аксиологическим предпосылкам создает расплывчатость и противоречивость интерпретирующих понятий, которые акцентируют внимание на том, что даже самые фундаментальные истины могут быть оспорены так же, как моральные и конфессиональные принципы.

В результате проведенного исследования мы можем сделать аргументированный вывод о том, что функциональным ядром любой правовой системы являются эпистемологические ценности, связанные с нормативной доктриной и утверждающие принцип верховенства права, при этом альтернативный способ мышления (морализирующая интерпретация) считается лишь «теоретической дивергенцией» [6, с. 11]. В этом и заключается теоретическая значимость работы.

Главным недостатком юридического интерпретивизма является его концептуальная относительность: «то, что истинно или ложно, можно понять только в рамках определенной теории» [6, с. 11]. Однако объективный познавательный опыт невозможен без учета эпистемологических традиций, разграничивающих категории определенности (фактический точности) и относительности (правовой неопределенности). В этом направлении было разработано авторское определение понятию «эпистемологические правовые ценности», позволяющие расширить аналитический инструментарий современной науки, что обуславливает практическую значимость работы.

Дальнейшая применимость эпистемологического дискурса к процессу практического моделирования юридической практики обосновывается принципами достоверности, справедливости и доказательности в рамках общей правовой теории, что подтверждает перспективность будущих исследований.

Список литературы / References

1. Шапсугов Д.Ю. Правовая эпистемология как система знаний о мире права, его «Производстве», структурировании и использовании во благо человека. *Северо-Кавказский юридический вестник*. 2017;(1):46–56.

- Shapsugov DYu. The Legal Epistemology as a System of Knowledge of World of Law, Its “Production”, Structuring and Use for the Good of the Person. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2017;(1):46–56. (In Russ.)
2. Putnam H. Pragmatism and Nonscientific Knowledge. In book: *Pragmatism and Realism*. Conant J, Zeglen UM (Eds.). New York: Routledge; 2001. P. 14–24.
3. Маякунов А.Э. К вопросу об эпистемологических основаниях общей теории права. *Право и государство: теория и практика*. 2023;6(222):408–411.
- Mayakunov AE. On the Question of the Epistemological Foundations of General Theory of Law. *Law and State: The Theory and Practice*. 2023;6(222):408–411. (In Russ.)
4. Patterson D. *Philosophy of Law and Legal Theory: An Anthology*. Malden: Blackwell Publishing; 2003. 432 p.
5. Dworkin R. *Justice for Hedgehogs*. Harvard University Press; 2011. 528 p. <https://doi.org/10.2307/j.ctvjf9vkt>
6. Almeida D, Lois CC. Legal Theory and Epistemic Values: Against Authoritarian Interpretivism. In: *Proceedings of the 25th IVR World Congress “Law Science and Technology”*. Frankfurt am Main; 2011.
7. Dworkin R. *Justice in Robes*. Harvard University Press, Cambridge, MA; 2006. 308 p.
8. Guest S. The Unity and Objectivity of Value. *Ethics & International Affairs*. 2011;25(4). <http://doi.org/10.1017/S0892679411000372>
9. Gardiner G. *Legal Epistemology*. *Oxford Bibliographies: Philosophy*. Pritchard D (Ed). Oxford University Press; 2019. P. 52.
10. Сильченко Н.В. Понятие и возможная модель стандартов правотворчества. *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России*. 2019;1(45):65–70.
- Silchenko NV. The Concept and Possible Model of Law-Making Standards. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2019;1(45):65–70. (In Russ.) <http://doi.org/10.24411/2078-5356-2019-10108>
11. Black T. *Modal Epistemology*. *Routledge Encyclopedia of Philosophy*. Taylor and Francis; 2018. <http://doi.org/10.4324/9780415249126-P078-1>
12. Enoch D, Spectre L, Fisher T. Statistical Evidence, Sensitivity, and the Legal Value of Knowledge. *Philosophy and Public Affairs*. 2012;40(3):197–224.
13. Pritchard D. *Epistemic Luck*. Clarendon Press; 2007. 304 p.
14. Pardo MS. Safety vs. Sensitivity: Possible Worlds and the Law of Evidence. *Legal Theory*. 2018;24:50–75.
15. Груздев В.С. Правовой реализм: проблема типологизации и трактовки. *Право и государство: теория и практика*. 2020;190(10):6–8.
- Gruzdev VS. Legal Realism: The Problem of Typologization and Interpretation. *Law and State: The Theory and Practice*. 2020;190(10):6–8. (In Russ.)
16. Tjong Tjin Tai E. Rule of Law and Legal Epistemology. In book: *Legal Argumentation and Rule of Law*, Tilburg Law. Feteris E, Kloosterhuis H, Plug J, Smith C (Eds.). The Hague: Eleven; 2016. P. 193–204.
17. Веденеев Ю.А. Эпистемология права: между догматическим наследием и языком новой аналитики. *Гражданин. Выборы. Власть*. 2019;(1(11)):7–41.
- Vedeneyev YuA. Epistemology of Law: Between Dogmatic Heritage and Language of New Analytics. *Grazhdanin. Vybery. Vlast (Citizen. Elections. Power)*. 2019;(1(11)):7–41. (In Russ.)

Об авторах:

Анастасия Борисовна Шумилина, кандидат юридических наук, доцент кафедры «Коммерческое и предпринимательское право» Донского государственного технического университета (344003, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), [SPIN-код](#), [ORCID](#), nashum82@mail.ru

Наталья Александровна Анциферова, кандидат юридических наук, доцент кафедры «Коммерческое и предпринимательское право» Донского государственного технического университета (344003, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), [SPIN-код](#), [ScopusID](#), [ORCID](#), nata-rui@mail.ru

Заявленный вклад авторов:

А.Б. Шумилина: формирование основной концепции, цели и задач исследования, подготовка текста, формирование выводов.

А.Н. Анциферова: анализ результатов исследований, доработка текста, корректировка выводов.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

About the Authors:

Anastasia B. Shumilina, Cand.Sci (Law), Associate Professor of the Commercial and Entrepreneurial Law Department, Don State Technical University (1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344003, Russian Federation), [SPIN-code](#), [ORCID](#), nashum82@mail.ru

Natalia A. Antsiferova, Cand.Sci (Law), Associate Professor of the Commercial and Entrepreneurial Law Department, Don State Technical University (1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344003, Russian Federation), [SPIN-code](#), [ScopusID](#), [ORCID](#), nata-rui@mail.ru

Claimed Contributorship:

AB Shumilina: formulating the main concept, aim and objectives of the research, preparing the text, formulating the conclusions.

NA Antsiferova: analysis of the research results, refining the text, correcting the conclusions.

Conflict of Interest Statement: the authors declare no conflict of interest.

All authors have read and approved the final manuscript.

Поступила в редакцию / Received 31.10.2025

Поступила после рецензирования / Reviewed 25.11.2025

Принята к публикации / Accepted 01.12.2025

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ PUBLIC LAW (STATE LEGAL) SCIENCES

Оригинальное теоретическое исследование

УДК 342:321.01

<https://doi.org/10.23947/2949-1843-2025-3-4-23-30>

EDN: OFTRXQ

Национальная идея как фундамент национальной безопасности Российской Федерации

Ю.И. Исакова¹ , Г.С. Працко¹ , А.И. Мелихов² ✉

¹ Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

² Волгоградская академия МВД России, г. Волгоград, Российская Федерация

✉ m-13913@yandex.ru

Аннотация

Введение. Национальная идея рассматривается как ключевой фактор укрепления национальной безопасности России в современных условиях. Актуальность исследования обусловлена возросшей ролью духовно-нравственных ценностей и единства общества для противодействия комплексным угрозам безопасности. Несмотря на отсутствие в Конституции РФ официальной идеологии, сохраняется потребность в объединяющем идеологическом ориентире государства. Цель исследования – проанализировать роль и содержание национальной идеи как фундамента национальной безопасности Российской Федерации, выявить ее интеграционный потенциал и значение для защиты национальных интересов.

Материалы и методы. Исследование основано на анализе нормативно-правовых актов стратегического планирования (Стратегия национальной безопасности, Основы государственной политики по сохранению традиционных ценностей и др.), конституционных норм, а также научных трудов по проблеме национальной идеи и идеологической безопасности. Применялись общенаучные методы (анализ, синтез, обобщение), сравнительно-правовой и системный подход, историко-правовой анализ эволюции концепта национальной идеи.

Результаты исследования. Установлено, что национальная идея выступает интегрирующим началом, консолидируя многонациональный народ вокруг традиционных ценностей и патриотизма, что напрямую способствует укреплению безопасности государства. Выявлено, что закрепление национальной идеи в ценностно-целевых установках государственной политики позволяет эффективнее противостоять внутренним и внешним идеологическим угрозам.

Обсуждение и заключение. В современной России национальная идея фактически выполняет функцию объединяющей идеологии, не противореча Конституции РФ, и ее развитие представляет собой важнейшее условие обеспечения национальной безопасности и стабильного развития страны.

Ключевые слова: национальная безопасность, национальная идея, патриотизм, духовно-нравственные ценности, идеология, национальные интересы, единство общества, Российская Федерация

Благодарности. Авторы выражают благодарность рецензентам, чья критическая оценка материалов и предложения по их совершенствованию способствовали значительному повышению качества статьи.

Для цитирования. Исакова Ю.И., Працко Г.С., Мелихов А.И. Национальная идея как фундамент национальной безопасности Российской Федерации. *Правовой порядок и правовые ценности.* 2025;3(4):23–30. <https://doi.org/10.23947/2949-1843-2025-3-4-23-30>

The National Idea as the Foundation of National Security of the Russian Federation

Yulia I. Isakova¹ , Gennady S. Pratsko¹ , Alexander I. Melikhov²

¹ Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation

² Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs, Volgograd, Russian Federation

 m-13913@yandex.ru

Abstract

Introduction. The national idea is studied as a milestone for strengthening the national security of Russia in today's settings. The relevance of the study is explained by the increased role of spiritual and moral values and social cohesion in countering complex security threats. Despite the absence of an official ideology in the Russian Constitution, the need of the state in a consolidating ideological benchmark remains. The aim of the present study is to analyse the role and substance of the national idea as the foundation of the national security of the Russian Federation, identify its integrative potential and significance in protecting national interests.

Materials and Methods. The study was based on the analysis of the normative-legal acts of strategic planning (the National Security Strategy, the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values, etc.), constitutional norms, and research works on the problem of the national idea and ideological security. Within the research, the general scientific (analysis, synthesis, and generalization), comparative legal and system analysis methods were used, along with the historical-legal analysis of the national idea concept evolution.

Results. It has been established that the national idea is an integrating force, consolidating the multi-national people around the traditional and patriotic values, which directly contributes to strengthening the state security. It has been revealed that stipulation of the national idea in the value-targeted state policy guidelines enables a more efficient counteracting the internal and external ideological threats.

Discussion and Conclusion. In today's Russia, the national idea in fact fulfills the function of the unifying ideology without contradicting the Constitution, and its development is a crucial condition for ensuring national security and sustainable development of the country.

Keywords: national security, national idea, patriotism, spiritual and moral values, ideology, national interests, social cohesion, Russian Federation

Acknowledgments. The authors are grateful to the reviewers for critical assessment of the materials and suggestions for their improvement that contributed to the enhancement of the article quality.

For Citation. Isakova YuI, Pratsko GS, Melikhov AI. The National Idea as the Foundation of National Security of the Russian Federation. *Legal Order and Legal Values*. 2025;3(4):23–30. <https://doi.org/10.23947/2949-1843-2025-3-4-23-30>

Введение. Национальная идея является одной из наиболее значимых социально-политических концепций современной России [1], и в своих ранних работах мы уже обращались к вопросу пересечения безопасности и национальной идеи [2]. Ее поиски и формулирование активно ведутся с 1990-х гг., когда пришло осознание, что утрата объединяющего идеологического начала после распада СССР породила угрозы для целостности и безопасности государства. В частности, В.Э. Багдасарян и С.С. Сулакшин отмечали, что «одним из главных, основополагающих признаков всеобъемлющего духовного кризиса в России явилось отсутствие национальной идеи. Запрет государственной идеологии внесен в Конституцию РФ 1993 года. Страна вошла в исторический период жизни без собственных высших ценностей. Обесмысливание жизни российских граждан привело к демографической катастрофе, снижению трудовых мотиваций, массовой эмиграции. Разрушение прежней идеократической модели государственности происходило в режиме утраты всякой государственной идеологии. В действительности же за ширмой запрета на государственную идеологию де-факто утверждалась идеология либерализма, индивидуализма, антигосударственности. Практически все ключевые цивилизационные ценности тысячелетнего государства стали замещаться либо иноцивилизационными заимствованиями, либо просто суррогатами масс- и потребительской культуры» [3].

Уже в 1998 г. отмечалась неразрывная связь национальной идеи с вопросами национальной безопасности [4]. В последнее десятилетие актуальность данной темы многократно возросла в связи со сложной внешне- и внутриполитической обстановкой. После 2014 г. усиление санкционного давления, информационно-идеологическое противоборство и другие нетрадиционные угрозы поставили на повестку задачу консолидации российского общества на основе общей системы ценностей [5]. В этих условиях необходимость общенациональной идеи, способной противостоять деструктивным идеологиям и сплотить граждан, стала очевидной.

Одновременно высшим руководством страны была четко обозначена идеологическая доминанта. Так, президент В.В. Путин в 2016 г. подчеркнул, что у России нет и не может быть иной объединяющей идеи, кроме патриотизма – «это и есть национальная идея». Патриотизм предложен в качестве ценностного стержня, объединяющего общество и направляющего усилия всех граждан на укрепление страны. Отмечено, что такая идея не носит узкопартийного или официально идеологизированного характера, а заключается в стремлении сделать жизнь народа лучше через развитие и мощь самого государства¹.

Конституционный принцип идеологического многообразия (ст. 13 Конституции РФ) формально запрещает установление государственной идеологии, однако это не означает отсутствия у государства стратегических ценностных ориентиров. Научные исследования подчёркивают, что конституционный запрет не препятствует формированию общенациональной идеи, разделяемой большинством граждан [6, 7]. В научно-общественном дискурсе ведутся поиски оптимальной формулы национальной идеи, сочетающейся с конституционными нормами. В частности, на Всероссийской конференции «Государственная идеология и современная Россия» (2014 г.) подчёркивалась необходимость выработки практической идеологии для государственного строительства современной России. Государственная идеология в явном виде не закреплена, но национальная идея может рассматриваться как её функциональный аналог, не нарушающий конституционных основ [8].

В новейших стратегических документах прослеживается институционализация ценностей, близких к национальной идее. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации 2021 г. в числе стратегических приоритетов напрямую называет защиту традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Кроме того, Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей констатируют угрозы для отечественных духовно-нравственных основ и предусматривают меры идеологической защиты общества². Таким образом, к настоящему времени на высшем официальном уровне фактически сформулированы идеалы, выполняющие роль национальной идеи, – это патриотизм, гражданское единство, традиционные ценности и устремленность к развитию страны.

Исходя из изложенного, цель исследования – проанализировать роль и содержание национальной идеи как фундамента национальной безопасности Российской Федерации, выявить ее интеграционный потенциал и значение для защиты национальных интересов.

Для достижения цели необходимо решить следующие задачи:

- 1) раскрыть понятие и содержание национальной идеи в контексте безопасности;
- 2) определить ее функции по обеспечению защиты национальных интересов и ценностей;
- 3) проанализировать нормативно-правовое закрепление ценностных основ безопасности;
- 4) выявить проблемы и перспективы реализации национальной идеи с учетом конституционных ограничений.

Материалы и методы. Исследование носит теоретико-правовой характер. Материалами для анализа послужили нормативные акты и стратегические документы Российской Федерации, затрагивающие идеологические и ценностные аспекты безопасности (Конституция РФ, Стратегия национальной безопасности 2021 г., Основы государственной политики по укреплению традиционных ценностей 2022 г. и др.), а также труды отечественных исследователей, посвященные национальной идее, идеологической и духовной безопасности. В рамках исследования изучены работы, отражающие эволюцию представлений о национальной идее со времени постсоветского периода, современные публикации по проблемам защиты национальных ценностей, материалы научных конференций по вопросам государственной идеологии.

Для реализации цели был использован комплекс общенаучных и специальных методов. Основу методологии составил системный подход: национальная безопасность рассматривалась как сложная система, включающая идеологическую (духовно-нравственную) подсистему. Применялись методы анализа и синтеза при рассмотрении компонентов национальной идеи и их влияния на различные сферы безопасности. Историко-правовой метод позволил отследить изменения акцентов в государственной идеологической политике (от декларации идеологического многообразия 1993 г. к возрождению темы национальной идеи в 2000–2020-е гг.). Также использовался сравнительно-правовой анализ: сопоставлялись положения стратегических документов разных лет, нормы Конституции и позиции ученых относительно допустимости и формы существования национальной идеи. Междисциплинарный подход (с опорой на политологию, социологию) обеспечил всестороннее освещение исследуемой проблемы. Надежность выводов подкреплена опорой на официальные документы и авторитетные научные источники.

¹ ТАСС. Путин: патриотизм – «это и есть национальная идея». 03.02.2016. URL: <https://tass.ru/politika/2636647> (дата обращения: 09.11.2025).

² Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Указ Президента РФ № 809 от 09.11.2022. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019> (дата обращения: 09.11.2025).

Результаты исследования.

1. Теоретическое обоснование национальной идеи как фактора безопасности. Национальная идея определена как система фундаментальных ценностей, идеалов и целей, разделяемых обществом и государством, которая обеспечивает интеграцию всех групп населения на основе общей идентичности и служит духовно-нравственным ориентиром развития. Доказано, что обладание такой объединяющей идеей позволяет государству поддерживать внутреннюю стабильность и противостоять разрушающим воздействиям. Национальная идея выполняет аксиологическую функцию (формирует ценностное единство общества), мобилизационную функцию (стимулирует граждан к активности во имя общих целей) и коммуникативную функцию (обеспечивает язык и смыслы, понятные и близкие населению). Первооснова национальной идеи современной России – патриотизм, любовь к Родине, которая выступает стержнем консолидации общества³. Патриотизм дополняется другими скрепляющими ценностями: исторической памятью, традициями, духовностью, справедливостью. Совокупность этих идейно-нравственных основ образует идеологический каркас национальной безопасности. Чем прочнее и позитивнее сформулирован национальный идеал, тем более устойчиво государство к внутренним расколам и внешним психологическим воздействиям.

2. Связь национальной идеи с защитой национальных интересов и ценностей. Установлено, что национальная идея напрямую направлена на защиту базовых национальных интересов – суверенитета, целостности и устойчивого развития Российской Федерации. Она выступает своего рода идеологическим щитом, предохраняющим общество от размывания идентичности и ценностей в условиях глобальных информационных воздействий. Духовно-нравственные ценности российского народа (патриотизм, гражданский долг, уважение к традициям, единство многонационального общества) признаны стратегическим приоритетом государственной политики безопасности. Придание им статуса приоритетных охраняемых категорий означает, что подрыв этих ценностей рассматривается как угроза национальной безопасности. Таким образом, национальная идея в форме совокупности традиционных ценностей включена в сферу охраны наряду с территориальной, военной, экономической безопасностью. Например, Основы государственной политики по сохранению традиционных ценностей прямо указывают, что распространение деструктивных идеологий и искажение исторической правды являются опасностями, требующими ответных мер государства. В ответ реализуется комплекс мер: патриотическое воспитание, поддержка культуры, противодействие экстремистской идеологии – всё это практические шаги по укреплению идейного иммунитета общества, проистекающие из национальной идеи.

Национальная идея служит связующим звеном системы национальной безопасности, обеспечивая преемственность поколений и сохранение национальных ценностей [9]. Исследования показывают её колоссальный интеграционный потенциал и мощное социальное воздействие: благодаря общей идее народ сплачивается перед лицом угроз, возрастает доверие между обществом и властью, легитимируются усилия государства по обеспечению безопасности [10]. Иными словами, национальная идея повышает эффективность всей системы безопасности, действуя изнутри – через сознание граждан.

3. Нормативно-правовое закрепление идеологических основ безопасности. Анализ действующего законодательства и стратегических документов на предмет отражения в них элементов национальной идеи выявил, что прямого упоминания термина «национальная идея» в Конституции и федеральных законах нет (что связано с принципом отсутствия государственной идеологии). Тем не менее в ряде документов присутствуют ее составляющие. В Конституции РФ закреплены ценности, близкие к национальной идее: права и свободы человека, государственное единство, многонациональный народ как носитель суверенитета, память предков и патриотизм (преамбула). Федеральный закон «О безопасности» (2010 г.) относит к объектам безопасности как личность и государство, так и общество, его материальные и духовные ценности. Актуализирован список стратегических приоритетов: в новой Стратегии национальной безопасности (2021 г.) дополнительно отражены задачи защиты культурной самобытности и духовных скреп. Таким образом, на нормативном уровне постепенно складывается понимание, что обеспечение безопасности имеет не только силовой и институциональный, но и ценностный, мировоззренческий измеритель.

В то же время обнаружен ряд проблем правового характера. Главная из них – отсутствие понятия «национальная идея» в официальном дискурсе закона, что затрудняет её прямое внедрение в государственные программы и образовательные стандарты. Фактически национальная идея присутствует имплицитно (в виде упомянутых ценностей и целей), но ее статус и содержание не формализованы. Это оставляет пространство для различных трактовок и спекуляций. Также отмечено, что конституционный запрет государственной идеологии поначалу сковывал разработки в данном направлении. Однако современные исследователи и законодатели сходятся во мнении,

³ ТАСС. Путин: патриотизм – это и есть национальная идея». 03.02.2016. URL: <https://tass.ru/politika/2636647> (дата обращения: 09.11.2025).

что правильнее говорить не об *официальной идеологии*, а об *объединяющей национальной идее*, которая не навязывается сверху, а вырастает из исторического опыта и ценностей народа [11]. Такой подход не противоречит Конституции РФ и уже находит отражение в политике государства. Например, Указ Президента Российской Федерации от 09 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» фактически является идеологическим документом, хотя формально именуется «основами госполитики». Этот тренд наделения ценностей нормативной силой свидетельствует о постепенной легитимации национальной идеи в правовом поле.

4. Перспективы и рекомендации. Перспективным направлением развития концепта национальной идеи является дальнейшая конкретизация её содержания с участием широких слоев общества и экспертов. Определение, что именно составляет современную российскую национальную идею, должно быть результатом общенационального консенсуса. На данном этапе ядро идеи – патриотизм и традиционные ценности – уже обозначено, но требуется дополнить его образами будущего, которые вдохновят молодежь. В прикладном плане рекомендуется отражать элементы национальной идеи в государственных программах патриотического воспитания, в образовательных стандартах, культурной политике. Теоретики предлагают также рассмотреть возможность принятия рамочного закона или доктрины о национальной идее (по аналогии с основами госполитики), где определить статус и составляющие общенациональной идеи. Такое символическое закрепление придаст бы идее дополнительный вес [12–15].

Кроме того, важно обеспечить баланс между национальной идеей и идеологическим многообразием. Национальная идея не должна превращаться в догму или инструмент подавления инакомыслия. Напротив, она должна быть позитивной и объединяющей, оставаясь открытой для разных интерпретаций в рамках единых базовых ценностей. Многие авторы отмечают, что принцип идеологического плюрализма допускает существование консолидирующей общенациональной идеи, если она не навязывается административно [16]. Таким образом, дальнейшие исследования и общественные дискуссии должны быть направлены на наполнение национальной идеи конкретным содержанием, понятным и близким каждому гражданину, без нарушения демократических основ.

Обсуждение и заключение. Проведенное исследование подтверждает, что национальная идея играет системообразующую роль в архитектуре национальной безопасности России. Полученные результаты согласуются с выводами других ученых и стратегическими установками государства. Так, ранее высказывалось мнение, что в системе национальной безопасности национальная идея является необходимым связующим звеном для сохранения ценностей многонационального народа [9]. Наши выводы развивают эту позицию, показывая, каким образом ценности и ориентиры национальной идеи проникают в механизмы обеспечения безопасности, – через законодательную поддержку традиционных ценностей, через воспитательные практики и идеологическое противоборство внешним угрозам. Данные выводы имеют как теоретическое, так и прикладное значение. Теоретически они углубляют понимание нематериальных факторов безопасности, вносят вклад в развитие концепции духовной безопасности. Практически – могут быть использованы при формировании государственной политики в идеологической сфере. Например, результаты исследования подкрепляют целесообразность дальнейшего укрепления патриотического воспитания, информационной безопасности, законодательного закрепления ценностных приоритетов.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о содержании современной российской национальной идеи. Наш анализ показывает, что на данном этапе она во многом строится вокруг идеи сильного, независимого государства, способного обеспечить благополучие граждан – формула, которую можно выразить словами «Россия – сильное государство» [17]. Эта формула, предложенная в научной литературе, отражает стремление к государственному величию как национальному идеалу. Однако национальная идея не должна ограничиваться только государственным величием; она включает и качество жизни народа, и духовное развитие общества. В этом смысле формула национальной идеи расширяется до концепции великой и справедливой России, сохраняющей свою идентичность и динамично развивающейся в мировом сообществе.

Обсуждая перспективы, следует признать, что национальная идея – категория развивающаяся. Ее конкретное наполнение эволюционирует в ответ на вызовы времени. Если в 1990-е гг. акцент был на поиске новой идеологии взамен утраченной, то в 2020-е гг. – на защите уже имеющихся базовых ценностей от агрессивного внешнего информационного влияния и внутренней эрозии. В дальнейшем, по мере укрепления материальных основ жизни, национальная идея может сместить акцент с оборонительно-сохранительного (сбережение народа, традиций) на созидательный – нациотворческий образ будущего (например, национальная мечта о прорыве в развитии, о высоком качестве жизни, о лидерстве в мире науки и культуры). Государству предстоит гибко управлять идеологической политикой, чтобы национальная идея оставалась живым, объединяющим началом, а не превратилась в формальный лозунг.

Дальнейшие исследования в этой области могут быть направлены на более глубокое эмпирическое изучение отношения различных социальных групп к провозглашаемым ценностям национальной идеи, выявление факторов, препятствующих консолидации вокруг нее. Также актуален сравнительный анализ: опыт других государств в формировании национальной идеи и ее влияния на безопасность мог бы дать ценные уроки для России. Тем не менее уже сейчас ясно, что без идейно-ценностного единства невозможно достичь ни устойчивой безопасности, ни успешного развития. Национальная идея оказывается тем фундаментом, на котором зиждется здание национальной безопасности – невидимым, но жизненно необходимым каркасом, скрепляющим всю конструкцию государства и общества.

Список литературы / References

1. Лутовинов В.И. Национальная идея и стратегия национальной безопасности России как основа ее развития в XXI веке. *Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте. Серия 2: Юридические науки*. 2021;(3(29)):34–37. <https://doi.org/10.21777/2587-9472-2021-3-34-37>
- Lutovinov VI. National Idea and Strategy of National Security of Russia as the Basis of Its Development in the 21st Century. *Bulletin of Moscow University named after S. Yu. Witte. Series 2: Legal Sciences*. 2021;(3(29)):34–37. (In Russ.) <https://doi.org/10.21777/2587-9472-2021-3-34-37>
2. Мелихов А.И., Працко Г.С. Родина – форма коллективного выживания и актуальный объект обеспечения национальной безопасности. *Правовой порядок и правовые ценности*. 2023;1(2):5–15. <https://doi.org/10.23947/2949-1843-2023-1-2-5-15>
- Melikhov A.I., Pratsko G.S. Motherland as a Form of Collective Survival and a Relevant Object of Ensuring the National Security. *Legal Order and Legal Values*. 2023;1(2):5–15. (In Russ.) <https://doi.org/10.23947/2949-1843-2023-1-2-5-15>
3. Сулакшин С.С. (ред.) Системный кризис Российской государственности в 1990-е годы и опыт исторической инверсии. В: *История России: учебник для учителя*. Москва; 2012. 3012 с. URL: https://rusrand.ru/files/history/029-XX_vek.pdf (дата обращения: 09.11.2025).
- Sulakshin SS (Ed.). The Systemic Crisis of Russian Statehood in the 1990s and the Experience of Historical Inversion. In: *History of Russia: A Textbook for Teacher*. Moscow; 2012. 3012 p. (In Russ.) URL: https://rusrand.ru/files/history/029-XX_vek.pdf (accessed: 09.11.2025).
4. Арбатов А.Г. Национальная идея и национальная безопасность. *Мировая экономика и международные отношения*. 1998;(5):5–19.
- Arbatov AG. National Idea and National Security. *World Economy and International Relations*. 1998;(5):5–19. (In Russ.)
5. Килимник Е.В. Национальная идея и идеологическая безопасность в современной России. *Russian Journal of Management*. 2020;8(4):11–15. <https://doi.org/10.29039/2409-6024-2020-8-4-11-15>
- Kilimnik EV. National Idea and Ideological Security in Modern Russia. *Russian Journal of Management*. 2020;8(4):11–15. (In Russ.) <https://doi.org/10.29039/2409-6024-2020-8-4-11-15>
6. Исаева К.М. Конституционная конструкция принципа идеологического многообразия в Российской Федерации. *Юридический вестник Дагестанского государственного университета*. 2014;(4):46–49. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionnaya-konstruktsiya-printsipa-ideologicheskogo-mnogoobraziya-v-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 09.11.2025).
- Isaeva KM. The Constitutional Design of the Principle of Ideological Variety in the Russian Federation. Constitutional Construction of the Principle of Ideological Diversity in the Russian Federation. *Law Herald of Dagestan State University*. 2014;(4):46–49. (In Russ.) URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionnaya-konstruktsiya-printsipa-ideologicheskogo-mnogoobraziya-v-rossiyskoy-federatsii> (accessed: 09.11.2025).
7. Толмачева Е.С. Национальная идея Российской Федерации: анализ конституционно-правового регулирования. *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2013;(11(127)):364–368. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalnaya-ideya-rossiyskoy-federatsii-analiz-konstitutsionno-pravovogo-regulirovaniya> (дата обращения: 09.11.2025).
- Tolmacheva ES. National Idea of Russian Federation: Analysis of Constitutional Legal Regulation. *Bulletin of Tomsk State University*. 2013;11(127):364–368. (In Russ.) URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalnaya-ideya-rossiyskoy-federatsii-analiz-konstitutsionno-pravovogo-regulirovaniya> (accessed: 09.11.2025).
8. Государственная идеология и современная Россия. В: *Материалы Всероссийской научно-общественной конференции, Москва, 28 марта 2014 г.* Москва: Наука и политика; 2014. 1155 с.
- State Ideology and Modern Russia. In: *Proceedings of the All-Russian Scientific and Public Conference, Moscow, March 28, 2014*. Moscow: Nauka i politika Publ.; 2014. 1155 p. (In Russ.)
9. Кардашова И.Б. Национальная идея в системе национальной безопасности Российской Федерации. Актуальные вопросы обеспечения национальной безопасности. В: *Материалы III Международной научно-*

практической конференции, Санкт-Петербург, 13 декабря 2024 г. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургская академия Следственного комитета; 2025. С. 11–15.

Kardashova IB. National Idea in the National Security System of the Russian Federation. Topical Issues of Ensuring National Security. In: *Proceedings of the III International Scientific and Practical Conference, St. Petersburg, December 13, 2024*. Saint Petersburg: St. Petersburg Academy of the Investigative Committee; 2025. P. 11–15. (In Russ.)

10. Зинченко Я.И. Национальные ценности и идеалы как важнейшие составляющие национальной безопасности государства. *Молодой ученый*. 2023;(10(457)):84–86. URL: <https://moluch.ru/archive/457/100678> (дата обращения: 09.11.2025).

Zinchenko YaI. National Values and Ideals as the Most Important Components of the National Security of the State. *Molodoi uchenyi (Young Scientist)*. 2023;(10(457)):84–86. (In Russ.) URL: <https://moluch.ru/archive/457/100678> (accessed: 09.11.2025).

11. Насыров Р. Негативные аспекты использования концепта «империя» для определения геополитической сущности российского государства. *Юрислингвистика*. 2022;(24(35)):5–10. [https://doi.org/10.14258/leglin\(2022\)2401](https://doi.org/10.14258/leglin(2022)2401)

Nasyrov R. Negative Aspects of Using the Concept of “Empire” to Define the Geopolitical Essence of the Russian State. *Legal Linguistics*. 2022;(24(35)):5–10. (In Russ.) [https://doi.org/10.14258/leglin\(2022\)2401](https://doi.org/10.14258/leglin(2022)2401)

12. Панарин А.С. *Искушение глобализмом*. Москва: Эксмо; 2000. 415 с.

Panarin AS. *The Temptation of Globalism*. Moscow: Eksmo; 2000. 415 p. (In Russ.)

13. Кара-Мурза С.Г. *Манипуляция сознанием*. Москва: Эксмо; 2000. 862 с.

Kara-Murza SG. *Manipulation of Consciousness*. Moscow: Eksmo; 2000. 862 p. (In Russ.)

14. Панарин А.С. *Православная цивилизация*. Москва: Республика; 2001. 1248 с.

Panarin AS. *Orthodox Civilization*. Moscow: Respublika; 2001. 1248 p. (In Russ.)

15. Кара-Мурза С.Г. *Между идеологией и наукой*. Москва: Научный эксперт; 2014. 248 с.

Kara-Murza SG. *Between Ideology and Science*. Moscow: Nauchnyy expert; 2014. 248 p. (In Russ.)

16. Кокотов А.Н. Конституция России и идеология. *Актуальные проблемы российского права*. 2023;18(12(157)):11–23.

Kokotov AN. The Constitution of Russia and Ideology. *Actual Problems of Russian Law*. 2023;18(12(157)):11–23. (In Russ.)

17. Рожнева С.С. Национальная идея как основа безопасности российской государственности (Карелия – анализ единичного случая). *Studia Humanitatis Borealis*. 2014;(1(2)):39–50.

Rozhneva SS. National Idea as the Basis for the Security of Russian Statehood (Karelia Case Study). *Studia Humanitatis Borealis*. 2014;(1(2)):39–50. (In Russ.)

Об авторах:

Юлия Игоревна Исакова, доктор социологических наук, кандидат юридических наук, доцент, декан факультета «Юридический» Донского государственного технического университета (344003, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), [SPIN-код](#), [ORCID](#), isakova.pravo@bk.ru

Геннадий Святославович Працко, доктор философских наук, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры «Коммерческое и предпринимательское право» Донского государственного технического университета (344003, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), [SPIN-код](#), [ORCID](#), dasha_sam94@mail.ru

Александр Иванович Мелихов, доктор юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и административного права Волгоградской академии МВД России (400075, Российская Федерация, г. Волгоград, ул. Историческая, 130), [SPIN-код](#), [ORCID](#), m-13913@yandex.ru

Заявленный вклад авторов:

Ю.И. Исакова: формирование основной концепции.

А.И. Мелихов: формирование методологии исследования, подготовка текста, формирование выводов.

Г.С. Працко: анализ результатов исследования, доработка текста, корректировка выводов.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

About the Authors:

Yulia I. Isakova, Dr.Sci. (Sociology), Cand.Sci. (Law), Associate Professor, Dean of the Law Faculty, Don State Technical University (1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344003, Russian Federation), [SPIN-code](#), [ORCID](#), isakova.pravo@bk.ru

Gennady S. Pratsko, Dr.Sci. (Philosophy), Dr.Sci (Law), Professor of the Commercial and Entrepreneurial Law Department, Don State Technical University (1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344003, Russian Federation), [SPIN-code](#), [ORCID](#), dasha_sam94@mail.ru

Alexander I. Melikhov, Dr.Sci.(Law), associate Professor of the Constitutional and Administrative Law Department of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (130, Istoricheskaya Str., Volgograd, 400075, Russian Federation), [SPIN-code](#), [ORCID](#), m-13913@yandex.ru

Claimed Contributorship:

YuI Isakova: formulating the main concept.

GS Pratsko: development of research methodology, preparing the text, formulating conclusions.

AI Melikhov: analysis of research results, refining the text, correcting the conclusions.

Conflict of Interest Statement: the authors declare no conflict of interest.

All authors have read and approved the final manuscript.

Поступила в редакцию / **Received** 24.11.2025

Поступила после рецензирования / **Reviewed** 12.12.2025

Принята к публикации / **Accepted** 17.12.2025

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ PUBLIC LAW (STATE LEGAL) SCIENCES

Оригинальное теоретическое исследование

УДК 342.3:321

<https://doi.org/10.23947/2949-1843-2025-3-4-31-38>

EDN: LGCKEW

Государственно-правовое конструирование идентичности: русская модель в условиях геополитической трансформации

О.А. Артюхин^{1,2} , Л.Л. Иванова² ¹ Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация² Южно-Российский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация oart1969@mail.ru

Аннотация

Введение. Принятие Указа Президента РФ от 09.11.2022 № 809 и Федерального закона от 21.04.2025 № 74-ФЗ, закрепляющих традиционные ценности, знаменовало новый этап в государственной политике Российской Федерации, требующий научно-правового анализа. В современных условиях, связанных с цивилизационным переломом и изменением геополитической реальности в посткрымский период, актуализировалась потребность в переосмыслении идентичности через призму исторической преемственности, культурного суверенитета и этатистской модели патриотизма. Это обусловило системную трансформацию ценностно-нормативной основы общественного сознания, направленную на институционализацию патриотизма, приоритет национальных интересов и консолидацию вокруг традиционных духовно-нравственных ориентиров. Цель работы – определить функциональную роль современной российской правовой системы в обеспечении устойчивости национальной модели развития через правовое структурирование гражданской идентичности в условиях геополитической трансформации.

Материалы и методы. Эмпирическую базу исследования составили нормативно-правовые источники РФ (Конституция РФ, федеральное законодательство, указы Президента РФ, ведомственные нормативные акты и др.), научные публикации. Методологическую основу исследования составил комплекс общенаучных и частнонаучных методов.

Результаты исследования. Установлено, что формирование современной российской идентичности обусловлено сочетанием экзогенных и эндогенных факторов: усилением глобальной геополитической конкуренции и изменениями международной системы, а также последствиями социально-экономического и ценностного кризиса 1990-х гг. Институциональное закрепление традиционных ценностей произошло через принятие Указа Президента РФ № 809 от 09.11.2022 г. «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», который легитимизировал их как фундамент государственной политики и согласуется с процессом конструирования гражданской идентичности. Показано, что современная русская идентичность выстраивается вокруг этатистской модели патриотизма, объединяющей историческую память и культурные традиции. Основными вызовами остаются поддержание баланса между инклюзивной гражданской и этнокультурной идентичностью, а также преодоление постсоветского ценностного плюрализма. Успешность цивилизационной консолидации определяется способностью государства интегрировать разнообразные элементы политической культуры в единую систему национальных смыслов.

Обсуждение и заключение. Предложенные авторами теоретические и практические выводы можно использовать для дальнейшего исследования конституционно-правовых механизмов обеспечения баланса между общегражданской, этнокультурной и региональной идентичностями в рамках русского федеративного устройства. Также результаты исследования могут быть востребованы при разработке критериев и показателей для мониторинга эффективности правовых и государственно-управленческих решений, направленных на укрепление гражданской идентичности и патриотического сознания.

Ключевые слова: государственно-правовая система, Российская Федерация, гражданская идентичность, политико-правовая идентификация, этатистский патриотизм, геополитическая трансформация

Благодарности. Авторы выражают благодарность рецензентам, чья критическая оценка материалов и предложения по их совершенствованию способствовали значительному повышению качества статьи.

Для цитирования. Артюхин О.А., Иванова Л.Л. Государственно-правовое конструирование идентичности: российская модель в условиях геополитической трансформации. *Правовой порядок и правовые ценности*. 2025;3(4):31–38. <https://doi.org/10.23947/2949-1843-2025-3-4-31-38>

Original Theoretical Research

State-Legal Construction of Identity: Russian Model in the Context of Geopolitical Transformation

Oleg A. Artyukhin^{1,2} , Lyudmila L. Ivanova²

¹ Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation

² South-Russian Institute of Management, Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russian Federation

 oart1969@mail.ru

Abstract

Introduction. The adoption of the Executive Order of the President of the Russian Federation No. 809 of November 9, 2022, and Federal Law No. 74-FZ of April 21, 2025 has enshrined the traditional values and marked a new stage in the state policy of the Russian Federation requiring a scholarly legal analysis. In the current context of civilizational upheaval and changing geopolitical realities in the post-Crimean period, there arises an acute need to reconsider identity through the prism of historical continuity, cultural sovereignty and the etatistic model of patriotism. This has fostered a systemic transformation of the value-normative principles of public consciousness towards institutionalizing patriotism, prioritizing national interests and consolidating around the traditional spiritual and moral benchmarks. The aim of the study is to determine the functional role of the current Russian legal system in ensuring the sustainability of the national model of development through the legal structuring of civic identity in the context of geopolitical transformation.

Materials and Methods. The empirical study was based on the regulatory documents of the Russian Federation (the Constitution of the Russian Federation, Federal Laws, Executive Orders of the President of the Russian Federation, departmental regulations, etc.) and scientific publications. The methodology of research included a combination of general and specific scientific methods.

Results. It has been established that the formation of modern Russian identity is driven by a combination of exogenous and endogenous factors: intensification of global geopolitical competition and changes in the international system, as well as the consequences of the socioeconomic and value crises of the 1990s. Traditional values were institutionally enshrined by adoption of the Executive Order of the President of the Russian Federation No. 809 of November 9, 2022 “On Approving the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values” that had legitimized them as the foundation of state policy consistent with the process of constructing civic identity. The research revealed that modern Russian identity is built within the etatistic model of patriotism that integrates historical memory and cultural traditions. The main outstanding challenges are: maintaining a balance between the inclusive civic and ethnocultural identities, and overcoming post-Soviet value pluralism. The success of civilizational consolidation depends on the ability of the state to integrate diverse elements of political culture into a single system of national meanings.

Discussion and Conclusion. The theoretical and practical conclusions drawn by the authors can be used for further research into constitutional and legal mechanisms of ensuring a balance between civic, ethnocultural and regional identities within the federal structure of the Russian Federation. The research findings can also be useful in developing criteria and indicators for monitoring the efficiency of legal and public governance decisions aimed at strengthening civic identity and patriotic consciousness.

Keywords: state-legal system, Russian Federation, civic identity, political and legal identification, etatistic patriotism, geopolitical transformation

Acknowledgements. The authors are grateful to the reviewers for critical evaluation of the materials and suggestions for their improvement that contributed to significant enhancement of the article’s quality.

For Citation. Artyukhin OA, Ivanova LL. State-Legal Construction of Identity: Russian Model in the Context of Geopolitical Transformation. *Legal Order and Legal Values*. 2025;3(4):31–38. <https://doi.org/10.23947/2949-1843-2025-3-4-31-38>

Введение. Геополитическая трансформация инициировала изменение цивилизационной идентичности граждан Российской Федерации, что обусловило ценностно-нормативную переориентацию общественного сознания в сторону приоритета национальных интересов, традиционных духовно-нравственных основ и укрепления институциональной роли государства. Данная трансформация проявляется как в индивидуальном восприятии государственной политики, так и в коллективной оценке механизмов реализации национальных интересов через правовые, административные и социальные институты.

Как отмечает А.С. Панарин, периоды системных кризисов способствуют активизации архетипических слоев сознания, что в российском обществе проявляется как институционально закрепленная реакция на внешние вызовы [1], отражающаяся в публичных дискуссиях, образовательных программах, медийных инициативах и правовых нормах. Этот процесс тесно коррелирует с положениями Конституции РФ, закрепляющими приоритет национальных интересов, защиту исторической памяти и единство государства (ст. 67, 71, 75 Конституции РФ¹), а также с положениями федерального законодательства, регулирующего сферу образования, патриотического воспитания и государственной идеологической политики.

Современная социально-политическая и политико-правовая реальность формируется под воздействием сочетания экзогенных и эндогенных факторов. Экзогенный фактор связан с ужесточением геополитической конкуренции и санкционной политикой со стороны коллективного Запада, интерпретируемой российским политическим классом через призму фундаментального ценностного конфликта. Панарин рассматривает дихотомию «Восток–Запад» не как противостояние независимых сущностей, а как циклическое доминирование взаимопроникающих принципов, при котором в каждой фазе усиливаются позиции сторонников «чужого» принципа [2], что отражается в нормативно-правовой сфере через принятие мер, направленных на защиту суверенитета, обеспечение информационной безопасности и поддержку отечественных экономических и социальных институтов.

Эндогенный фактор проявляется в публичной и правовой дискуссии о реставрации российской государственности, что, по мнению О.В. Крыштановской, связано с необходимостью преодоления системной деградации социальных институтов, правового нигилизма и ценностно-мотивационной деформации, вызванной кризисом 1990-х гг. [3]. В нормативно-правовом поле данная задача реализуется через комплекс мер, включающих: институциональное закрепление традиционных ценностей (Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»², Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»³), развитие гражданских и молодежных инициатив, а также укрепление роли органов государственной власти и местного самоуправления в обеспечении социальной солидарности.

Цель исследования – определить функциональную роль современной российской правовой системы в обеспечении устойчивости национальной модели развития через правовое структурирование гражданской идентичности в условиях геополитической трансформации. Достижение поставленной цели осуществляется через комплексное исследование влияния законодательно закреплённых ценностных ориентиров на формирование гражданской и цивилизационной идентичности в современной России; интеграции этих ориентиров в стратегические направления государственной политики, включая сферу образования, культуры, информационного регулирования и патриотического воспитания; их воздействие на переориентацию общественного сознания, формирование устойчивых патриотических, культурно-исторических и социально-правовых моделей поведения граждан; обеспечения легитимности государственных решений через синтез ценностной, правовой и институциональной базы.

Материалы и методы. Эмпирическую базу исследования составили нормативно-правовые источники, определяющие государственную политику России в сфере образования, культуры, патриотического воспитания и сохранения исторической памяти (Конституция РФ, федеральное законодательство, указы Президента РФ, ведомственные нормативные акты, стратегические документы и др.); а также научные монографии, статьи и диссертационные исследования по философии права, политологии, социологии, раскрывающие природу идентичности, социализации и легитимности власти. Кроме того, авторы опирались на публикации и экспертные оценки, отражающие позицию российского политического и экспертного сообщества по вопросам геополитики, национальной безопасности и цивилизационной идентичности.

Методология исследования построена на комплексном подходе, адекватном междисциплинарному характеру проблемы, и включает формально-юридический, сравнительно-правовой, историко-правовой, а также теоретико-

¹ Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202210060013> (дата обращения: 03.11.2025).

² Об образовании в Российской Федерации. Федеральный закон № 273-ФЗ от 29.12.2012. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001201212300007?ysclid=mjh3nkt00j896004657> (дата обращения: 03.11.2025).

³ Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Указ Президента РФ № 809 от 09.11.2022. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019?ysclid=mjh3pcy498807686799> (дата обращения: 03.11.2025).

прогностический методы. Методологическая база интегрирует классические и современные подходы, включая цивилизационную парадигму А.С. Панарина, конструктивистский подход Э. Геллнера и Б. Андерсона, и концепции П. Бергера и Т. Лукмана о социальном конструировании реальности. В рамках моделей Т. Парсонса и Д. Истона анализируются функции гражданской идентичности в обеспечении устойчивости и адаптивности политической системы. Для анализа и систематизации теоретических взглядов отечественных и зарубежных ученых использован метод конкретизации и интерпретации.

Результаты исследования. История человечества демонстрирует несколько этапов, приведших к необходимости процесса идентификации. В архаических обществах, где преобладала механическая солидарность, индивидуальная идентичность практически полностью растворялась в коллективной. Изучая генезис восточных деспотий, Л.С. Васильев отмечал, что первобытный человек считал себя частью рода или племени, а не отдельной личностью [4]. Это было связано в первую очередь с социальной структурой таких обществ, которая основывалась на архетипической оппозиции «свой–чужие», выполнявшей функцию базового механизма социальной демаркации.

С переходом к стратифицированным обществам (рабовладельческому и феодальному) доминирующей формой стала аскриптивная идентичность, где социальный статус и политико-правовая роль жестко определялись происхождением и сословной принадлежностью. Индивид был «встроен» в жесткую иерархическую структуру, где пространство для личной политико-правовой самоидентификации было минимальным.

Индустриализация общества внесла кардинальные изменения в определение идентичности. Как показал Э. Геллнер, в этот период возникли предпосылки для формирования сложных, многокомпонентных идентичностей [5]. Классовая принадлежность, профессиональная стратификация, идеологические и партийные предпочтения стали новыми критериями идентификации. Этот процесс сопровождался усложнением социальных ролей и появлением «новой структурной компоненты – публичной сферы», где формируется политико-правовая идентичность [5].

Идентификация – процесс, помогающий индивиду определить свою идентичность. Отечественные исследователи, анализируя проявления политико-правовой идентичности, определяют ее «как механизм и как институт, причем доминирующая роль в ее формировании во всех измерениях принадлежит конституционным ценностям, в основе которых лежит общепризнанная система нормативно-правовых и ценностных регулятивов» [6]. Современная юридическая наука позволяет структурировать исследование идентичности по нескольким ключевым направлениям: социально-политическое и правовое измерение, цивилизационный и политико-культурный ракурс, международное политико-правовое измерение, пространственно-территориальный контекст и ряд других областей. В рамках данного исследования особое внимание уделено идентичности в аспекте социально-политико-правовых и социально-культурных ценностей россиян.

В контексте формирования политико-правовой идентичности ключевым фактором выступает социально-правовое признание индивида, выражающееся в гарантировании и соблюдении его правового статуса, обеспечении принципа равноправия и закрепления мер юридической ответственности. Данный процесс детерминирует становление у личности целостного представления о своей позиции в правовом поле, включая субъективные права, юридические обязанности и роль в системе публично-властных отношений. Особенность политико-правовой идентификации заключается в двустороннем процессе: индивид соотносит себя с определенной группой через саморефлексию, а участники группы оценивают его взгляды, «ратифицируя» политико-правовую идентичность и соотнося её с ролевыми ожиданиями. Результатом является приобретение конкретным индивидом определенной политико-правовой идентичности.

Классификация форм идентичности важна для анализа устойчивости систем. Отечественные исследователи выделяют основные типы идентичности по критерию стабильности [7]:

- базисная (устойчивая) – формируется в процессе длительной политико-правовой социализации, коренится в устойчивых ценностных ориентациях и установках личности;
- ситуативная (конъюнктурная) – определяется изменяющимися факторами среды, например, медийной повесткой или влиянием лидера, особенно характерна для периодов социальной нестабильности.

Также значимо изучение позитивной и негативной идентичности: негативная политико-правовая идентичность выражается в непринятии той или иной идеи, проявляясь как в открытых протестах, так и в латентных формах, распространение которых, как считал Д. Истон, свидетельствует о кризисных состояниях системы [8].

Формирование политико-правовой идентичности обусловлено процессом политико-правовой социализации, который включает интериоризацию норм и ценностей, а также поэтапное формирование когнитивной модели восприятия политико-правовой реальности. Через социализацию происходит «инкорпорация личности в нормативно-ценностную систему общества» (Т. Парсонс). В политико-правовом измерении это предполагает усвоение комплекса норм, регламентирующих допустимое поведение.

Представленная П. Бергером и Т. Лукманом модель социального конструирования реальности позволяет анализировать формирование политико-правовой идентичности как динамического процесса, обусловленного как стабильными социально-культурными факторами, так и текущим политико-правовым контекстом. В рамках модели теории выделяют две фазы социализации [9]:

- первичная – интериоризация базовых норм и ценностей общества;
- вторичная – накопление специализированных знаний и участие в практиках, обеспечивающее адаптацию и корректировку установок личности в условиях изменения среды.

Распад СССР и советских институтов (пионерская организация, комсомол, партийная система) создал вакуум формальных каналов социализации, что привело не только к кризису преемственности поколений, но и к утрате унифицированных ценностных ориентиров и фрагментации моделей гражданской идентичности. Смена идеологических парадигм инициировала трансформацию российской национально-государственной идентичности, сопровождавшуюся пересмотром исторических нарративов, ценностей и социокультурных ориентиров. Политико-правовая идентичность, основанная на национальных ценностях, выступает фундаментом патриотического сознания. Идентификация с национальными идеями формирует вектор патриотических настроений, поддерживающий государственную политику и суверенитет.

Уникальное территориальное расположение России, культурные традиции и поиск новых векторов развития в эпоху глобализации оказывают влияние на формирование политико-правовой идентичности, одновременно создавая риски снижения уровня политико-правового сознания. В обществе наблюдается плюрализм интерпретаций исторического прошлого с широким спектром противоречивых мнений о событиях и их влиянии на современный политико-правовой и экономический ландшафт. В условиях геополитической конфронтации, совмещающей информационное противоборство с реальными действиями, происходит реконфигурация ценностных оснований общества с акцентом на традиционные духовно-нравственные ценности. В.Н. Расторгуев в своей книге «Патриотизм и русская цивилизационная идентичность в современном российском обществе» отмечает: «Иерархия ценностей, характерная для осознания цивилизационной принадлежности, ... позволяет сохранить преемственность культур и подлинную идентичность». Этот процесс соответствует теории «столкновения цивилизаций» С. Хантингтона.

В 2025 г. наша страна отметила 80-летие Победы в Великой Отечественной войне. Данный историко-политический нарратив стал объектом противостояния в информационных войнах, где осуществляется деконструкция исторических представлений, формирующих национальную идентичность. Этот феномен отражает инверсию теории «мягкой силы» Дж. Наема, когда информационные инструменты используются для ослабления конкурентов. Современные попытки ревизии исторических фактов, выражающиеся в целенаправленном искажении роли СССР в разгроме нацизма, представляют собой, по меткому определению Г.Н. Губарева, «агрессию против исторической памяти», направленную на подрыв патриотизма [10]. Именно поэтому провозглашение 2025 года Годом Великой Победы представляет собой стратегическую инициативу, обладающую значительным нормативно-правовым и политико-идеологическим содержанием. Данное решение, закрепленное в системе президентских указов (№ 568 от 31.07.2023⁴, № 743 от 02.09.2024⁵), направлено на противодействие целенаправленной девальвации исторической памяти о ключевой роли в разгроме нацизма и носит превентивный характер в условиях актуализации неонацистских идеологий. Принятый Федеральный закон № 74-ФЗ от 21.04.2025 «Об увековечении памяти жертв геноцида советского народа»⁶ юридически квалифицирует преступления против мирного населения и формирует основу для восстановления исторической справедливости на международной арене.

Ответные меры РФ, направленные на подтверждение цивилизационного статуса, соответствуют «цивилизационному реализму», где защита исторической правды рассматривается как вопрос национальной безопасности. Институциональное закрепление курса укрепляет патриотическое сознание и консолидацию общества вокруг идеи национального величия и исторической преемственности. Указ Президента РФ от 20.10.2012 № 1416 «О совершенствовании государственной политики в области патриотического воспитания»⁷ систематизирует патриотическое воспитание, обеспечивая комплексный подход к развитию гражданской идентичности.

⁴ О подготовке и проведении празднования 80-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов. Указ Президента РФ № 568 от 31.07.2023. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202307310027?ysclid=mjh3seffbb752951721> (дата обращения: 03.11.2025).

⁵ О юбилейной медали «80 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Указ Президента РФ № 743 от 02.09.2024. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202409020008?ysclid=mjh3vb59jd515886537> (дата обращения: 03.11.2025).

⁶ Об увековечении памяти жертв геноцида советского народа в период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. Федеральный закон № 74-ФЗ от 21.04.2025. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202504210003?ysclid=mjh3xuhn7947224658> (дата обращения: 03.11.2025).

⁷ О совершенствовании государственной политики в области патриотического воспитания. Указ Президента РФ № 1416 от 20.10.2012. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001201210220005?ysclid=mjh425qnz2533525720> (дата обращения: 03.11.2025).

Патриотизм как ценностно-политико-правовой конструкт объединяет идеи, убеждения и практики, определяющие когнитивные и поведенческие паттерны самоидентификации. Он служит инструментом консолидации нации вокруг общих символов и ценностей [11]. Однако здесь необходимо учитывать, что формирование общероссийской гражданской идентичности требует балансирования между инклюзивными и эксклюзивными моделями патриотизма. Инклюзивная модель основана на добровольном выборе, эксклюзивная ассоциируется с авторитарными политико-правовыми культурами, порождая дискуссии о параметрах современного патриотизма [12].

В последние годы в Российской Федерации происходит последовательное нормативно-правовое укрепление этатистской модели патриотизма, с доминирующим вектором лояльности государственным институтам [13]. Институциональное закрепление этой модели реализуется через систему образовательных программ и молодежных движений, формирующих ценностные ориентиры нового поколения [14]. Ключевыми документами, определяющими данную политику, являются уже упомянутый нами Указ Президента РФ от 20.10.2012 № 1416 и «Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года». В рамках этой стратегии разрабатываются и внедряются конкретные модели патриотического воспитания, направленные на консолидацию общества вокруг общих ценностей. Таким образом, формируется целостный государственно-управленческий подход к патриотизму как к основе гражданской идентичности и социальной сплоченности.

Интегративная функция патриотизма в формировании национальной идентичности приобретает особое значение в условиях современных геополитических вызовов. Прав Д. Истон, утверждавший, что легитимность политико-правовой системы во многом зависит от способности власти мобилизовать патриотические чувства граждан [15]. Патриотизм обладает ярко выраженным идеологическим измерением, задавая систему координат для оценки гражданской роли и политико-правовой реальности на внутреннем и международном уровнях. Императив современной государственной политики – трансформация патриотизма в идеологическую систему, обеспечивающую легитимацию решений, социокультурную интеграцию и мобилизационную готовность населения.

Обсуждение и заключение. Проведенное исследование носит теоретико-прикладной характер и сосредоточено преимущественно на нормативно-правовом и институциональном аспектах конструирования идентичности. Это позволяет констатировать, что формирование в современной России целостной государственно-правовой модели управления идентичностью основано на синтезе конституционных ценностей, традиционных духовно-нравственных ориентиров и стратегических национальных интересов. Нормативно-правовое закрепление этатистской модели патриотизма через систему федерального законодательства, президентских указов и ведомственные акты создает институциональные предпосылки для консолидации общества вокруг ценностей исторической преемственности и гражданской солидарности.

Анализ показал, что современная российская идентичность формируется как сложный правовой конструкт, интегрирующий индивидуальные и коллективные ценностные ориентации в систему публично-властных отношений. Институционализация патриотического воспитания и защита исторической памяти становятся ключевыми элементами обеспечения национальной безопасности и духовного суверенитета государства в условиях геополитической конфронтации.

Перспективы дальнейшего развития связаны с совершенствованием правовых механизмов балансирования между инклюзивными и эксклюзивными моделями патриотизма, а также с разработкой эффективных технологий интеграции разнородных социальных групп в единое ценностно-нормативное пространство гражданской нации.

Список литературы / References

1. Панарин А.С. *Православная цивилизация в глобальном мире*. Москва: Алгоритм; 2002. 492 с.
Panarin AS. *Orthodox Civilization in the Global World*. Moscow: Algorithm; 2002. 492 p. (In Russ.)
2. Панарин А.С. *Россия в циклах мировой истории*. Москва; 1999. 288 с.
Panarin AS. *Russia in the Cycles of World History*. Moscow; 1999. 288 p. (In Russ.)
3. Крыштановская О.В. *Анатомия российской элиты*. Москва: Захаров; 2005. 381 с.
Kryshchanovskaya OV. *Anatomy of the Russian Elite*. Moscow: Zakharov; 2005. 381 p. (In Russ.)
4. Васильев Л.С. Феномен власти-собственности. К проблеме типологии докапиталистических структур. В кн.: *Типы общественных отношений на Востоке в средние века*. Москва; 1982. С. 45.
Vasiliev LS. The Phenomenon of Power-Property. On the Problem of the Typology of Precapitalist Structures. In: *Types of Social Relations in the East in the Middle Ages*. Moscow; 1982. P. 45. (In Russ.)
5. Геллнер Э. *Нации и национализм*. Бредникова Т.В., Тюнькина М.К. (пер.); Крупника И.И. (ред.). Москва: Прогресс; 1991. 794 с.
Gellner E. *Nations and Nationalism*. Brednikova TV, Tyunkina MK (Transl.), Krupnik II (Ed.). Moscow: Progress; 1991. 794 p. (In Russ.)

6. Жаде З.А., Шадже А.М., Хуако З.Ю. Основы политико-правовой идентичности россиян и конституционные ценности: концептуальный анализ. *Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Регионоведение: философия, история, социология, экономика, юриспруденция, политология, культурология*. 2012;(2):178–185.

Zhade ZA, Chadje AM, Khuako ZYu. Ases of Political and Legal Identity of Russians and the Constitutional Values: Conceptual Analysis. *The Bulletin of the Adyghe State University. Series: Region Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Sciences and Culturology*. 2012;(2):178–185. (In Russ.)

7. Зазнаев О.И. (ред.) *Политическая идентичность и политика идентичности: очерки*. Казань: Отечество; 2011. 230 с.

Zaznaev OI (Ed.). *Political Identity and Identity Politics: Essays*. Kazan: Otechestvo; 2011. 230 p. (In Russ.)

8. Easton D. *The Political System: An Inquiry into the State of Political Science*. New York: Alfred A. Knopf; 1953. 320 p.

9. Бергер П., Лукман Т. *Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания*. Руткевич Е.Д. (пер.). Москва: Медиум; 1995. 323 с.

Berger P, Lukman T. *Social Construction of Reality. A Treatise on the Sociology of Knowledge*. Rutkevich ED (Transl.). Moscow: Medium; 1995. 323 p. (In Russ.)

10. Губарев А.Б. *Информационные войны как объект политологического исследования*. Автореф. дис. канд. полит. наук. Уссурийск; 2005. 170 с.

Gubarev AB. *Information Wars as an Object of Political Science Research*. Extended Abstract Cand.Sci. (Politology). Ussuriysk; 2005. 170 p. (In Russ.)

11. Андерсон Б. *Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма*. Николаев В. (пер.). Москва: КАНОН-пресс-Ц; Кучково поле; 2001. 288 с.

Anderson B. *Imagined Communities. Reflections on the Origins and Spread of Nationalism*. Nikolaev V (Transl.). Moscow: CANON-Press-Ts; Kuchkovo pole; 2001. 288 p. (In Russ.)

12. Бережная Н.В. *Философия инклюзивности и эксклюзивности современного патриотизма. Q.E.D. Медиация: политика, философия, право*. 2023;(1). URL: mediare.esrae.ru/51-161 (дата обращения: 27.10.2025).

Berezhnaya NV. *The Philosophy of Inclusivity and Exclusivity Modern Patriotism. Q.E.D. Mediatziya: politika, filosofiya, pravo (Q.E.D. Mediation: Politics, Philosophy, Law)*. 2023;(1). (In Russ.) URL: mediare.esrae.ru/51-161 (accessed: 27.10.2025).

13. Волков М.П. Патриотизм и этатистская модель государства: точки напряжений. В: *Формирование российского патриотизма: опыт интернационализма XX века и современный этатизм: сборник научных трудов*. Ульяновск: УлГТУ; 2017. С. 8.

Volkov MP. Patriotism and the Statist Model of the State: Points of Tension. In: *Proceedings of the International Scientific and Practical Conference "The Formation of Russian Patriotism: The Experience of Internationalism of the XX Century and Modern Statism"*. Ulyanovsk: UlSTU; 2017. P. 8. (In Russ.)

14. Павлов Б.С., Гогиберидзе Г.М., Пацула А.В. *Актуальные модели государственной и региональной политики в сфере патриотического воспитания*. Монография. Москва: Инфра-М; 2024. 154 с.

Pavlov BS, Gogiberidze GM, Patsula AV. *Topical Models of State and Regional Policy in the Field of Patriotic Education*. Monograph. Moscow: Infra-M; 2024. 154 p. (In Russ.)

15. Истон Д. *Системный анализ политической жизни (1965)*. Политология: хрестоматия. Василик М.А., Вершинин М.С. (сост.). Москва; 2000. С. 319–331.

Easton D. *System Analysis of Political Life (1965)*. Political Science: Anthology. Vasilik MA, Vershinin MS (Eds.). Moscow; 2000. P. 319–331. (In Russ.)

Об авторах:

Олег Александрович Артюхин, кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры «Теория и история государства и права» Донского государственного технического университета (344003, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1); профессор кафедры политологии и этнополитики Южно-Российского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (344002, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54), SPIN-код, ORCID, part1969@mail.ru

Людмила Леонидовна Иванова, кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры политологии и этнополитики Южно-Российского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (344002, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54), SPIN-код, ORCID, ivanova-ll@ranepa.ru

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

About the authors:

Oleg A. Artyukhin, Cand. Sci. (Political Science), Associate Professor of the Theory and History of State and Law Department, Don State Technical University (1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344003, Russian Federation), Professor of the Political Science and Ethnopolitics Department, South-Russian Institute of Management, Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (70/54, Pushkinskaya Str., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation), [SPIN-code](#), [ORCID](#), oart1969@mail.ru

Lyudmila L. Ivanova, Cand. Sci. (Political Science), Associate Professor of the Political Science and Ethnopolitics Department, South-Russian Institute of Management, Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (70/54, Pushkinskaya Str., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation), [SPIN-code](#), [ORCID](#), ivanova-ll@ranepa.ru

Claimed Contributorship: all authors made an equivalent contribution to the preparation of the publication.

Conflict of Interest Statement: the authors declare no conflict of interest.

The authors have read and approved the final manuscript.

Поступила в редакцию / Received 14.11.2025

Поступила после рецензирования / Reviewed 02.12.2025

Принята к публикации / Accepted 08.12.2025

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ PRIVATE LAW (CIVIL LAW) SCIENCES

Оригинальное эмпирическое исследование

УДК 349.41

<https://doi.org/10.23947/2949-1843-2025-3-4-39-46>

EDN: LPLTKA

Роль и значение принципов фаунистического права в правоприменительной практике в Российской Федерации

С.В. Иванова^{1,2} , С.В. Рыбак¹

¹ Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

² Оренбургский институт (филиал) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург, Российская Федерация

 servis-05@list.ru

Аннотация

Введение. Принципы права занимают центральное место в правовой системе, выступая основополагающими ориентирами для формирования, интерпретации и применения норм права. В условиях динамичного развития законодательства Российской Федерации, усложнения социально-экономических отношений и возникновения правовых коллизий возрастает необходимость глубокого осмысления роли принципов права в правоприменительной деятельности, особенно в отраслевом аспекте, где специфика каждой отрасли права требует точного и гармоничного применения принципов для достижения справедливости и баланса интересов. Цель данной статьи – комплексное исследование практического применения принципов фаунистического права, направленного на сохранение биоразнообразия, гуманное отношение к животным и рациональное использование природных ресурсов Российской Федерации, выявление проблем правового регулирования в этой сфере и формулирование предложений по их решению.

Материалы и методы. В качестве материалов исследования выступили нормативно-правовые акты, научные труды, судебная практика РФ в сфере охраны и использования животного мира. Применены общенаучные и специальные методы познания, включая системный, сравнительно-правовой и формально-юридический подходы.

Результаты исследования. Выявлены актуальные проблемы, связанные с недостаточной регламентацией применения принципов фаунистического права, и предложены рекомендации по их более эффективной реализации для устранения правовых коллизий. Доказано, что в целях обеспечения системной реализации принципов фаунистического права в процессуальной деятельности, а также для надежной защиты прав и законных интересов субъектов правоотношений в соответствующей области, представляется обоснованным принятие постановления Пленума Верховного суда РФ. Данный нормативно-методический акт должен акцентировать внимание судов нижестоящих инстанций на обязательности применения принципов фаунистического права в практике отправления правосудия, подчёркивая их прямую нормативно-правовую значимость.

Обсуждение и заключение. В настоящей статье акцентируется внимание на значении принципов права как основы для формирования эффективного законодательства и их влиянии на практическую реализацию правовых норм применительно к фаунистическому праву. Разработанные авторами аргументированные предложения и рекомендации в перспективе предлагается применять при совершенствовании национального законодательства, регулирующего вопросы охраны и использования животного мира, с учетом интеграции принципов фаунистического права в правоприменительную практику.

Ключевые слова: принципы права, фаунистическое право, животный мир, правоприменительная практика, судебная практика

Благодарности. Авторы выражают благодарность рецензентам, чья критическая оценка материалов и предложения по их совершенствованию способствовали значительному повышению качества статьи.

Для цитирования. Иванова С.В., Рыбак С.В. Роль и значение принципов фаунистического права в правоприменительной практике в Российской Федерации. *Правовой порядок и правовые ценности*. 2025;3(4):39–46. <https://doi.org/10.23947/2949-1843-2025-3-4-39-46>

Original Empirical Research

The Role and Significance of the Principles of Faunal Law in Law Enforcement Practices in the Russian Federation

Svetlana V. Ivanova^{1,2} , Svetlana V. Rybak¹

¹ Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation

² Orenburg Institute (Branch) of Moscow State Law University Named after O.E. Kutafin (MSAL), Orenburg, Russian Federation

 servis-05@list.ru

Abstract

Introduction. The principles of law are the milestones of the legal system and are the fundamental benchmarks for the formation, interpretation and application of legal norms. Due to dynamic development of the Russian legislation, complication of socioeconomic relationships and emergence of conflict of law, the need for a thorough understanding of the role of the principles of law in law enforcement practices is growing, especially in the context of their implementation in different branches of law, with each branch having its own features, therefore, requiring precise and harmonized application of principles to achieve justice and balance of interests. The article aims at comprehensive study of the practical application of the principles of Faunal Law, which focuses on preserving biodiversity, ensuring humanistic attitude to animals and rational use of natural resources of the Russian Federation, as well as at revealing problems of legal regulation in this area and formulating proposals for their solution.

Materials and Methods. The research materials included regulatory legal acts, scientific publications and cases from the Russian judicial practices in the field of fauna preservation and use. General and specific scientific methods of cognition were used, including system analysis, comparative legal and dogmatic legal approaches.

Results. The topical problems related to the insufficiency of rules for application of the Faunal Law principles were identified and recommendations for their more efficient implementation to eliminate the conflict of law were given. To ensure the system-based implementation of the principles of Faunal Law in procedural activities and reliable protection of the rights and legitimate interests of the parties to the respective area of legal relationships, the adoption of the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation appears to be a justified measure. This normative and methodological document should emphasize to the lower courts the mandatory application of the principles of Faunal Law in the administration of justice, and underline direct regulatory and legal significance of these principles.

Discussion and Conclusion. The article focuses on the significance of the principles of law as a basis for the development of efficient legislation, and their influence on the practical implementation of the legal norms in the frame of Faunal Law. The reasoned proposals and recommendations developed by the authors could be advised for future use for improvement of the national legislation, in the part referring to the regulation of fauna preservation and use, taking into account the integration of Faunal Law principles into law enforcement practices.

Keywords: principles of law, Faunal Law, fauna, law enforcement practices, judicial practices

Acknowledgements. The authors are grateful to the reviewers for critical assessment of the materials and suggestions for their improvement that contributed to the enhancement of the article quality.

For Citation. Ivanova SV, Rybak SV. The Role and Significance of the Principles of Faunal Law in Law Enforcement Practices in the Russian Federation. *Legal Order and Legal Values*. 2025;3(4):39–46. <https://doi.org/10.23947/2949-1843-2025-3-4-39-46>

Введение. Принципы права являются основой всей правовой системы, определяя ее содержание, направленность и эффективность. Они выступают в роли ключевых ориентиров, которые обеспечивают единство правового регулирования, координацию норм различных отраслей права и гарантируют справедливое применение норм в процессе правоприменительной деятельности. В условиях интенсивного развития законодательства и усложнения правовых отношений в Российской Федерации актуализируется задача изучения принципов права как ведущих элементов, направляющих деятельность как законодателя, так и правоприменителя. Одной из важнейших проблем современного правоприменения является обеспечение согласованности между нормами права и их практической реализацией, и понимание принципов помогает правоприменителю в случаях, когда нормы права недостаточно детализированы, противоречивы или не охватывают конкретной жизненной ситуации.

Принципы фаунистического права играют важную роль в формировании и реализации эффективной правоприменительной практики в сфере охраны и использования животного мира, помогая правоприменителям выявлять истинный смысл и цель закона – сохранение биоразнообразия, гуманное отношение к животным и рациональное использование природных ресурсов страны. Тем самым принципы фаунистического права являются не декларациями, а обеспечивают логичность, последовательность и целеполагание правоприменения. Целью нашей статьи является комплексное исследование практического применения принципов фаунистического права, направленного на сохранение биоразнообразия, гуманное отношение к животным и рациональное использование природных ресурсов Российской Федерации, выявление проблем правового регулирования в этой сфере и формулирование предложений по их решению.

Материалы и методы. При выполнении настоящего исследования авторами использовались общенаучные и специальные методы правового исследования: формально-юридический метод (анализ нормативных текстов), сравнительно-правовой метод (сопоставление подходов в отечественном и зарубежном праве), доктринальный анализ, а также эмпирический анализ судебной практики и решений административных органов. При интерпретации принципов применялся системный подход, позволяющий учитывать их взаимодействие с другими институтами экологического и фаунистического права. Системное исследование института гражданской ответственности за нарушение законодательства о животном мире позволило раскрыть пределы соотношения гражданского и экологического права при возмещении экологического вреда, сформулировать предложения по совершенствованию законодательства.

Результаты исследования. Анализируя механизмы реализации принципов в области охраны и использования животного мира, прежде всего напомним, что об этом говорит правовая доктрина: нормативно-теоретические положения [1], выработанные наукой, приобретают императивный характер лишь при их восприятии в судебной практике. Однако следует отметить, что суды, рассматривая споры в сфере использования объектов животного мира, зачастую обосновывают свою позицию нормами материального и процессуального права, а принципы права при этом имеют преимущественно декларативный характер и применяются, на наш взгляд, главным образом как вспомогательное средство для усиления доводов [2].

В качестве примера можно привести гражданское дело, где суд при исследовании и анализе всех обстоятельств сначала опирался на конституционные принципы законности, охраны окружающей среды, и лишь потом для обоснования своей позиции использовал принципы фаунистического права¹. Исходя из принципа системности, сочетание конституционного уровня норм и отраслевых предписаний обеспечивает логическую и правовую взаимосвязь аргументов судьи. Т. е. нормы Конституции РФ определяют приоритет охраны окружающей среды как общественного блага, отраслевое законодательство конкретизирует обязательства, а применение норм Водного кодекса закрепляет дополнительные меры по сохранению и восстановлению местообитаний диких животных. В совокупности это создаёт достаточную и обоснованную правовую базу для вынесения мотивированного судебного решения [2]. Тем не менее в рассматриваемом примере ссылка суда на конституционные положения усилила правовую позицию и обосновала вынесенное постановление. Так, многие авторы констатируют, что в судебной практике в тексте решения зачастую формально перечисляются отдельные основополагающие начала гражданского права без разъяснения механизмов их влияния на формирование окончательных процессуальных выводов. Такое поверхностное отождествление правовых начал с декларативными ссылками не обеспечивает аргументации и ослабляет доказательственную и концептуальную обоснованность вынесенных судебных решений [3].

Довольно часто в правоприменительной практике принципы фаунистического права используются для подтверждения того, что смысл и содержание применяемой нормы не противоречат основным началам соответствующей отрасли. Рассматриваемые принципы обладают преимущественно оценочным характером [2], вследствие чего используются правоприменителем как методологические ориентиры при интерпретации нормативных правовых актов. К примеру, принцип разграничения права пользования объектами животного мира и права пользования землей и иными природными ресурсами исключает смешение правовых режимов и предотвращает распространение правомочий землепользователя на диких животных и иные биологические ресурсы. Тем самым он гарантирует автономность их правовой охраны и режимов устойчивого использования. Принцип платности пользования объектами животного мира формирует экономико-правовой механизм компенсации изъятия ресурсов животного мира из природной среды и создает стимулы к их бережному и устойчивому использованию. Оценочный характер обоих принципов проявляется в необходимости учитывать конкретные правовые обстоятельства: режим соответствующей территории, правовой статус пользователя, цели и способы использования, а также по-

¹ Решение Арбитражного суда Магаданской области от 2010-05-07 №А37-203/2010. Магадан. Дело № А37-203/2010. URL: <http://resheniya-sudov6.ru/8/86659/> (дата обращения: 01.11.2025).

тенциальное воздействие на экосистемы. Таким образом, обращение правоприменителя к принципам права позволяет более глубоко анализировать применяемую правовую норму: конкретизировать её нормативное содержание и выработать доктринальное обобщение, закрепляемое в мотивировочной части правоприменительного акта.

В сфере правоприменения субъекты обращаются к правовым принципам как к инструменту для разъяснения законодательных положений. В процессе применения права постоянно возникает противоречие: с одной стороны, необходимо одинаково и чётко понимать правовые нормы, что соответствует намерениям законодателя [4]; с другой стороны, наблюдается склонность субъекта правоприменения к интерпретации нормы в соответствии с собственными целями и оценками, что обусловлено особенностями человеческого сознания и полисемичностью любой знаковой системы. Эта дихотомия подчёркивает необходимость разработки методологических правил толкования и институциональных механизмов, направленных на минимизацию субъективизма и обеспечение согласованности правоприменительной практики. В процессе правоприменительной деятельности акт толкования правовой нормы приводит либо к установлению её определённости (ясности), либо к выявлению её неопределённости (неясности). Вместе с тем даже в тех случаях, когда буквальное значение правового предписания представляется интерпретатору однозначным, это не должно служить основанием для прекращения интерпретационной процедуры, поскольку воспринимаемая «ясность» может носить иллюзорный характер. В данной перспективе принципы права выступают в качестве эффективного методологического инструментария для идентификации мнимой определённости правовой нормы. Следовательно, принцип функционирует как системообразующий критерий, обеспечивающий оценку реальной степени определённости нормы и установление её подлинного содержания.

Так, в ходе проверки исполнения обязательств по охотхозяйственному соглашению контролирующий орган установил, что общество не выполняет внутрихозяйственное охотустройство. При этом заявитель утверждал, что, в соответствии с охотхозяйственным соглашением, общество обязано было осуществить внутрихозяйственное охотустройство в течение пяти лет со дня заключения соглашения, и что на момент проведения проверки указанный срок ещё не истёк. Апелляционный суд отверг этот довод, мотивировав свое решение следующими юридически значимыми положениями:

1) из действующих федеральных нормативных правовых актов (в частности, из Федерального закона от 24 апреля 1995 г. № 52-ФЗ «О животном мире» и Федерального закона от 24 июля 2009 г. № 209-ФЗ «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов») не следует наличие императивно закреплённого и исчерпывающего временного критерия для исполнения обязанностей по внутрихозяйственному охотустройству со стороны пользователей объектов животного мира. Нормативные положения носят диспозитивный характер, устанавливая обязанности по организации охраны, воспроизводства и рационального использования животных, не фиксируя при этом четкие процессуальные сроки их выполнения;

2) отсутствие в отраслевом правовом регулировании чётко определённого срока исполнения соответствующих мероприятий порождает правовую неопределённость: стороны хозяйственных правоотношений могли по-разному соотносить содержание и сроки исполнения обязанности по внутрихозяйственному охотустройству. В таких условиях ссылаться исключительно на внутренние договорные формулировки сторон для подтверждения исчерпывающего объективного срока неправомерно, если договор не содержит указание на определенный срок;

3) установление объективного содержания спорной нормы и её временных характеристик требовало толкования в свете общих принципов фаунистического права – охраны, воспроизводства объектов животного мира и обеспечения их биологического разнообразия. Арбитражный суд апелляционной инстанции, соотнося нормативные предписания с указанными принципами (например, принципом приоритета охраны биоресурсов, принципом рационального использования), пришёл к выводу, что формальное указание на пятилетний срок в одностороннем толковании заявителя не может иметь приоритетного значения при отсутствии правовой базы, закрепляющей такой срок как обязательный и исчерпывающий;

4) исходя из принципа верховенства права и соразмерности, обязанность общества по внутрихозяйственному охотустройству должна оцениваться комплексно с учётом конкретных условий выполнения работ, необходимости получения разрешительной документации и соответствия действий целям охраны диких животных.

Таким образом, апелляционный суд обоснованно отверг довод заявителя о наличии исчерпывающего пятилетнего срока для исполнения внутрихозяйственного охотустройства, исходя из отсутствия такого конкретного срока в действующем законодательстве и необходимости толкования спорной нормы на основе принципов и целей фаунистического права.

Правовые принципы необходимо рассматривать как методологический критерий, предназначенный для оценки ясности и определённости правовой нормы. В рамках судебно-правовой практики при разрешении правовых споров приоритет в интерпретации и применении норм предоставляется именно принципам права, что

способствует выработке обоснованных и справедливых решений. Принципы права формируют теоретико-методологическую основу развития судебной практики и выступают индикатором недостаточности действующего нормативного регулирования, демонстрируя потребность в проверке устаревших предписаний и в разработке новых нормативно-правовых актов [5]. С позиции М.Н. Марченко, принципы функционируют в качестве ключевого инструментария для идентификации пробелов, коллизий и иных системных дефектов правовой системы [6]. К сожалению, суды лишь в единичных решениях при разрешении споров делают отсылки к базовым принципам охраны и устойчивого природопользования.

Принципы устанавливают значимую, стабильную и постоянную связь между различными правовыми нормами, служат важными ориентирами при законотворчестве, систематизации, толковании и применении права. В гражданско-правовой доктрине подчеркивается, что реализация принципов гражданского права осуществляется через сложную систему, включающую три взаимосвязанных аспекта: во-первых, их законодательное закрепление; во-вторых, их учет в процессе законотворчества; и в-третьих, непосредственное применение этих принципов в правоприменительной практике, где они получают свою интерпретацию и конкретизацию при разрешении юридических споров [7]. При этом в научной литературе по земельному праву отмечается, что использование принципов в качестве ориентирующих норм обладает своей спецификой: их конкретное содержание формируется в ходе управленческой деятельности уполномоченных органов и должностных лиц, зачастую в ограниченных, индивидуальных случаях [8]. Объясняется это тем, что принципы имеют обобщенный, методологический характер и редко содержат предписания, достаточные для прямого регулирования отдельных гражданско-правовых отношений. В связи с этим их практическое применение приобретает особую важность при наличии пробелов в регулировании земельных отношений либо при коллизиях между нормами разного уровня или различного содержания [9]. В подобных ситуациях принципы выступают средством восполнения пробелов. Кроме того, внедрение принципов земельного права в судебную практику играет важную роль для обеспечения единообразного применения норм земельного законодательства судами: судьи, опираясь на принципы, формируют согласованные подходы к толкованию и применению правил, что снижает правовую неопределенность. Установление пределов правового регулирования в правоприменительной деятельности в ситуации преодоления пробелов имеет уточняющий характер, поскольку правоприменитель, преодолевая пробел, связан если не нормой, то принципами права, а также общим смыслом законодательства [10].

Изучение судебной практики показывает, что суды прибегают к принципам гражданского права в основном в четырех ситуациях [2]. Во-первых, принципы используются для усиления аргументации сторон и обоснования позиций суда, когда требуется придать решению более общеправовой характер. Во-вторых, они служат ориентиром при юридическом толковании норм, тем самым помогают определить смысл и объем правовых предписаний. В-третьих, принципы применяются при использовании аналогии права, когда прямое законодательное регулирование отсутствует. Наконец, в отдельных случаях принципы выступают как нормы прямого действия, то есть служат самостоятельной правовой основой для принятия решения [11]. Такой вывод подтверждается судебной практикой, где судьи обращаются к принципам для устранения пробелов и коллизий в правовом регулировании и для выработки согласованных подходов к разрешению споров.

Ряд исследователей утверждает, что принципы права играют ключевую роль в трёх основных сферах правовой действительности. Прежде всего, их значение неоспоримо в сфере правоприменения, что прямо подтверждается ст. 6 Гражданского кодекса РФ. Эта статья обязывает суды обращаться к общим началам и смыслу гражданского законодательства при отсутствии конкретной нормы, подлежащей применению. Во-вторых, принципы демонстрируют свою фундаментальную значимость в сфере правотворчества. Это объясняется их общеобязательным характером и тем, что они существуют как базовые идеи, выражающие основные ценности и цели правовой системы. В-третьих, принципы используются в сфере толкования права. Их содержание, заключающееся в выражении глубоких идей и ценностей, позволяет уяснить истинный смысл правовых норм, особенно в случаях их неоднозначности или противоречивости [12].

Анализируя судебную практику в части реализации принципов охраны и устойчивого использования животного мира, можно выделить два основных способа их применения: как средство усиления аргументации в конкретном деле и как инструмент юридического толкования норм. Поскольку принципы фаунистического права обладают высокой нормативной значимостью и охватывают совокупность правоотношений, связанных с использованием и охраной животных, их обоснованное применение представляется целесообразным при разрешении конкретных споров. Включение правовых принципов в судебные решения, особенно в их резолютивную часть, демонстрирует высокий уровень правовой культуры судьи и способствует повышению качества и легитимности этих решений. Эта практика активно развивается, например, в Республике Беларусь, во многом благодаря целенаправленной работе вышестоящих судов, подчёркивающих необходимость применения таких принципов [13].

Указание на принципы свидетельствует о том, что судья мыслит не только на уровне конкретных норм, но и понимает дух права, его системность и ценностные основы. Это признак зрелого правосознания, способного к широкому и глубокому юридическому анализу. Практика вышестоящих судов является ориентиром для нижестоящих инстанций. Когда вышестоящие суды акцентируют внимание на применении принципов права, они формируют судебную практику, стимулируют единообразное и правильное толкование права, а также способствуют развитию юридической мысли и судебной аргументации на основе общих правовых положений. Это подтверждает значимость таких принципов для всей судебной системы.

В целях обеспечения единообразия судебных решений и системной реализации принципов фаунистического права в процессуальной деятельности, а также для надежной защиты прав и законных интересов субъектов правоотношений в соответствующей области, представляется обоснованным принятие постановления Пленума Верховного суда РФ. Данный нормативно-методический акт должен акцентировать внимание судов нижестоящих инстанций на обязательности применения принципов фаунистического права в практике отправления правосудия, подчёркивая их прямую нормативно-правовую значимость. Постановление может выступить в роли концептуальной и методологической основы для корректной интерпретации и применения материального и процессуального законодательства, а также для формирования мотивированных, соответствующих праву судебных решений, поскольку именно посредством прецедентно-организованной судебной практики обеспечивается воплощение фундаментальных положений, регулирующих использование и охрану животного мира. Как справедливо отмечал И.А. Покровский, «закон не действует автоматически; для своего воплощения в реальной жизни он нуждается в живом звене, которое соотнесёт его с конкретными обстоятельствами. Этим звеном выступает суд» [14]. Выработка ясных методологических ориентиров по внедрению и применению принципов фаунистического права обеспечит системность и единообразие судебной практики при разрешении споров, связанных с использованием и охраной животного мира, а также будет способствовать вынесению мотивированных и соответствующих закону решений.

При формировании нормативных правовых актов законодатель должен исходить из системы принципов, наполняя правовые нормы содержанием, соответствующим правовым ценностям. Эти принципы выступают основой для развития и совершенствования законодательства, они не зависят от субъективного усмотрения и формируются объективно в ходе развития правовой доктрины и практики правоприменения. В этой связи принципы фаунистического права следует рассматривать как руководящие начала при подготовке и принятии новых нормативных правовых актов, регулирующих использование и охрану животного мира.

Обсуждение и заключение. Имплементация основополагающих начал фаунистического права достигается путем их нормативного закрепления в законодательных актах и последующего применения в ходе правотворческой деятельности и правоприменительной практики. Однако формальная фиксация данных принципов в нормативных правовых актах не служит автоматическим гарантом их эффективной трансляции из сферы правовой доктрины в реальную правовую действительность.

Ключевая стратегическая задача заключается в обеспечении неукоснительного руководства этими принципами как на этапах формирования новых правовых норм, так и в процессе их практического применения. Применение принципов усилит результативность законотворчества, придаст фаунистическому законодательству целостную концептуальную основу и обеспечит согласованность норм [15], обладающих общеобязательной юридической силой для всех субъектов правоотношений в исследуемой области. Повышение роли принципов в нормотворчестве и правоприменении гарантирует их практическую значимость и способствует унификации судебной и административной практики. Это, в свою очередь, детерминирует повышение эффективности правового регулирования в сфере защиты фауны и позволяет обеспечить более системное и последовательное разрешение возникающих правовых коллизий.

Список литературы / References

1. Коркунов Н.М. *Лекции по общей теории права*. Санкт-Петербург; 1909. 354 с.
Korkunov NM. *Lectures on the General Theory of Law*. St. Petersburg; 1909. 354 p. (In Russ.)
2. Кузнецова О.А. Проблемы правоприменения принципов гражданского права. *Вестник Омского университета. Серия «Право»*. 2008;3(16):23–32.
Kuznetsova OA. Problems of Enforcement of the Civil Law Principles. *Herald of Omsk University. Series "Law"*. 2008;3(16):23–32. (In Russ.)
3. Рыженков А.Я. *Основные начала (принципы) российского гражданского законодательства и смежных отраслей права: монография*. Москва: Юрлитинформ; 2015. 204 с.
Ryzhenkov AY. *Basic Principles of Russian Civil Legislation and Related Branches of Law: Monograph*. Moscow: Yurлитinform; 2015. 204 p. (In Russ.)

4. Власова Е.В., Лесовая Т.С. Кодификация права: отдельные проблемные вопросы. *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*. 2025;1(105):17–27.

Vlasova EV, Lesovaya TS. Codification of law: Selected Problematic Issues. *Vestnik of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2025;1(105):17–27. (In Russ.)

5. Алексеев С.С. *Проблемы теории права. Курс лекций. Том 3*. Москва: Статут; 2010. 779 с.

Alekseev SS. *Problems of the Theory of Law. Course of Lectures. Volume 3*. Moscow: Statut; 2010. 779 p. (In Russ.)

6. Марченко М.Н. (ред.) *Общая теория государства и права. Том 2*. Москва: ИКД «Зеркало-М»; 2002. 528 с.

Marchenko MN (Ed.). *General Theory of State and Law. Volume 2*. Moscow: IKD “Zerkalo-M”; 2002. 528 p. (In Russ.)

7. Бондаренко Н.Л. *Принципы гражданского права Республики Беларусь, их реализация в нормотворческой и правоприменительной деятельности*. Автореф. дис. д-ра юрид. наук. Минск; 2007. 43 с.

Bondarenko NL. *Principles of Civil Law of the Republic of Belarus, Their Implementation in Rule-Making and Law Enforcement Activities*. Extended Abstract of Dr.Sci. (Law) Dissertation. Minsk; 2007. 43 p. (In Russ.)

8. Волков Г.А. *Принципы земельного права России*. Москва: Городец; 2005. 336 с.

Volkov GA. *Principles of Land Law of Russia*. Moscow: Gorodets; 2005. 336 p. (In Russ.)

9. Выпханова Г.В. Реализация принципов земельного права при рассмотрении судами земельных споров. *Российское правосудие*. 2016;(9(125)):50–59.

Vypkhanova GV. Realization of Principles of Land Law within Consideration of Land Disputes by Courts. *Russian Justice System*. 2016;(9(125)):50–59. (In Russ.)

10. Казакова М.В. Применение российскими судами принципов трудового права. *Российское правосудие*. 2025;(11):71–80 <http://doi.org/10.37399/issn2072909X.2025.11.71-80>

Kazakova MV. Implementation of Labor Law Principles in Russian Courts. *Russian Justice System*. 2025;(11):71–80. (In Russ.)

11. Коновальчук М.В. Значение принципов гражданского права при применении права по аналогии и закону. *Евразийский юридический журнал*. 2024;9(196):203–204.

Konovalchuk MV. The Importance of the Principles of Civil Law in the Application of Law by Analogy and Law. *Eurasian Law Journal*. 2024;9(196):203–204. (In Russ.)

12. Бородин С.С. Система принципов авторского права. *Вестник Омского университета. Серия «Право»*. 2013;(1(34)):116–123.

Borodin SS. The System of Principles of the Copyright. *Herald of Omsk University. Series “Law”*. 2013;(1(34)):116–123. (In Russ.)

13. Бондаренко Н.Л. Принципы гражданского права и их роль в нормотворческой и правоприменительной деятельности. *Ученые записки Таврического национального университета имени В.И. Вернадского. Серия «Юридические науки»*. 2009;22(1(61)):129–134.

Bondarenko NL. The Principles of Civil Law and Their Role in the Rule-Making and Law-Enforcement Activity. *Uchenye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Seriya “Yuridicheskie nauki”*. (Scientific notes of the V.I. Vernadsky Taurida National University. Series “Legal Sciences”). 2009;22(1(61)):129–134. (In Russ.)

14. Покровский И.А. *Основные проблемы гражданского права*. Москва: Изд-во Статут; 2013. 35 с.

Pokrovsky IA. *Basic Problems of Civil Law*. Moscow: Statut Publishing House; 2013. 35 p. (In Russ.)

15. Дубовик О.Л., Иванова А.Л., Калинин В.Т., Редникова Т.В., Рёрихт А.А. Общие вопросы европейского экологического права: принципы и закономерности его развития и формирования. *Экологическое право*. 2007;(5):27–35.

Dubovik OL, Ivanova AL, Kalinichenko VT, Rednikova TV, Rericht AA. General Issues of European Environmental Law: Principles and Patterns of Its Development and Formation. *Environmental Law*. 2007;(5):27–35. (In Russ.)

Об авторах:

Светлана Витальевна Иванова, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры «Гражданское право» Донского государственного технического университета (344003, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), заведующий кафедрой теории государства и права Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) (460000, Российская Федерация, г. Оренбург, ул. Комсомольская, 50), SPIN-код, ORCID, servis-05@list.ru

Светлана Викторовна Рыбак, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой «Гражданское право» Донского государственного технического университета (344003, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), SPIN-код, Scopus ID, ORCID, Svetoch_2504@mail.ru

Заявленный вклад авторов:

С.В. Иванова: формирование основной концепции, методология исследования, постановка задач исследования, подготовка текста, формирование выводов.

С.В. Рыбак: обзор и анализ научных источников, доработка текста, корректировка выводов.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

About the Authors:

Svetlana V. Ivanova, Dr.Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Civil Law Department, Don State Technical University (1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344003, Russian Federation); Head of the Theory of State and Law Department, Orenburg Institute (Branch) of Moscow State Law University Named after O.E. Kutafin (MSAL) (50, Kommomolskaya Str., Orenburg, 460000, Russian Federation), [SPIN-code](#), [ORCID](#), servis-05@list.ru

Svetlana V. Rybak, Cand.Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Civil Law Department, Don State Technical University (1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344003, Russian Federation), [SPIN-code](#), [ScopusID](#), [ORCID](#), Svetoch_2504@mail.ru

Claimed Contributorship:

SV Ivanova: formulating the main concept, research methodology, setting research objectives, preparing the text, formulating conclusions.

SV Rybak: review and analysis of scientific sources, refining the text, correcting conclusions.

Conflict of Interest Statement: the authors declare no conflict of interest.

All authors have read and approved the final manuscript.

Поступила в редакцию / Received 17.11.2025

Поступила после рецензирования / Reviewed 08.12.2025

Принята к публикации / Accepted 12.12.2025

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ PRIVATE LAW (CIVIL LAW) SCIENCES

Оригинальное теоретическое исследование

УДК 349.6

<https://doi.org/10.23947/2949-1843-2025-3-4-47-53>

EDN: QMRNDC

Животные в российском праве: понятие и классификация

И.К. Волков

Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

 igor.volkov@list.ru

Аннотация

Введение. В российском праве сложилась система норм, регулирующих отношение человека к животным. При этом различные группы животных подпадают под действие разных отраслей законодательства. Цель данной статьи – проанализировать понятие животного в российском праве, предложить доктринальную классификацию животных по критерию основного правового режима, а также установить практическую значимость классификации животных для правовой науки и правоприменения.

Материалы и методы. Методологическую основу работы составили формально-юридический и комплексный анализ нормативных правовых актов, правоприменительной практики и доктринальных подходов. Проанализирована и обоснована модель правового регулирования взаимоотношений человека и животных в современной России.

Результаты исследования. Выделены три ключевые сферы регулирования: гражданско-правовой режим животных как особого вида имущества; административно-правовой режим домашних, безнадзорных, служебных и лабораторных животных; и экологический режим дикой фауны как компонента окружающей среды и объекта государственной собственности. Доказано, что переход животных из одной категории в другую (домашние – безнадзорные, дикие – содержащиеся в неволе и т. п.) порождает правовые коллизии, требующие уточнения законодательных конструкций и согласования компетентными органами власти. Аргументирована практическая значимость предлагаемой классификации для толкования законодательства, выбора применимых норм, определения субъектов ответственности и балансировки частных и публичных (экологических) интересов. Отдельное внимание уделено межотраслевому регулированию и рискам фрагментации правового режима животных.

Обсуждение и заключение. По результатам исследования можно констатировать тенденцию к гуманизации российского законодательства, касающегося обращения с животными. Направления для дальнейшего совершенствования правовой системы в этой области формулируются с учётом многообразия социальных ролей животных в современном обществе.

Ключевые слова: животные, правовой режим животных, объект права, гражданское право, административное право, экологическое право, животный мир, обращение с животными, классификация животных

Благодарности. Автор благодарит доктора юридических наук, профессора А.П. Анисимова за вдохновение и помощь в проведении исследования, ценные замечания и всестороннюю поддержку на всех этапах работы.

Для цитирования. Волков И.К. Животные в российском праве: понятие и классификация. *Правовой порядок и правовые ценности*. 2025;3(4):47–53. <https://doi.org/10.23947/2949-1843-2025-3-4-47-53>

Original Theoretical Research

Animals under the Russian Law: Concept and Classification

Igor K. Volkov

Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation

 igor.volkov@list.ru

Abstract

Introduction. The Russian law has developed a system of norms regulating attitudes of humans to animals. Different groups of animals fall under different branches of law. The aim of the article is to analyse the concept of an animal in the

Russian law, propose a doctrinal classification of animals by the criterion of applicable legal regime, as well as ascertain the practical significance of animal classification for juridical science and law enforcement practices.

Materials and Methods. The dogmatic-legal and comprehensive methods of analysis of regulatory legal acts, law enforcement practices and doctrinal approaches formed the methodological basis of the work. A legal regulation model of attitudes of humans to animals in today's Russia was analysed and substantiated.

Results. Three main domains of legal regulation were identified: civil-law regime regulating animals as a special type of property; administrative-law regime regulating domestic, stray, service, and laboratory animals; and ecological regime regulating wild fauna as a component of the environment and an object of state property. It was found that transition of animals from one category to another (from domestic to stray, from wild to captive, etc.) induces conflict of law requiring clarification of legal constructs and approval by the authorities. The practical significance of the proposed classification for the interpretation of legislation, selection of applicable norms, determination of the liable parties, and balancing between private and public (environmental) interests was substantiated. Special attention was paid to legal regulation between branches of law, and to the risk of fragmentation of the legal regime for animals.

Discussion and Conclusion. Based on the study results, the trend towards humanistic attitude to animals could be traced in the Russian law. Directions for further improvement of the legal system in this field should be determined with respect to the diverse social roles of animals in the present-day society.

Keywords: animals, animal regulating legal regime, object of law, civil law, administrative law, environmental law, animal world, attitude to animals, classification of animals

Acknowledgments. The author would like to thank Professor A.P. Anisimov, Dr.Sci. (Law), for inspiration and assistance in conducting the research, valuable comments and full support at all stages of the work.

For Citation. Volkov IK. Animals under the Russian Law: Concept and Classification. *Legal Order and Legal Values*. 2025;3(4):47–53. <https://doi.org/10.23947/2949-1843-2025-3-4-47-53>

Введение. В российском праве сложилась система норм, регулирующих отношение человека к животным. При этом различные группы животных подпадают под действие разных отраслей законодательства. Одни животные рассматриваются преимущественно как объекты гражданских прав (домашние и сельскохозяйственные животные); другие – как объекты административно-правового регулирования (например, животные без владельца, обращение с которыми регулируется специальным законом об ответственном обращении с животными); третьи – как часть окружающей среды (дикие животные, охраняемые нормами экологического законодательства). В литературе отмечается, что разнообразие видов живых организмов не позволяет применять к ним единый правовой режим [1]. В настоящее время законодательство в данной области является достаточно разрозненным и в отношении специфики правового режима отдельных видов животных находится в стадии становления [2]. Цель данной статьи – проанализировать понятие животного в российском праве, предложить доктринальную классификацию животных по критерию основного правового режима, включая содержание правовых режимов разных групп животных, а также установить практическую значимость классификации животных для правовой науки и правоприменения.

Материалы и методы. Материалами для исследования послужили действующее законодательство РФ, судебная практика и научные публикации. Применены общенаучные и специальные методы юридического анализа: формально-юридический метод (анализ нормативных актов РФ в сфере регулирования обращения с животными); системный подход (рассмотрение совокупности норм в их взаимосвязи); изучение примеров правоприменения.

Результаты исследования.

1. Правовой режим животных: общее понятие и подходы законодательства.

Традиционно в гражданско-правовой доктрине животные рассматривались как особый вид имущества (вещей) [3]. Гражданский кодекс (ГК) РФ относит животных к объектам гражданских прав¹, устанавливая, что к ним применяются общие правила об имуществе, если законом не предусмотрено иное (ст. 128, 137 ГК РФ). Одновременно закон учитывает специфику животных как особых объектов, наделённых жизнью и способностью испытывать страдания (ст. 137 ГК РФ). Этим подчёркивается, что животные не могут рассматриваться наравне с обычными вещами – поведение собственника (владельца) животного ограничено требованиями гуманности и недопустимостью жестокости.

Современный подход российского права к животным можно описать следующим образом: животные являются объектами права с особым правовым режимом, учитывающим принципы гуманного обращения [4]. Далее

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая). Кодекс Российской Федерации № 51-ФЗ от 30.11.1994. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102033239> (дата обращения: 18.11.2025).

рассмотрим основные правовые режимы, установленные в отношении животных, и критерии отнесения тех или иных животных к соответствующей категории.

2. Классификация животных по сферам законодательства.

Животные в гражданском праве (домашние и сельскохозяйственные животные). Гражданско-правовой режим животных распространяется прежде всего на домашних животных, имеющих владельцев, а также на животных, используемых в сельскохозяйственном производстве. Под домашними животными здесь понимаются прирученные животные, живущие рядом с человеком, содержащиеся им для общения и получения положительных эмоций (компаньоны), охраны, помощи либо иных целей, а также традиционно сельскохозяйственные виды (скот, птица и т. п.), разводимые для получения продукции. Все такие животные в глазах закона являются объектами права собственности физических или юридических лиц [5].

Однако гражданское законодательство устанавливает для владельцев животных специальные обязанности и ограничения [6]. Помимо общего запрета жестокого обращения (ст. 137 ГК РФ), существуют нормы о содержании и розыске пропавших животных (ст. 230, 231 ГК РФ), а также об ответственности владельцев за вред, причиненный их животными (ст. 1079 ГК РФ)². Обычно такая ответственность наступает на началах вины владельца. При этом в литературе и судебной практике не сложилось единого подхода по вопросу об отнесении животных к источникам повышенной опасности. Так, собак предлагается относить к источникам повышенной опасности [7], и в некоторых судебных делах применяется такой подход³. В других делах животные не признаются источником повышенной опасности, но признается ответственность владельца за его содержание⁴. По мнению О.А. Красавчикова, в качестве источника повышенной опасности может рассматриваться не любое животное, а только то, которое находится во владении («держании») определенного субъекта права [8].

Сельскохозяйственные животные – особая подгруппа домашних животных, используемых для производственных целей (крупный рогатый скот, мелкий скот, свиньи, птица, рабочие животные и пр.). Их правовой режим подпадает под гражданско-правовое регулирование (животные как имущество сельхозтоваропроизводителя), а также специальные нормы: ветеринарные правила, нормы о племенном животноводстве.

Подытожим вышесказанное: в гражданско-правовую сферу преимущественно попадают животные, находящиеся во владении конкретных лиц на праве собственности или ином законном основании [9].

Животные в административно-правовой сфере (животные без владельца). Административно-правовое регулирование обращения с животными охватывает в первую очередь те ситуации, где животные не являются чьей-либо собственностью, либо требуют вмешательства публичных органов для обеспечения порядка и безопасности. Главный фокус здесь – животные без владельца (бродячие животные), а также общее установление правил содержания домашних животных для предупреждения угроз окружающим и самим животным.

Ключевым актом здесь является Федеральный закон от 27.12.2018 г. № 498-ФЗ «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ»⁵ (закон № 498-ФЗ). Именно

² Апелляционное определение Свердловского областного суда от 26.08.2021 по делу № 33-12482/2021. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=9933C13D5365A6FC86BF71C35CC8FEF9&mode=searchcard&base=RASVR&n=203702&BASENODE=liiMiwyMDYsU09KtiilCiiMiwyMTksU09KtiilSiIyLDIsQVJCiiIi&md=UKe71w#HHpNv2VKFEYvo5d> (дата обращения: 18.11.2025); Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 23.11.2021 № 33-26049/2021 по делу № 2-1635/2021. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=551C9FC003254C653D555316D0B115AF&mode=searchcard&base=SARB&n=180340&BASENODE=liiMiwyMDYsU09KtiilCiiMiwyMTksU09KtiilSiIyLDIsQVJCiiIi&md=UKe71w#gmBrv2Vsc5iNiCdW> (дата обращения: 18.11.2025); Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 23.11.2022 № 88-21202/2022. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=976E9A41D83D8A680DB0248DD8012FE5&mode=searchcard&base=KSOJ008&n=86972&BASENODE=liiMiwyMTcsS1NPSiilCiiMiwyMTksU09KtiilSiIyLDIsQVJCiiIi&md=UKe71w#tSoRv2Vez0Jz5Hj6> (дата обращения: 18.11.2025); Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 10.10.2019 № 33-22414/2019 по делу № 2-2382/2019. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=C8F849B1C456A44E226D92058AAA1331&mode=searchcard&base=SARB&n=149889&BASENODE=liiMiwyMDYsU09KtiilCiiMiwyMTksU09KtiilSiIyLDIsQVJCiiIi&md=UKe71w#rTFSv2VieqpRsuW11> (дата обращения: 18.11.2025).

³ Апелляционное определение Ставропольского краевого суда от 09.04.2019 по делу № 33-2408/2019. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=6B416ED28B3C761D5CAF7B27CFF46A7&mode=searchcard&base=SOSK&n=81287&BASENODE=liiMiwyMDYsU09KtiilCiiMiwyMTksU09KtiilSiIyLDIsQVJCiiIi&md=UKe71w#t1USv2VqWg69zeOK2> (дата обращения: 18.11.2025); Апелляционное определение Московского городского суда от 22.11.2017 по делу № 33-48080/2017. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=FBFB12DA0D760E214011ED3EDFE87DE&mode=searchcard&base=MARB&n=1367148&BASENODE=liiMiwyMDYsU09KtiilCiiMiwyMTksU09KtiilSiIyLDIsQVJCiiIi&md=UKe71w#VdYtV2VmEHPojrlj1> (дата обращения: 18.11.2025).

⁴ Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 14.02.2023 № 88-3815/2023. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=D7746B77F8E12816FA610E4B42F7D752&mode=searchcard&base=KSOJ008&n=93591&BASENODE=liiMiwyMTcsS1NPSiilCiiMiwyMTksU09KtiilSiIyLDIsQVJCiiIi&md=UKe71w#Q33Uv2VhjQJbsIRF> (дата обращения: 18.11.2025); Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 22.05.2024 № 88-12396/2024. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=1776540C540FA2084DDAD96AE1F7558E&mode=searchcard&base=KSOJ006&n=154598&BASENODE=liiMiwyMTcsS1NPSiilCiiMiwyMTksU09KtiilSiIyLDIsQVJCiiIi&md=UKe71w#u6DUv2VSUIjeQbb1> (дата обращения: 18.11.2025).

⁵ Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации. Федеральный закон № 498-ФЗ от 27.12.2018. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102498094&rdk=> (дата обращения: 18.11.2025).

он заложил основы современной государственной политики в области гуманного обращения с животными [10–12]. По существу, этот закон устанавливает административно-правовые требования к обращению с животными. Правовой режим бродячих животных является одним из центральных в законе. Закон установил единые требования, основанные на стратегии «Отлов–Стерилизация–Вакцинация–Возврат» (ОСБВ) для неагрессивных животных. Закон устанавливает правовое регулирование домашних животных (питомцев) и животных, которые находятся вне владения человека (бродячих), а также частично диких животных, если они содержатся в неволе (например, в зоопарках, цирках, дельфинариях, у частных лиц) – с точки зрения установления требований к их содержанию и использованию.

Важным аспектом административно-правового режима является распределение обязанностей и полномочий различных органов власти. Закон № 498-ФЗ определил, что деятельность по обращению с животными без владельцев относится к полномочиям органов государственной власти субъектов РФ. Региональные власти организуют работу по отлову, созданию приютов, стерилизации, учёту животных и т. д. Органы местного самоуправления могут привлекаться к исполнению отдельных функций (например, отлов на местах, содержание муниципальных приютов).

Административно-правовые нормы тесно увязаны с нормами уголовного права: жестокое обращение, повлёкшее увечья или гибель животного, наказывается по Уголовному кодексу РФ⁶ (в первую очередь, ст. 245 УК РФ), а менее тяжкие случаи (например, нарушение правил содержания) – по статьям КоАП РФ⁷.

Отдельно нужно упомянуть, что ст. 15 закона № 498-ФЗ устанавливает требования к содержанию и использованию животных, используемых в культурно-зрелищных целях: в цирках, зоопарках, дельфинариях, на аттракционах, выставках и т. п., а также служебных и лабораторных животных. Служебные животные (используемые в армии, полиции, для охраны объектов, собаки-поводыри и др.) выделены отдельно: им должны обеспечиваться соответствующие условия при службе и после вывода из службы. Использование лабораторных животных (на которых проводятся научные эксперименты) регулируется законом о научной деятельности, ведомственными инструкциями о биоэтике и содержании экспериментальных животных.

Подводя итог, укажем, что административно-правовая сфера обращена на защиту публичных интересов в связи с животными (общественная безопасность, санитарное благополучие, гуманизм и нравственность) и на обеспечение благополучия самих животных, когда нет конкретного владельца, либо он ненадлежащим образом исполняет свои обязанности.

Животные в экологическом законодательстве (дикая фауна). Третьей крупной областью права, в рамках которой существуют нормы о животных, является экологическое (природоохранное) законодательство. Речь идёт о дикой фауне, и базовым актом здесь является Федеральный закон от 24.04.1995 г. № 52-ФЗ «О животном мире»⁸. В нём закреплено понятие «животный мир» – это совокупность живых организмов всех видов диких животных, постоянно или временно населяющих территорию РФ и находящихся в состоянии естественной свободы. Таким образом, закон охватывает всех диких животных, обитающих в природе, – млекопитающих, птиц, рептилий, земноводных, рыб, беспозвоночных.

Кардинальное отличие правового режима диких животных состоит в том, что на них не распространяется частная собственность до тех пор, пока они находятся в состоянии естественной свободы. Согласно закону № 52-ФЗ, животный мир в пределах территории РФ является государственной собственностью.

Экологическое законодательство акцентирует внимание на двух основных направлениях: охрана и использование животного мира. Охрана включает меры по сохранению биоразнообразия, запрещение и пресечение истребления диких животных, создание заповедников и т. д. Использование – это разрешённая деятельность человека по добыче или эксплуатации диких животных: охота, рыболовство, сбор биологических ресурсов (например, сбор мёда диких пчёл) и др. Поэтому к этой сфере регулирования относятся охотничьи ресурсы (Федеральный закон от 24.07.2009 № 209-ФЗ «Об охоте...»⁹), рыбные и другие водные биоресурсы (Федеральный закон от 20.12.2004 № 166-ФЗ «О рыболовстве...»¹⁰). С позиции классификации, дикие животные в естественной среде – это объекты особого режима государственной собственности и природопользования [13].

⁶ Уголовный кодекс Российской Федерации. Кодекс Российской Федерации № 63-ФЗ от 13.06.1996. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102041891> (дата обращения: 18.11.2025).

⁷ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях. Кодекс Российской Федерации № 195-ФЗ от 30.12.2001. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102074277> (дата обращения: 18.11.2025).

⁸ О животном мире. Федеральный закон № 52-ФЗ от 24.04.1995. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102035294> (дата обращения: 18.11.2025).

⁹ Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации. Федеральный закон № 209-ФЗ от 24.07.2009. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102131705&intelsearch=%C7%E0%EA%EE%ED+%D0%D4++%EE%F2+24.07.2009+%B9+209-%D4%C7&ysclid=mjk3miful088485087> (дата обращения: 18.11.2025).

¹⁰ О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов. Федеральный закон № 166-ФЗ от 20.12.2004. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102090164&ysclid=mjk3odbtvm723518789> (дата обращения: 18.11.2025).

Особую категорию образуют редкие и находящиеся под угрозой исчезновения животные. Добыча таких животных либо полностью запрещена, либо строго ограничена в исключительных целях (научных, восстановительных). Незаконная добыча или торговля редкими видами может повлечь уголовную ответственность (ст. 258.1 УК РФ). К этой группе относятся животные, обитающие на особо охраняемых природных территориях (ООПТ) и пользующиеся дополнительной защитой. На территориях заповедников, национальных парков, заказников действуют специальные режимы охраны, зачастую там полностью запрещена охота и отлов, запрещено беспокойство животных.

Ответственность за нарушение законодательства об охране животного мира имеет свои особенности. Помимо упомянутых уголовных норм против браконьерства, экологическое законодательство предусматривает гражданско-правовую ответственность за экологический вред (ст. 56 Федерального закона «О животном мире» обязывает возмещать ущерб, нанесённый объектам животного мира и среде их обитания).

3. Практическая значимость классификации для науки и практики. Рассмотренное разделение животных на группы с разными правовыми режимами имеет не только теоретическое, но и большое практическое значение. Для юридической науки такая классификация позволяет более чётко очертить предметы регулирования различных отраслей права и избежать пробелов или коллизий.

Для правотворчества данная классификация подчёркивает, какие вопросы требуют дополнительного правового регулирования. Проведенный анализ показал проблемные точки, представляющие интерес для науки. Одна из них – стыки правовых режимов. На практике животные могут переходить из одной категории в другую, и эти переходные состояния требуют продуманного правового регулирования. Например, домашнее животное, потерянное или выброшенное владельцем, становится бродячим – тут пересекаются гражданское и административное регулирование. Практическая значимость классификации в данном случае состоит в том, чтобы четко определить момент, когда животное признаётся бродячим и какие органы власти должны принять меры в отношении его дальнейшей судьбы.

Дикое животное, пойманное и одомашненное, переходит в разряд домашних или содержащихся в неволе. Сельскохозяйственные животные и лабораторные животные – по сути являются домашними, но они выпали из-под действия закона об ответственном обращении с животными.

Практика правоприменения также выигрывает от наличия четкой классификации животных. Для судов, органов власти и граждан важно точно знать, какие нормы действуют в отношении данного животного. Например, при рассмотрении дела о компенсации вреда, причинённого животным, необходимо прежде всего выяснить, домашнее это животное, бродячее или дикое. Классификация напрямую влияет на определение применимых норм: квалификация статуса животного предопределяет круг ответчиков и закон, подлежащий применению.

Знание о правовой классификации животных повышает уровень ответственности и сознательности общества. В этом смысле классификация выполняет и воспитательную функцию – она отражает ценности, стоящие за правом: уважение к частной собственности – в отношении домашних животных; гуманизм и нравственность – в отношении животных без владельца; экологическое благополучие – в отношении дикой фауны.

Таким образом, классификация животных по российскому законодательству имеет практическое значение как инструмент эффективного правового регулирования и как ориентир для развития правовых норм. Она позволяет учитывать разнообразие биологических и социальных ролей животных.

Обсуждение и заключение. В российском законодательстве понятие животных раскрывается через систему норм разных отраслей, каждая из которых делает акцент на определённом аспекте отношения человека и общества к животным. Гражданское право видит в животном прежде всего объект прав с правовым режимом имущества, ограниченным принципами гуманности; административное право и специальное законодательство об обращении с животными рассматривают животных как объекты ответственности человека перед обществом и устанавливают правила, гарантирующие безопасность и нравственность при обращении с ними; экологическое право относится к животным как к компонентам окружающей среды, общенациональному достоянию, требующему охраны и рационального использования.

Можно сделать вывод, что теоретическая классификация животных по отраслям права обладает значительной прикладной ценностью. Она облегчает толкование законов и подзаконных актов, поскольку указывает контекст норм; способствует правильному распределению полномочий между государственными органами разных уровней и полномочий; обеспечивает баланс интересов (личных интересов владельцев, интересов безопасности и нравственности, экологических интересов сохранения природы); даёт возможность адресно совершенствовать законодательство, устраняя пробелы, обнаруженные на стыках отраслей права.

В заключение отметим, что российское законодательство в целом демонстрирует тенденцию к более гуманному и ответственному обращению с животными, при этом стараясь учитывать реалии и потребности разных

сфер – от сельского хозяйства до охраны дикой природы. Возможно, в будущем правовое регулирование разных групп животных будет пересматриваться. Следовательно, значение правильной классификации только возрастёт, ибо она позволит точно настроить юридические инструменты для каждой ситуации.

Список литературы / References

1. Бабинцев И.И., Берзинь О.А., Шлягина Е.Н. Об особенностях определения правового режима животных. *Российский юридический журнал*. 2020;(2(131)):158–167.
1. Babintsev II, Berzin OA, Shliagina EN. To the Specifics of Determining the Legal Regime of Animals. *Russian Juridical Journal*. 2020;(2(131)):158–167. (In Russ.)
2. Тычинин С.В., Королева Е.В. Животные в системе объектов гражданских прав. *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*. 2020;(1(85)):81–85. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2020-1-81-85>
2. Tychinin SV, Koroleva EV. Animals in the System of Objects of Civil Rights. *Vestnik of the Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2020;(1(85)):81–85. (In Russ.) <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2020-1-81-85>
3. Анисимов А.П. Права животных в российском и зарубежном праве. *Аграрное и земельное право*. 2016;(1(133)):103–108.
3. Anisimov AP. The Rights of Animals in the Russian and Foreign Law. *Agrarian and Land Law*. 2016;(1(133)):103–108. (In Russ.)
4. Горохов Д.Б. Проблемный результат отечественного правотворчества: законодательное установление охраны «жизни или здоровья животных и растений». *Право. Журнал Высшей школы экономики*. 2019;(2):45–78.
4. Gorokhov DB. Problematic Result of Domestic Lawmaking: Legislative Establishing Protection of Life or Health of Animals and Plants. *Law. Journal of the Higher School of Economics*. 2019;(2):45–78. (In Russ.)
5. Рыбалка Е.А. Животные в системе объектов гражданских прав. *Пробелы в российском законодательстве*. 2018;(3):162–164.
5. Rybalka EA. Animals in the System of Civil Rights Objects. *Gaps in Russian Legislation*. 2018;(3):162–164. (In Russ.)
6. Синельникова В.Н., Хатунцев О.А. Животные как объекты гражданских прав: актуальные вопросы. *Вестник РУДН. Серия: Юридические науки*. 2021;25(1):294–308. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2021-25-1-294-308>
6. Sinelnikova VN, Khatuntsev OA. Animals as Objects of Civil Rights: Current Issues. *RUDN Journal of Law*. 2021;25(1):294–308. (In Russ.)
7. Мохов А.А., Копылов Д.Э. Псовые как объекты гражданских прав. *Юридический мир*. 2006;(12):53.
7. Mokhov AA, Kopylov DE. Canidae as Objects of Civil Rights. *Juridical World*. 2006;(12):53. (In Russ.)
8. Красавчиков О.А. *Возмещение вреда, причиненного источником повышенной опасности*. Москва: Юридическая литература; 1966. 200 с.
8. Krasavchikov OA. *Compensation for Damage Caused by a Source of Increased Danger*. Moscow: Yuridicheskaya literatura Publ.; 1966. 200 p. (In Russ.)
9. Анисимов А.П., Рыженков А.Я., Чикильдина А.Ю. Объекты гражданских прав: новые векторы правового регулирования. *Правовая парадигма*. 2013;(4(21)):8–14.
9. Anisimov AP, Ryzhenkov AY, Chikildina AY. Objects of the Civil Rights: New Vectors of Legal Regulation. *Legal Concept*. 2013;(4(21)):8–14. (In Russ.)
10. Goulart VD, Azevedo PG, Van de Schepop JA, Teixeira CP, Barçante L, Azevedo CS, et al. Gaps in the Study of Zoo and Wild Animal Welfare. *Zoo Biology*. 2009;28(6):561–573. <https://doi.org/10.1002/zoo.20285>
11. Berg C, Lerner H, Butterworth A, Walzer C. Editorial: Wildlife Welfare. *Frontiers in Veterinary Science*. 2020;7:576095. <https://doi.org/10.3389/fvets.2020.576095>
12. Цыганцова С.И. Обеспечение благополучия диких животных в праве ЕС. *Труды Института государства и права РАН*. 2024;19(2):95–112.
12. Tsygantsova SI. Ensuring Wild Animal Welfare in EU Law. *Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS*. 2024;19(2):95–112. (In Russ.)
13. Нецветаев А.Г. Животный мир как объект правовой охраны и пользования по законодательству Российской Федерации. *Вестник РГГУ. Серия: Экономика. Управление. Право*. 2016;(1(3)):68–74.
13. Netsvetaev AG. The Fauna as an Object of Law Protection and of Use According to the Legislation of the Russian Federation. *RSUH/RGGU Bulletin. Series: Economics. Management. Law*. 2016;(1(3)):68–74. (In Russ.)
14. Антонов А.А. Искусственный интеллект как источник повышенной опасности. *Юрист*. 2020;(7):69–74.
14. Antonov AA. Artificial Intelligence as a Source of Increased Danger. *Jurist*. 2020;(7):69–74. (In Russ.)
15. Futhazar G. Biodiversity, Species Protection, and Animal Welfare. In book: *Studies in Global Animal Law. Beiträge zum ausländischen öffentlichen Recht und Völkerrecht. Vol 290*. Peters A (Ed.). Berlin: Springer; 2020. P. 95–108. https://doi.org/10.1007/978-3-662-60756-5_9

Об авторе:

Игорь Константинович Волков, кандидат юридических наук, доцент кафедры «Гражданское право» Донского государственного технического университета (344003, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), [SPIN-код](#), [ORCID](#), [ScopusID](#), [ResearcherID](#), igor.volkov@list.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

About the Author:

Igor K. Volkov, Cand.Sci. (Law), Associate Professor of the Civil Law Department, Don State Technical University (1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344003, Russian Federation), [SPIN-code](#), [ORCID](#), [ScopusID](#), [ResearcherID](#), igor.volkov@list.ru

Conflict of Interest Statement: the author declares no conflict of interest.

The author has read and approved the final manuscript.

Поступила в редакцию / Received 18.11.2025

Поступила после рецензирования / Reviewed 08.12.2025

Принята к публикации / Accepted / 12.12.2025

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ CRIMINAL LAW SCIENCES

Оригинальное эмпирическое исследование

УДК 343.1: 340.131.4

<https://doi.org/10.23947/2949-1843-2025-3-4-54-62>

EDN: YXMWEB

Принцип законности в уголовном судопроизводстве в Российской Федерации: проблемы реализации в правоприменительной практике

Ю.И. Исакова , О.А. Волконская

Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

✉ isakova.pravo@bk.ru

Аннотация

Введение. В современном правовом государстве принцип законности в уголовном судопроизводстве является необходимым условием функционирования всей системы уголовной юстиции, несоблюдение которого ведет к снижению доверия общества к судебной системе, росту числа судебных ошибок, а также нарушению прав граждан. Уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации закрепляет принцип законности как обязательный для всех участников процесса, однако в реальной правоприменительной практике наблюдаются многочисленные отклонения от этой нормы, что требует комплексного анализа и выработки механизмов повышения эффективности ее реализации. Цель исследования – выявление основных проблем соблюдения принципа законности в уголовном судопроизводстве в России и внесение предложений по усовершенствованию законодательства и правоприменительной практики.

Материалы и методы. В качестве источниковой базы использовались положения Конституции РФ, Уголовного кодекса (УК) РФ, Уголовно-процессуального кодекса (УПК) РФ, материалы Пленумов Верховного Суда РФ, а также научные публикации по теме. Методологию исследования составили: системный и сравнительно-правовой подходы, формально-логический и нормативный анализ и др.

Результаты исследования. Определены ключевые проблемы реализации принципа законности в уголовном процессе. Перечень принципов в Уголовном кодексе РФ является неполным, в частности, отсутствует принцип неотвратимости ответственности. Установлено, что противоречия между нормами УПК РФ и другими законами вызывают сложности в толковании и применении норм, также фиксируются ошибки судов и следствия, влияющие на законность приговоров. Выявлено, что уровень профессиональной подготовки отдельных сотрудников правоохранительных органов остается довольно низким, кроме того, недостаточная защита прав потерпевших в процессе приводит к правовому дисбалансу. В целях предупреждения подобных отклонений авторами предложена реализация комплекса институциональных и правовых мер.

Обсуждение и заключение. Проблемы реализации принципа законности не носят исключительно правовой характер, а обусловлены рядом факторов: качеством законодательства, профессионализмом правоприменителей, а также общей правовой культурой. Несоблюдение принципа законности на любой стадии уголовного процесса способно привести к признанию доказательств недопустимыми, отмене судебного решения и утрате доверия граждан к судебной системе. Таким образом, повышение качества уголовного правосудия требует как нормативной коррекции отдельных положений законодательства, так и институционального усиления профессиональной подготовки сотрудников правоохранительных органов.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, принцип законности, правоприменение, уголовное право, судебная практика, уголовный процесс

Благодарности. Авторы выражают благодарность рецензентам, чья критическая оценка материалов и предложения по их усовершенствованию способствовали повышению качества статьи.

Для цитирования. Исакова Ю.И., Волконская О.А. Принцип законности в уголовном судопроизводстве в Российской Федерации: проблемы реализации в правоприменительной практике. *Правовой порядок и правовые ценности*. 2025;3(4):54–62. <https://doi.org/10.23947/2949-1843-2025-3-4-54-62>

Original Empirical Research

The Principle of Legality in the Criminal Court Proceedings in the Russian Federation: Problems of Implementation into Enforcement Practices

Yulia I. Isakova Olga A. Volkonskaya

Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation

✉ isakova.pravo@bk.ru

Abstract

Introduction. In a modern rule-of-law state, the principle of legality in criminal court proceedings is a necessary condition driving the whole system of criminal justice. Failure to comply with this principle leads to the decrease of social trust in the judicial system, growing number of judicial errors and violations of civil rights. Criminal Procedure Code of the Russian Federation enshrines the principle of legality as binding for all parties in the process. However, in actual law enforcement practices, numerous deviations from this principle are observed, which requires a comprehensive analysis and development of the mechanisms to improve efficiency of its implementation. The aim of the study is to identify the main problems in adhering to the principle of legality in criminal court proceedings in Russia and to propose improvements to the legislation and law enforcement practices.

Materials and Methods. The research was based on such sources as: provisions of the Constitution of the Russian Federation, the Criminal Code of the Russian Federation, the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, Proceedings of the Plenums of the Supreme Court of the Russian Federation, and relevant scientific publications. The research methodology encompassed system and comparative legal approaches, dogmatic-logical and normative analysis, and other methods.

Results. The main challenges in implementing the principle of legality in criminal court proceedings were identified. The list of principles stipulated in the Criminal Code of the Russian Federation has proved to be incomplete, for example, the principle of the unavoidability of liability is missing. It was established that contradictions between the provisions of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and other laws cause difficulties in interpreting and applying the norms, whereas, the errors committed by courts and investigators affect the legality of sentences. It was found that the level of professional training of some of the law enforcement officers remains quite low, whereas, the insufficient protection of victims' rights in the criminal proceedings leads to legal imbalance. To prevent such deviations, the authors propose to implement a set of institutional and legal measures.

Discussion and Conclusion. The problems of implementing the principle of legality do not have exclusively legal nature, but are caused by a number of factors: the quality of legislation, low professionalism of law enforcement officers and the overall legal culture. Failure to comply with the principle of legality at any stage of criminal court proceedings can lead to declaring some evidences inadmissible, the rescission of a judgment, and loss of citizens' trust in the judicial system. Therefore, improvement of the quality of criminal justice requires both regulatory amendments to certain provisions of law and strengthening professional training of law enforcement officers.

Keywords: criminal court proceedings, the principle of legality, law enforcement, criminal law, judicial practice, criminal procedure

Acknowledgements. The authors are grateful to the reviewers for critical assessment of the materials and suggestions for their improvement that contributed to the enhancement of the article quality.

For Citation. Isakova YuI, Volkonskaya OA. The Principle of Legality in the Criminal Court Proceedings in the Russian Federation: Problems of Implementation into Enforcement Practices. *Legal Order and Legal Values*. 2025;3(4):54–62. <https://doi.org/10.23947/2949-1843-2025-3-4-54-62>

Введение. Теоретическое закрепление принципа законности произошло с вступлением в силу Уголовного кодекса Российской Федерации¹ в 1996 г.: в соответствии со ст. 3, только УК РФ может определить преступность деяния, наказуемость и уголовно-правовые последствия. Существенное положение прописывается в ч. 2 ст. 3 УК РФ: использование уголовного закона по аналогии невозможно². Применение принципа законности

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации. Кодекс Российской Федерации № 63-ФЗ от 13.06.1996. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102041891> (дата обращения: 20.10.2025).

² Лебедев В.М. (отв. ред.) *Комментарий к Уголовному кодексу РФ в 4 т.* Том 3. Особенная часть. Раздел IX. Москва: Издательство Юрайт; 2025. 296 с.

основывается на том, что в качестве основного и главного источника уголовного права выступает уголовный закон – нормативный акт, который принимается либо уполномоченным органом законодательной власти, либо с помощью референдума в соответствии с Конституцией РФ. Принцип законности должен содержаться во всех нормативных актах, с помощью которых регулируются уголовно-правовые отношения. Наличие в уголовном праве принципа законности обязывает все субъекты законотворчества соблюдать установленные в УК РФ общие положения, не вносить в УК РФ изменения и поправки, противоречащие другим нормам и институтам. Все принципы уголовного права, включая принцип законности, должны быть реализованы надлежащим образом. Однако в УК РФ содержатся положения, которые напрямую нарушают применение принципа законности, например, изменение или последующее исключение уголовных норм, включающих данные положения. Также возникают обстоятельства, когда изменение каких-либо положений влечёт за собой изменение структуры всего уголовного законодательства.

Цель исследования – выявление основных проблем соблюдения принципа законности в уголовном судопроизводстве в России и внесение предложений по усовершенствованию законодательства и правоприменительной практики.

Материалы и методы. Источниковую базу исследования составили: Конституция РФ, Уголовный кодекс (УК) РФ, Уголовно-процессуальный кодекс (УПК) РФ, постановления Пленумов Верховного Суда РФ, содержащие разъяснения по вопросам правоприменительной практики, а также научные публикации по теме.

Комплексный и всесторонний анализ рассматриваемой проблематики включал совокупность общенаучных и частнонаучных методов. Системный подход позволил исследовать явление реализации принципов уголовного права как целостную правовую конструкцию, включающую нормативный, институциональный и правоприменительный уровни, и выявить внутренние взаимосвязи между нормами уголовного закона, деятельностью правоохранительных органов и судебной практикой [1].

Сравнительно-правовой метод применялся для сопоставления различных моделей реализации принципа законности в уголовном судопроизводстве, в том числе с учётом зарубежного опыта. Это способствовало выявлению как универсальных тенденций, так и специфики национального регулирования в данной сфере.

Формально-логический метод обеспечил анализ правовых норм с точки зрения их внутренней непротиворечивости, логической завершенности и адекватности целям правового регулирования. С его помощью выявлялись правовые коллизии, неопределённости и пробелы в законодательстве, влияющие на реализацию принципа законности.

Особое внимание уделено обобщению научных позиций, представленных в трудах отечественных исследователей в области уголовного права, уголовного процесса и теории государства и права. Анализ научной доктрины позволил сформулировать обоснованные выводы о направлениях совершенствования нормативно-правового регулирования и правоприменительной практики, направленных на реализацию и защиту принципа законности.

Результаты исследования. Принципы уголовного права являются исторически сформированными фундаментальными правовыми ценностями и идеями, с помощью которых происходит правильная реализация всех положений уголовного законодательства. Реализация принципа законности в материальном уголовном праве в целом характеризуется большей нормативной определённой и меньшей конфликтностью, нежели его применение в уголовно-процессуальной плоскости. Вопросы соблюдения законности на стадии уголовного судопроизводства представляют собой более сложную и противоречивую область, поскольку именно в процессе уголовного преследования происходит непосредственное взаимодействие множества субъектов, обладающих различным процессуальным статусом и объёмом полномочий. Проблемы при реализации принципа законности появляются по следующим причинам:

1. Определённая часть учёных полагает, что УК РФ содержит неполный перечень принципов. В документе перечисляются такие принципы, как законность, равенство граждан перед законом, вина, справедливость и гуманность. По мнению специалистов, в действующий УК РФ следует внести еще один принцип – неотвратимости уголовной ответственности [2]. Важность и роль включения данного принципа имеет огромное превентивное значение, следовательно, носит предупредительный характер. На практике исполнение этого принципа будет означать, что правоохранительные органы будут освобождать виновного от уголовной ответственности лишь по основаниям, которые прописываются УК РФ [3].

2. Уголовный кодекс Российской Федерации, как основополагающий нормативно-правовой акт в сфере уголовного права, в отдельных своих положениях демонстрирует системные пробелы и внутренние противоречия, обусловленные несовершенством юридической техники. В результате отмечается снижение уровня правовой определённости, что затрудняет четкое разграничение смежных составов преступлений. Это, в свою очередь, затрудняет правоприменительную деятельность, поскольку возникает неопределённость в квалификации деяний и их отграничении от административных правонарушений.

Отдельного внимания заслуживает практика применения подзаконных нормативных актов, издаваемых исполнительными органами власти. Несмотря на их вспомогательный характер, данные документы нередко вступают в коллизию с положениями УК РФ, что приводит к искажению принципа законности: правовая неопределенность создает условия для произвольного применения уголовно-правовых норм, в том числе в ущерб интересам личности, общества и государства, подрывая доверие к уголовному правосудию как институту защиты правовых ценностей.

Таким образом, наличие противоречий и правовых пробелов в действующем уголовном законодательстве не только дестабилизирует правоприменительную практику, но и негативно влияет на реализацию конституционного принципа справедливости. Комплексное устранение этих дефектов требует системного подхода к реформированию уголовного законодательства с учетом принципов юридической техники и современной доктрины уголовного права.

3. Важная роль в обеспечении реализации принципов уголовного права принадлежит Верховному Суду (ВС) РФ, осуществляющему не только контроль за единообразием судебной практики, но и нормативное толкование уголовно-правовых норм посредством постановлений Пленума. Указанные разъяснения обладают обобщающим и направляющим значением, формируя устойчивую интерпретационную основу для правоприменителей и способствуя повышению уровня правовой определенности в уголовном судопроизводстве.

Помимо разъяснительной функции, ВС РФ реализует и надзорную функцию, включая возможность пересмотра судебных актов нижестоящих инстанций в случаях, когда установлено отступление от основополагающих принципов уголовного права, в частности – принципа законности. При этом следует подчеркнуть, что любые отклонения от требований уголовного закона, выразившиеся в судебных ошибках, прямо нарушают правовую природу уголовной ответственности, подрывая фундаментальные гарантии прав личности и стабильность правопорядка.

В контексте повышения эффективности реализации уголовно-правовых начал, включая принцип законности, возникает объективная необходимость в систематическом изучении и мониторинге судебной практики. Анализ правовых позиций, выработанных ВС РФ, становится неотъемлемым элементом правоприменительной деятельности, способствуя формированию устойчивого и предсказуемого механизма уголовной ответственности.

4. На практике реализация положений уголовного законодательства нередко сопровождается нарушениями принципа законности, что во многом обусловлено недостаточной эффективностью функционирования правоохранительной системы. Одним из факторов, способствующих подобной дисфункции, является дефицит профильной юридической подготовки среди отдельных категорий сотрудников, непосредственно вовлеченных в процесс предварительного расследования и дознания.

5. Недостаточный уровень теоретической подготовленности приводит к затруднениям в квалификации преступлений, ошибочному толкованию норм уголовного закона и, как следствие, к принятию решений, не соответствующих требованиям правовой определенности и справедливости. Такие искажения подрывают доверие к институтам уголовной юстиции и препятствуют достижению целей уголовного преследования, сформулированных в отечественной правовой доктрине.

Кроме того, в правоприменительной практике сохраняется дисбаланс правовых статусов участников уголовного процесса, что особенно остро проявляется в контексте защиты прав и законных интересов потерпевших. Отдельные положения уголовного и уголовно-процессуального законодательства не в полной мере обеспечивают надлежащую реализацию принципа равенства сторон, что приводит к ограничению процессуальных возможностей потерпевших и снижает уровень их правовой защищенности.

Уголовное судопроизводство в России регламентируется Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации³, разработанным на основе и в развитие положений Конституции РФ. Уже на этапе его концептуального проектирования в качестве одной из системообразующих категорий был зафиксирован принцип законности, что подтверждает его фундаментальную значимость для всего механизма уголовного судопроизводства [4]. УПК РФ представляет собой специализированный нормативно-правовой акт, обладающий исключительной компетенцией в сфере процессуального регулирования уголовной юстиции. В связи с этим реализация принципа законности в рамках уголовного процесса осуществляется преимущественно через призму норм, содержащихся в данном кодексе, в первую очередь – в его системных и гарантийных положениях [5].

Ключевая норма, закрепляющая содержание и механизм действия принципа законности в уголовном процессе, представлена в ст. 7 УПК РФ «Законность при производстве по уголовному делу». Данная статья носит концептуальный характер и формирует нормативную основу для оценки допустимости действий и решений всех

³ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. Кодекс Российской Федерации № 174-ФЗ от 18.12.2001. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 20.10.2025).

участников уголовного судопроизводства, устанавливая, что любое отклонение от требований закона влечёт признание соответствующих процессуальных актов недопустимыми [6].

Законность является конституционным принципом уголовного процесса. До введения УПК РФ среди учёных возникали дискуссии. Все исследователи утверждают, что принцип законности в уголовном праве и в уголовном процессе существовал всегда. Споры возникают по поводу отнесения его к межотраслевому признаку или к исключительно уголовно-правовому.

Содержание ст. 7 УПК РФ отражает фундаментальную правовую установку: все действия и решения, принимаемые субъектами уголовного судопроизводства, должны осуществляться исключительно в соответствии с предписаниями УПК РФ. Более того, допускается применение только тех федеральных законов, которые не вступают в противоречие с положениями УПК РФ. Таким образом, изначально задаётся приоритет норм специализированного процессуального акта над иными источниками законодательства в случаях коллизионного взаимодействия. Подобные ситуации могут возникать, например, при несовпадении процессуальных предписаний, содержащихся в УПК РФ, с положениями других федеральных или подзаконных актов, регламентирующих отдельные аспекты уголовно-процессуальной деятельности [7]. Однако в случае выявления прямого противоречия между УПК РФ и федеральным конституционным законом, приоритет должен отдаваться последнему, в силу положений ч. 3 ст. 76 Конституции РФ, согласно которой в иерархии нормативных правовых актов приоритет принадлежит федеральным конституционным законам, что обусловлено их высшей юридической силой по отношению к обычным федеральным законам, включая УПК РФ.

Принцип законности в уголовном процессе, институционализированный в ст. 7 УПК РФ, требует от всех участников уголовного судопроизводства точного и неуклонного соблюдения норм Конституции РФ и УПК РФ. Особое значение данное требование приобретает в отношении субъектов, обладающих властными полномочиями (судей, прокуроров, следователей и сотрудников органов дознания), поскольку именно их действия оказывают непосредственное влияние на соблюдение прав и свобод личности, вовлечённой в уголовно-правовые отношения. Следовательно, реализация принципа законности предполагает обязанность должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство, строго придерживаться процессуальных регламентов, установленных УПК РФ. Нарушение данной обязанности расценивается как юридически недопустимое отступление от закона. Это положение получает нормативное закрепление в институте недопустимости доказательств, полученных с нарушением требований уголовно-процессуального закона. Таким образом, процессуальные нарушения, допущенные при собирании, закреплении или проверке доказательств, автоматически влекут за собой их исключение из доказательственной базы, поскольку противоречат основополагающему требованию законности.

В широком смысле принцип законности в уголовном судопроизводстве может быть интерпретирован как нормативная формула, выражающая следующее положение: допустимо лишь то, что прямо предусмотрено законом. Данный постулат служит не только ориентиром для правоприменителя, но и механизмом правовой защиты личности от произвола со стороны государства, выступая гарантией справедливого и законного уголовного преследования.

Содержание принципа законности охватывает не только исполнение уголовных норм, но и правильность вынесения определений и приговоров. Так, определения и иные акты, выносимые дознавателем, следователем, прокурором или судьёй, должны отвечать трём требованиям: законность, обоснованность и мотивированность. Наличие таких требований демонстрирует реализацию принципа законности в уголовном судопроизводстве в полном объёме. Все решения, принимаемые вышеперечисленными субъектами, должны включать доказательства, которые являются обоснованными и содержат определённые ссылки. Прописанные доказательства необходимо собирать и исследовать строго в законном порядке, также для обоснования доказательств следует указывать фактические обстоятельства уголовного дела. Требование мотивированности даёт проверить обоснованность вынесенного решения и исключить вынесение тех решений, которые не основаны на доказательствах. С помощью выполнения данных требований обеспечится законность решений.

К сожалению, на практике возникают ситуации, когда вынесенные решения не отвечают всем требованиям законности. В целях недопущения таких ситуаций предлагаем дополнить ст. 7 УПК РФ следующей формулировкой: «Приговоры и определения суда, постановления судьи, прокурора, следователя и дознавателя должны быть законными, мотивированными и обоснованными».

По мнению некоторых авторов, принцип законности относится непосредственно к принципу уголовного процесса, а все остальные принципы – это принципы, с помощью которых происходит реализация законности в уголовном судопроизводстве [8]. Нарушение принципа законности на стадии предварительного расследования уголовного дела неизбежно влечёт за собой наступление значимых правовых последствий, проявляющихся, прежде всего, в признании результатов процессуальной деятельности недействительными. Одним из наиболее суще-

ственных последствий является отмена судебного приговора в связи с использованием доказательств, полученных с нарушением положений УПК РФ. Еще одним веским основанием для отмены приговора признаётся нарушение права обвиняемого на защиту – фундаментального элемента уголовного судопроизводства, охраняемого как национальным, так и международным правом. Такие нарушения рассматриваются как существенные отступления от требований уголовно-процессуального закона, поскольку они ставят под сомнение легитимность уголовного преследования и нарушают баланс прав сторон. В данном контексте принцип законности выступает не только в качестве правовой основы уголовного судопроизводства, но и в качестве системообразующего начала, обеспечивающего функционирование всего процессуального механизма.

Подчеркнем, что принцип законности имеет общий, универсальный характер и распространяется на всю сферу уголовного судопроизводства. Он представляет собой нормативный императив, согласно которому все действия, совершаемые в рамках уголовного процесса, должны быть строго регламентированы законом и соответствовать установленной процедуре. В соответствии с ч. 2 ст. 1 УПК РФ, установленные данным кодексом правила обязательны для всех участников уголовного процесса – как субъектов, уполномоченных на осуществление уголовного преследования (следователи, дознаватели, суды), так и иных участников (обвиняемого, подозреваемого, потерпевшего и других лиц, обладающих процессуальным статусом) [9]. Таким образом, соблюдение принципа законности в ходе расследования уголовного дела представляет собой необходимое условие надлежащей реализации уголовной политики государства, гарантирующей защиту прав и законных интересов всех участников процесса, а также легитимность конечных решений, принимаемых в рамках уголовного судопроизводства [10].

В современной юридической доктрине продолжает оставаться предметом научной дискуссии вопрос о пределах и сфере действия принципа законности в уголовном процессе. Согласно позиции ряда авторов, основанной на системном толковании норм уголовно-процессуального законодательства, принцип законности распространяет своё действие на всех участников уголовных правоотношений, включая как государственных субъектов (суд, органы предварительного расследования и прокуратуру), так и иных лиц, вовлечённых в процесс, вне зависимости от их гражданства, правового статуса и процессуальной роли [11]. Такой подход коррелирует с вышеупомянутой ч. 2 ст. 1 УПК РФ. Представители другой научной школы утверждают, что нарушение закона, допускаемое частными лицами, не может быть отождествлено с нарушением принципа законности как категории уголовно-процессуального права [12]. В данной интерпретации нарушение закона частным субъектом трактуется как правонарушение в контексте поддержания общего правопорядка, но не как процессуальный дефект, подрывающий нормативную основу уголовного судопроизводства. Следовательно, принцип законности, по их мнению, следует рассматривать исключительно в пределах деятельности публичных правоприменительных органов, на которых возложена обязанность обеспечения правового порядка.

Особое внимание в научной литературе уделяется вопросу повседневной реализации принципа законности при осуществлении как значимых, так и рутинных процессуальных действий [13]. Законность должна соблюдаться не только при совершении юридически значимых актов (таких как предъявление обвинения, возбуждение дела или вынесение приговора), но и при реализации менее заметных, однако обязательных процедур – соблюдении процессуальных сроков, проведении обыска или осмотра, обеспечении гарантий защиты подозреваемого и обвиняемого. В этих элементах проявляется практическая устойчивость и реальное наполнение содержания принципа законности. На практике, однако, нередко возникают случаи сознательного упрощения уголовно-процессуальных процедур, обусловленные стремлением оперативных сотрудников и следователей оптимизировать деятельность за счёт расширения своих полномочий, что нередко выходит за рамки закона. Подобное «процессуальное упрощенчество» представляет серьёзную угрозу для принципа законности, поскольку создаёт риск неправомерного ограничения прав участников процесса, а в ряде случаев – и постановления судебных решений в отношении невиновных лиц.

В целях предупреждения подобных отклонений требуется реализация комплекса институциональных и правовых мер. Одним из приоритетных направлений выступает необходимость тщательной проработки вновь принимаемых уголовно-правовых и уголовно-процессуальных актов, с учётом научного анализа и экспертной оценки, что позволит обеспечить баланс между доктринальной разработанностью положений закона и их практической применимостью. Такая деятельность должна осуществляться в диалоге между представителями научного сообщества, законодательной власти и практикующими юристами, в рамках принципов конституционализма и правового государства.

Второе ключевое направление – формирование устойчивой профессиональной правовой культуры среди сотрудников правоохранительных и судебных органов. Повышение уровня профессионализма должно сопровождаться внедрением новых методик расследования преступлений, соответствующих демократическим стандартам и ориентированных на защиту прав личности. Борьба с преступностью в условиях правового государства – это

не кратковременная кампания, а системная, длительная и трудоёмкая деятельность, требующая постоянного соблюдения правовых процедур и высокой правовой ответственности всех участников процесса. Реализация принципа законности в уголовном судопроизводстве является не только правовой обязанностью, но и показателем зрелости и эффективности правовой системы в целом. Её достижение возможно только в условиях институционального взаимодействия, правовой грамотности и соблюдения нормативной строгости на всех этапах уголовного процесса.

Принцип законности содержится во всех институтах уголовного судопроизводства и является необходимым и важным требованием. Законность регулируется правом и относится к органическому свойству уголовного судопроизводства. Без принципа законности невозможно представить существование не только уголовного судопроизводства, но и других сфер государственной деятельности [14].

Обсуждение и заключение. Реализация принципа законности в уголовном судопроизводстве представляет собой сложный и многослойный процесс, на который оказывают влияние как объективные, так и субъективные факторы. Последние, при отсутствии должного контроля, могут носить деструктивный характер и создавать предпосылки для отклонений от установленного законом порядка. В связи с этим особую значимость приобретает систематическая идентификация таких факторов, а также принятие мер по их нейтрализации. На современном этапе развития уголовного законодательства одним из приоритетных направлений обеспечения принципа законности является непрерывный мониторинг нормативных изменений. Оперативное отслеживание законодательных трансформаций способствует поддержанию единства правоприменительной практики, минимизирует риск правовых коллизий и повышает уровень правовой определенности.

Еще одним важным элементом институционального обеспечения реализации принципа законности является качественная юридическая подготовка будущих специалистов. Именно представители юридических профессий – следователи, прокуроры, судьи, адвокаты – выступают непосредственными носителями и проводниками данного принципа в правоприменительной практике. Формирование высокого уровня профессионального правосознания, основанного на уважении к закону и точности его исполнения, служит залогом укрепления законности как основополагающего начала уголовной юстиции.

Безусловно, принцип законности не может рассматриваться исключительно как формально-юридическая категория; он требует комплексного подхода, включающего нормативное совершенствование, кадровую подготовку, научное сопровождение и институциональное взаимодействие, направленное на обеспечение устойчивости уголовно-правовой системы и эффективности борьбы с преступностью.

Список литературы / References

1. Королева М.В. О современных тенденциях уголовной политики России. В: *Проблемы теории уголовного права и практики применения нового УК. Сборник научных трудов*. Москва; 1999. С. 99–106.
Koroleva MV. On Modern Trends in Criminal Law Policy in Russia. In: *Problems of the Theory of Criminal Law and New Criminal Code Application Practices*. Moscow; 1999. P. 99–106. (In Russ.)
2. Магомедов Ш.М. Понятие и классификация принципов уголовного судопроизводства. *Государственная служба и кадры*. 2020;(1):137–138. <https://doi.org/10.24411/2312-0444-2020-10037>
Magomedov SM. Concept and Classification of the Principles of Criminal Procedure. *Gosudarstvennaya sluzhba i kadry (Civil service and personnel)*. 2020;(1):137–138. (In Russ.) <https://doi.org/10.24411/2312-0444-2020-10037>
3. Оганесян С.М., Сухарева Н.В. Соотношение законности и справедливости в правоприменительной деятельности. *Журнал правовых и экономических исследований*. 2023;(2):57–61. <https://doi.org/10.26163/GIEF.2023.37.88.008>
Oganesyan SM, Sukhareva NV. Balance of Legality and Justice in Law Enforcement Activities. *Journal of Legal and Economic Studies*. 2023;(2):57–61. (In Russ.) <https://doi.org/10.26163/GIEF.2023.37.88.008>
4. Доля Е.А. Принцип законности в уголовном судопроизводстве: онтологический, гносеологический и правовой аспекты. *Законность*. 2010;(1(903)):3–7.
Dolya YeA. The Principle of Legality in Criminal Proceedings: Ontological, Epistemo-Logical and Legal Aspects. *Zakonnost (Legality)*. 2010;(1(903)):3–7. (In Russ.)
5. Безруков С.С. Логические изъяны содержания отдельных принципов уголовного процесса. *Журнал российского права*. 2017;(7):30–37.
Bezrukov S.S. Logical Flaws in the Content of Certain Principles of Criminal Procedure. *Journal of Russian Law*. 2017;(7):30–37. (In Russ.)
6. Таршева М.Н. Реализация принципа законности при производстве по уголовному делу в контексте применения медиативных процедур. *Юридический вестник Самарского университета*. 2020;6(3):150–153. <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-3-150-153>

Tarsheva MN. Implementation of the Principle of Legality in Criminal Proceedings in the Context of Application of Mediation. *Juridical Journal of Samara University*. 2020;6(3):150–153. (In Russ.) <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-3-150-153>

7. Шамшина О.С. Понятие и содержание принципа законности уголовного судопроизводства. *Евразийский юридический журнал*. 2024;(11(198)):370–371.

Shamshina OS. The Concept and Maintenance of the Principle of Legality of Criminal Proceedings. *Eurasian Law Journal*. 2024;(11(198)):370–371. (In Russ.)

8. Акланов А.А. Принцип законности: содержание и теоретическая трактовка. *Вопросы российского и международного права*. 2023;13(8–1):99–105. <https://doi.org/10.34670/AR.2023.54.11.013>

Akkanov AA. The Principle of Legality: Content and Theoretical Interpretation. *Matters of Russian and International Law*. 2023;13(8–1):99–105. (In Russ.) <https://doi.org/10.34670/AR.2023.54.11.013>

9. Кычкина М.И., Маякунов А.Э. Принципы законности и осуществления правосудия только судом. *Евразийский юридический журнал*. 2022;1(164):84–87. <https://doi.org/10.46320/2073-4506-2022-1-164-84-87>

Kychkina MI, Mayakunov AE. Principles of Legality and Administration of Justice only by the Court. *Eurasian Law Journal*. 2022;1(164):84–87. (In Russ.) <https://doi.org/10.46320/2073-4506-2022-1-164-84-87>

10. Стетюха М.П. Принцип законности: теоретическая конструкция и практическая реализация в правотворческой деятельности. *Право и государство: теория и практика*. 2009;(8(56)):6–9.

Stetyukha MP. Principle of the Legality: Theoretical Construction and Practical Realization in the Law-Creation Activity. *Law and State: The Theory and Practice*. 2009;(8(56)):6–9. (In Russ.)

11. Кубрикова М.Е. Уголовный процесс: понятие и назначение. *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право*. 2025;25(3):7–13.

Kubrikova ME. Criminal Procedure: Concept and Purpose. *Bulletin of the South Ural State University. Series: Law*. 2025;25(3):7–13. (In Russ.)

12. Курбанов Т.С. Принцип законности в деятельности полиции. *Аллея науки*. 2025;1(100):815–818.

Kurbanov TS. The Principle of Legality in the Activities of the Police. *Alleya nauki (Alley of Science)*. 2025;1(100):815–818. (In Russ.)

13. Плеханова А.В. Понятие и система принципов правосудия. *Вестник юридических исследований*. 2025;4(2):42–46.

Plekhanova AV. Concept and System of Principles of Justice. *Bulletin of Law Research*. 2025;4(2):42–46. (In Russ.)

14. Кудрявцева А.В., Лившиц Ю.Д. О понятии принципа в уголовном процессе. *Правоведение*. 2001;(4(237)):162–170.

Kudryavtseva AV, Livshits YuD. On the Concept of Principle in Criminal Procedure. *Jurisprudence*. 2001;(4(237)):162–170. (In Russ.)

Об авторах:

Юлия Игоревна Исакова, доктор социологических наук, кандидат юридических наук, доцент, декан факультета «Юридический» Донского государственного технического университета (344003, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), [SPIN-код](#), [ORCID](#), isakova.pravo@bk.ru

Ольга Андреевна Волконская, старший преподаватель кафедры «Уголовное право и публично-правовые дисциплины» Донского государственного технического университета (344003, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), [SPIN-код](#), [ORCID](#)

Заявленный вклад авторов:

Ю.И. Исакова: формирование основной концепции, методология исследования, подготовка текста, формирование выводов.

О.А. Волконская: анализ результатов исследования, доработка текста, корректировка выводов.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

About the authors:

Yulia I. Isakova, Dr.Sci. (Sociology), Cand.Sci. (Law), Associate Professor, Dean of the Law Faculty, Don State Technical University (1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344003, Russian Federation), [SPIN-code](#), [ORCID](#), isakova.pravo@bk.ru

Olga A. Volkonskaya, Senior Lecturer of the Criminal Law and Public Law Disciplines Department, Don State Technical University (1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344003, Russian Federation), [SPIN-code](#), [ORCID](#)

Claimed Contributorship:

YI Isakova: formulating the main concept, development of the research methodology, preparing the text, formulating conclusions.

OA Volkonskaya: analysis of the research results, refining the text, correcting conclusions.

Conflict of Interest Statement: the authors declare no conflict of interest.

All authors have read and approved the final manuscript.

Поступила в редакцию / Received 27.10.2025

Поступила после рецензирования / Reviewed 20.11.2025

Принята к публикации / Accepted 26.11.2025

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ CRIMINAL LAW SCIENCES

Оригинальное эмпирическое исследование

УДК 343.851.5

<https://doi.org/10.23947/2949-1843-2025-3-4-63-71>

EDN: YCONJP

Особенности и тенденции преступности несовершеннолетних в России: анализ и меры профилактики

А.А. Величко , Р.А. Левина

Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

✉ nastja758@yandex.ru

Аннотация

Введение. В современном российском обществе преступность несовершеннолетних представляет серьезную проблему, требующую повышенного внимания и комплексных мер защиты. Исследования показывают, что еще до первого осуждения большинство несовершеннолетних совершали незаконные действия, которые могли быть не установлены, укрепляя у подростков уверенность в собственной безнаказанности и низкой эффективности системы правосудия. В настоящее время подростковые преступления приобретают новые формы и становятся все более жестокими, в связи с чем возникает потребность в актуальных способах борьбы с этим общественным недугом. Целью статьи является комплексный анализ особенностей и тенденций преступности несовершеннолетних в Российской Федерации с последующим формированием основных направлений профилактики и предупреждения этого негативного явления.

Материалы и методы. В ходе исследования преступности несовершеннолетних в России использовались материалы, размещенные на официальных сайтах МВД РФ и Судебного Департамента при Верховном Суде РФ, общенаучные и специальные научные методы.

Результаты исследования. Проанализированы данные статистики МВД РФ, сделаны выводы об уровне уголовной активности несовершеннолетних в Российской Федерации и особенностях ее структуры: в список самых распространенных преступлений, совершаемых подростками, входят воровство, насилие, кража транспортных средств и др. Говоря о тенденциях преступности несовершеннолетних, растет число преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ. Также нужно отметить рост жестокости преступлений, совершаемых подростками. Выделены пять типов личности несовершеннолетних преступников, составлен обобщенный портрет несовершеннолетнего преступника. Даны предложения по повышению эффективности профилактических мер со стороны государства и общества.

Обсуждение и заключение. Выводы, предложения и рекомендации, содержащиеся в данной работе, обладают теоретической и практической значимостью и могут быть использованы для дальнейшего исследования преступности несовершеннолетних в России.

Ключевые слова: преступность несовершеннолетних, личность преступника, профилактика преступности, криминогенные факторы

Благодарности. Авторы выражают благодарность рецензентам, чья критическая оценка материалов и предложения по их совершенствованию способствовали значительному повышению качества статьи.

Для цитирования. Величко А.А., Левина Р.А. Особенности и тенденции преступности несовершеннолетних в России: анализ и меры профилактики. *Правовой порядок и правовые ценности.* 2025;3(4):63–71. <https://doi.org/10.23947/2949-1843-2025-3-4-63-71>

Features and Trends of Juvenile Delinquency in Russia: Analysis and Preventive Measures

Anastasia A. Velichko , Raisa A. Levina

Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation

✉ nastja758@yandex.ru

Abstract

Introduction. In contemporary Russian society, juvenile delinquency is a serious problem requiring increased attention and comprehensive preventive measures. Research shows that even before their first conviction, most juveniles had committed illegal acts that were not detected, which inspired their belief in own impunity and inefficiency of the judicial system. Nowadays, crimes committed by adolescents are acquiring new forms and becoming increasingly violent, thus requiring powerful methods for combating this social evil. The aim of the article is to comprehensively analyse the features and trends of juvenile delinquency in the Russian Federation and formulate key strategies for preventing and stopping this negative phenomenon.

Materials and Methods. The study of juvenile delinquency in Russia was based on the materials published on the official websites of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation and the Judicial Department of the Supreme Court of the Russian Federation, and was carried out using the general scientific and specific scientific methods.

Results. The data of the Russian Ministry of Internal Affairs were analysed, the conclusions about the level of juvenile criminal activity in the Russian Federation and its structural features were made. The most common crimes committed by adolescents include theft, violence, vehicle theft, etc. Concerning the trends of juvenile delinquency, there increases the number of crimes related to the illegal trafficking of drugs and psychotropic substances. The increasing violence of crimes committed by juveniles should also be noted. Five types of personality were distinguished in juvenile offenders, and a generalized portrait of a juvenile offender was completed. Proposals on improving the efficiency of preventive measures undertaken by the state and society were outlined.

Discussion and Conclusion. The conclusions, proposals and recommendations presented in this paper have theoretical and practical significance and can be used for further research into juvenile delinquency in Russia.

Keywords: juvenile delinquency, personality of an offender, prevention of crime, criminogenic factors

Acknowledgments. The authors express their gratitude to the reviewers, whose critical assessment of the materials and suggestions for improvement significantly enhanced the quality of the article.

For Citation. Velichko AA, Levina RA. Features and Trends of Juvenile Delinquency in Russia: Analysis and Preventive Measures. *Legal Order and Legal Values*. 2025;3(4):63–71. <https://doi.org/10.23947/2949-1843-2025-3-4-63-71>

Введение. Преступность несовершеннолетних, являясь частью общей преступности, имеет свои особенности, что позволяет исследовать данную проблему как самостоятельный объект в области криминологии. Факторы, влияющие на рост несовершеннолетней преступности, включают: семейное неблагополучие, низкий уровень образования, моральный и социальный упадок, высокий уровень социально-экономического расслоения в обществе – и это лишь малая часть причин, способствующих увеличению этого контингента преступников. Наиболее характерна данная проблема для подростков из неблагополучных семей, где алкоголизм, наркомания, примитивность культуры быта и насилие являются обыденностью. Растет число несовершеннолетних, которым диагностируют подростковые психические расстройства, которые, как заявляют специалисты, являются результатом соответствующего поведения и образа жизни их родителей [1].

Проблема преступности несовершеннолетних имеет серьезные социальные последствия, поэтому во все времена со стороны государства и общества уделялось особое внимание духовно-нравственному воспитанию подрастающего поколения. Приоритетной задачей государства выступает предупреждение противоправного поведения несовершеннолетних, так как уровень криминализации общества в будущем зависит от того, сколько в детской и молодежной среде лиц, совершающих противоправные деяния, в настоящее время [2].

По данным Министерства внутренних дел РФ, количество уголовно наказуемых деяний, совершенных несовершеннолетними или при их соучастии, составило: в 2024 г. – 21 069 (на 5,7 % меньше, чем в 2023 г.); в 2023 г. – 22 340 (на 15 % ниже данного показателя по сравнению с аналогичным периодом в 2022 г.); в 2022 г. – 26 305 (на 9,7 % меньше, чем в 2021 г. – 29 126).¹ На первый взгляд, прослеживается положительная тенденция к снижению уровня

¹ Министерство внутренних дел Российской Федерации. Официальный сайт. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/60248328/> (дата обращения: 20.10.2025).

преступности несовершеннолетних в России, однако необходимо отметить высокий уровень латентности рассматриваемой категории преступлений. Современное состояние преступности несовершеннолетних вызывает обоснованные опасения из-за качественных изменений в ее структуре, интенсивной криминализации этой группы населения.

Данное научное исследование представляет собой комплексный анализ преступности несовершеннолетних в Российской Федерации, включающий составление портрета личности несовершеннолетнего преступника, с целью формирования перспективных направлений профилактики и предупреждения этого негативного явления.

Целью статьи является комплексный анализ особенностей и тенденций преступности несовершеннолетних в Российской Федерации с последующим формированием основных направлений профилактики и предупреждения этого негативного явления.

Материалы и методы. Объектом исследования стали общественные отношения в сфере преступности несовершеннолетних в России. Источником статистических данных послужили официальные сайты МВД РФ и Судебного Департамента при Верховном Суде РФ. Комплексный подход, сочетающий количественные и качественные, общенаучные и специальные научные методы (диалектический, формально-юридический, сравнительно-правовой, уголовно-статистический), позволил выявить статистические закономерности, социальный контекст, причины, мотивы, социально-демографические и психологические характеристики несовершеннолетнего преступника.

Результаты исследования. Выделение преступности несовершеннолетних в самостоятельный объект криминологического изучения обусловлен, главным образом, особенностями соматического, психического и нравственного развития несовершеннолетних, а также их социальной незрелостью. Наиболее выраженной отличительной чертой преступности несовершеннолетних является ее возрастной диапазон: несовершеннолетние преступники могут быть как детьми-подростками в возрасте от 14 до 16 лет, так и подростками в возрасте от 16 до 18 лет [3]. И если дети-подростки подпадают под особый режим ответственности, то молодые люди 16–18 лет подпадают уже под общие условия Уголовного кодекса РФ². Подчеркнем, что правонарушители этой возрастной группы обладают характерными особенностями личности и поведением, которые отличают их от старших возрастных категорий (включая «молодых взрослых» в возрасте от 18 до 24 лет и от 25 до 29 лет).

Таким образом, в узком смысле преступность несовершеннолетних – это преступления, совершаемые несовершеннолетними, которым ко времени совершения преступления исполнилось 14, но не исполнилось 18 лет. В более широком смысле можно определить преступность несовершеннолетних как общественно опасное явление, которое характеризуется совершением правонарушений лицами, не достигшими совершеннолетия (до 18 лет), на определенной территории и в определенный период времени. Преступность несовершеннолетних имеет социально-правовой характер и является негативным исторически обусловленным явлением [4].

В свете того, что криминальная активность среди несовершеннолетних является неотъемлемой частью общей преступности, ее можно рассматривать на основе схожих критериев. Среди них выделяются количественные показатели, включающие состояние и динамику, а также качественные показатели, такие как структура. Состояние преступности представляет собой статистическую информацию о количестве совершенных преступлений на определенной территории в определенный период времени. Динамика уровня преступности указывает на изменение количества совершаемых преступлений в определенный период времени (1 год, 5 лет и т. д.). Однако в силу того, что некоторые противоправные деяния остаются нераскрытыми, точно определить реальную криминальную ситуацию невозможно [5].

Особенности структуры уголовной активности несовершеннолетних следующие: во-первых, преступления охватывают более узкую область; во-вторых, незначительное место среди них занимают неосторожные проступки; в-третьих, преступления направлены в основном на достижение выгоды и насильственные по своей природе. В список самых распространенных преступлений, совершаемых подростками, входят воровство, разбой, насилие, кража транспортных средств, а также распространение наркотиков. На сегодняшний день наблюдается значительный рост преступлений несовершеннолетних, связанных с незаконным изготовлением, приобретением, хранением, перевозкой, пересылкой либо сбытом наркотических средств и психотропных веществ. Согласно последним исследованиям, начало употребления наркотиков снизилось до возраста 9–11 лет; примерно две трети населения, потребляющих наркотики, это лица в возрасте 14–29 лет [6]. Также, говоря о качественной характеристике преступности несовершеннолетних, нужно отметить рост жестокости совершаемых преступлений. Причины могут быть разные: желание подростков самоутвердиться, повысить свою оценку в группе или компенсировать причиненные обиды.

Анализ причин преступности, а следовательно, и разработка эффективных мер противодействия не могут быть проведены без определения портрета личности несовершеннолетнего правонарушителя, психологическая

² Уголовный кодекс Российской Федерации. Кодекс Российской Федерации № 63-ФЗ от 13.06.1996. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102041891> (дата обращения: 20.10.2025).

характеристика которого значительно отличается от взрослого по целому ряду параметров. Ведущие эксперты в сфере изучения подростковой личности отмечают наличие хаотичности, бессистемности, несформированности у несовершеннолетних собственной системы взглядов, позиций, норм, ценностей; выделяют большую корреляцию поведения от мнения сверстников и друзей; повышенную эмоциональность и неспособность разумно анализировать свои поступки и действия окружающих [7]. Это обусловлено возрастными особенностями, такими как небольшой жизненный опыт, повышенный уровень внушаемости в сочетании с отрицанием запретов и предписаний, юношеский максимализм, стремление к самоутверждению. М.В. Шайкова выделила типичные для несовершеннолетнего преступника психологические черты личности: высокий уровень социальной дезадаптации, правовой нигилизм, пренебрежение моральными нормами, отсутствие ответственности за совершаемые действия, потребность в риске, ограниченность круга социальных интересов, пониженная способность прогнозировать последствия совершаемых им действий, отсутствие способности сопереживать, агрессивность и пренебрежение к окружающим [8].

Стоит обратить внимание и на влияние образования на личность преступника. Представители современной криминологической науки убеждены, что необходимо исследовать и оценивать не только физическую, но и умственную зрелость подростка, поскольку «всякое преступное поведение несовершеннолетнего опосредуется всей его предшествующей жизнедеятельностью, его негативными личностными чертами» [9, с. 34]. И действительно, среди малолетних правонарушителей чаще встречаются подростки с более низким уровнем образования.

Ученые выделяют пять типов личности несовершеннолетних преступников:

- 1) ситуационный тип, который демонстрирует преступное поведение вследствие неблагоприятной жизненной ситуации;
- 2) неустойчивый тип, который стремится любыми способами, в том числе незаконными, удовлетворить свои потребности;
- 3) устойчивый тип – к нему относятся дети и подростки с высоким уровнем агрессии, которые предпочитают добиваться своего за счет грубой силы;
- 4) агрессивно-насиловый тип, характерный для несовершеннолетних насильников;
- 5) злостный тип, отличающийся четкой и устойчивой криминальной направленностью [10].

Подчеркнем, что личность несовершеннолетнего преступника находится в стадии формирования, она пластична, в силу чего легко подвергается как положительным, так и отрицательным воздействиям социума.

Анализ тенденций преступности среди несовершеннолетних необходим для выявления факторов, способствующих распространению данного вида преступлений. На рис. 1 мы отразили динамику преступности в России, в том числе преступности несовершеннолетних за период 2022–2024 гг. по данным МВД РФ.

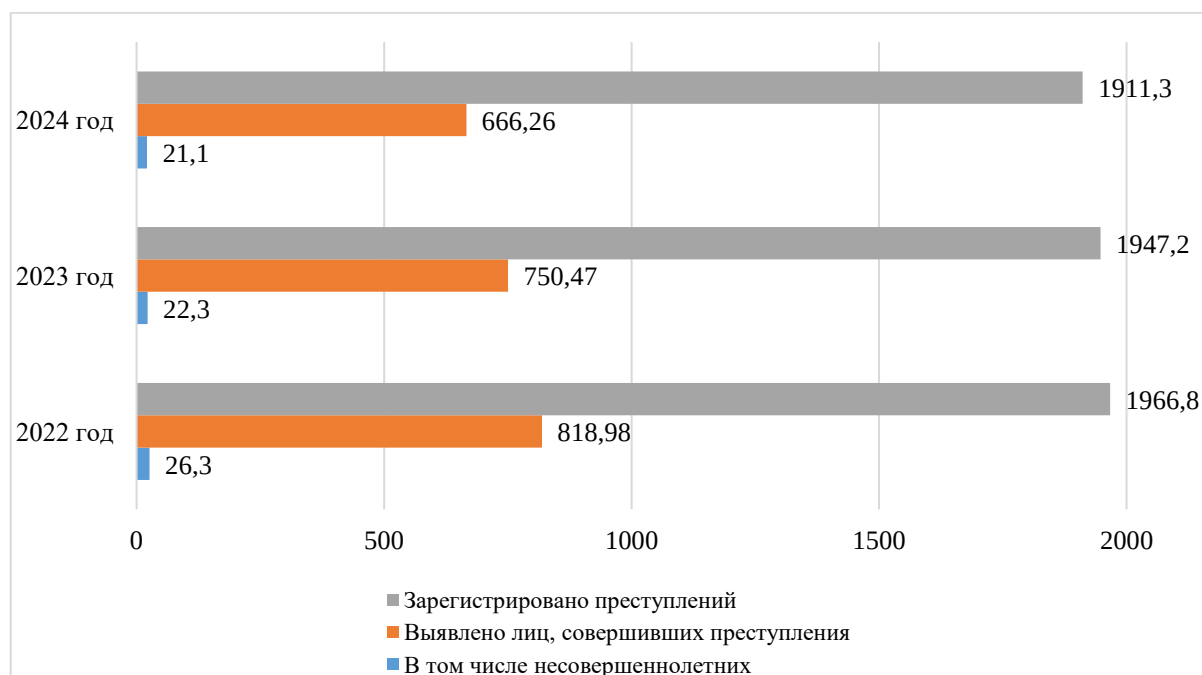

Рис. 1. Динамика преступности в России за период 2022–2024 гг.

Из рисунка видно, что уровень преступности незначительно снизился за прошедшие три года по всем показателям, при этом удельный вес несовершеннолетних, совершивших преступления, остается на прежнем уровне –

около 3 %. Напомним, что официальная статистика оперирует только данными о преступлениях несовершеннолетних, по которым было проведено расследование [11]. И поскольку нераскрытые преступления в статистике не отражаются, в рассматриваемом аспекте следует учитывать высокую степень латентности.

На рис. 2 представлена статистика распределения несовершеннолетних преступников по возрастному критерию. Мы видим, что данный показатель был стабилен на протяжении анализируемого периода: доля преступников в возрасте от 14 до 15 лет варьировалась в пределах 30 %, а доля в возрасте от 16 до 17 лет – в пределах 70 %.

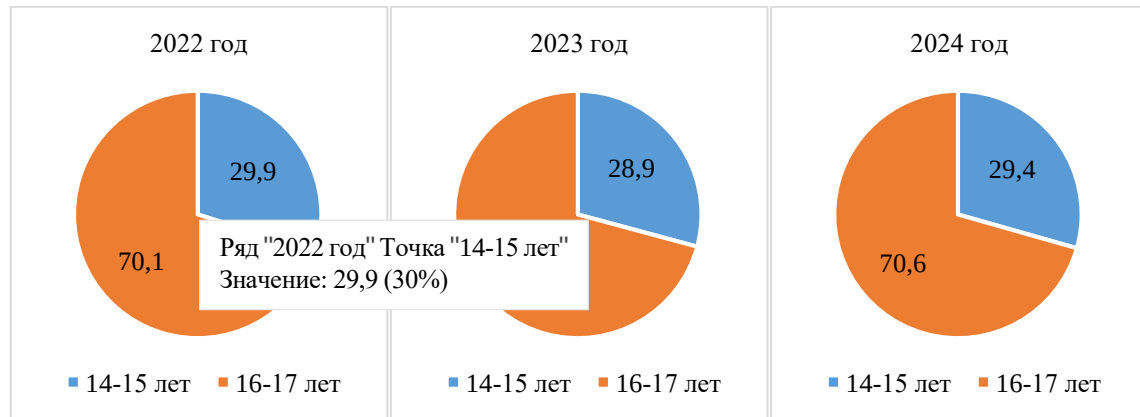

Рис. 2. Распределение несовершеннолетних преступников по возрастному критерию

К характерной особенности подростковой преступности, согласно статистике, можно отнести значительный удельный вес преступлений, которые совершаются в соучастии. Как известно, такие преступления влекут более строгое наказание по сравнению с одиночными преступлениями. По данным МВД РФ, за 2024 г. было выявлено лиц, совершивших преступления, – 666 260, из них 21 069 приходится на несовершеннолетних. В составе группы совершено порядка 78 000 преступлений взрослыми и 9 000 несовершеннолетними. На рис. 3 отражено соотношение преступлений, совершенных в составе группы, к общему числу преступлений. Данные представлены по двум возрастным категориям – взрослые и несовершеннолетние.

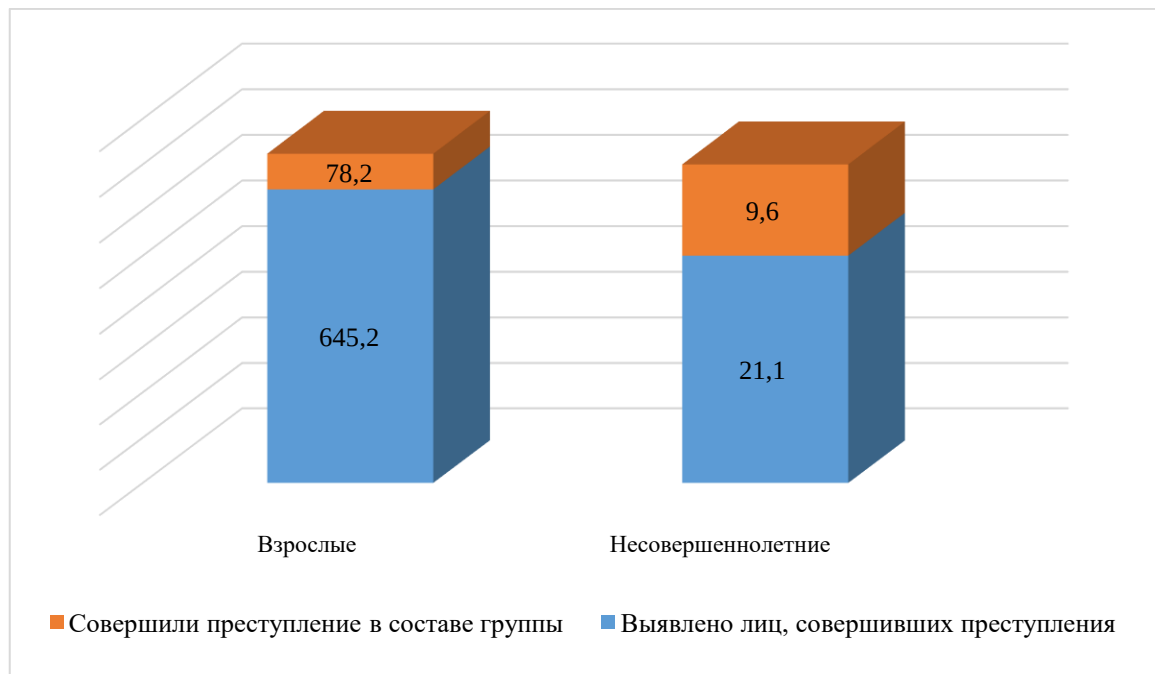

Рис. 3. Соотношение удельного веса взрослых и несовершеннолетних, совершивших преступление в группе в 2024 г.

Отметим довольно высокий коэффициент повторной преступности несовершеннолетних (рис. 4), который свидетельствует о профессионализации преступности подростков.

Особые опасения вызывает насильственная преступность несовершеннолетних. В статистических отчетах Судебного департамента при Верховном Суде РФ наблюдается снижение тяжких преступлений на протяжении трех

лет, что говорит о положительной динамике. При этом число особо тяжких преступлений по сравнению с 2022 г. незначительно увеличилось, несмотря на снижение по сравнению с 2023 г.³ (рис. 5).

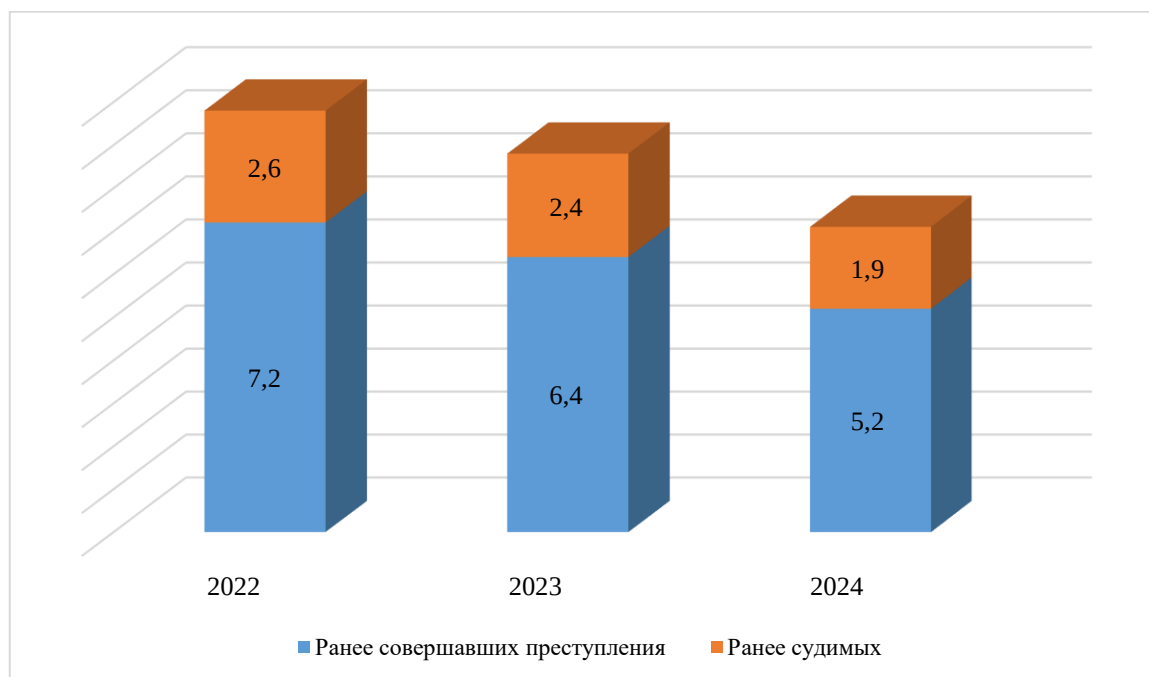

Рис. 4. Показатели повторной преступности несовершеннолетних

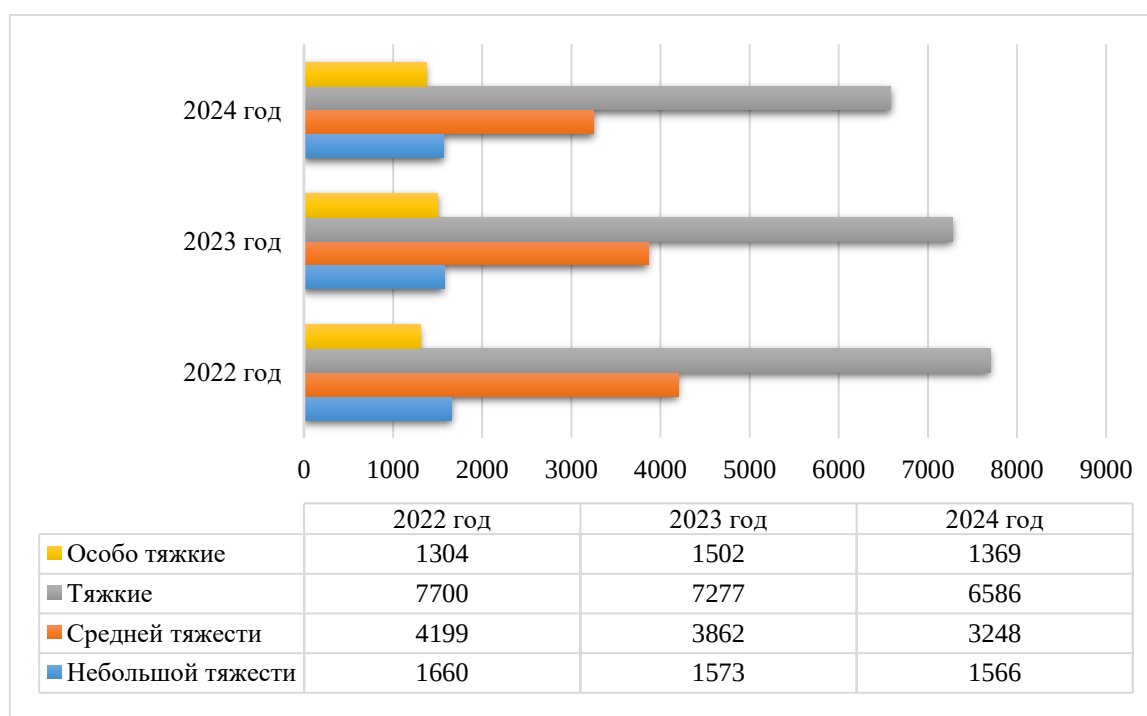

Рис. 5. Структура преступности несовершеннолетних по степени тяжести

Анализ состояния преступности несовершеннолетних в Российской Федерации показал, что в настоящее время существует тенденция к снижению уровня подростковой преступности, но необходимо учитывать, что данный показатель является относительным. Неутешительной представляется статистика по количеству преступлений, совершенных несовершеннолетними в составе группы, – удельный вес таких преступлений составляет 35 %. Снижение повторной преступности свидетельствует лишь о снижении общего уровня зарегистрированных преступлений. Тревогу вызывает количество тяжких и особо тяжких преступлений, совершенных несовершеннолетними. Подростковая среда, в которой сегодня распространен образец противозаконности и непослушания

³ Судебный Департамент при Верховном Суде Российской Федерации. Официальный сайт. URL: <https://cdep.ru/> (дата обращения: 20.10.2025).

взрослым, не только оказывает делинквентное влияние на молодое поколение, но и ведет к усилению криминальных факторов [12]. Е.В. Демидова-Петрова в своей работе пишет, что несовершеннолетних преступников следует относить к категории лиц, «совершающих противоправные действия в раннем возрасте и позже, они, как правило, значительно труднее поддаются исправлению и в итоге составляют резерв для взрослой и рецидивной преступности» [13, с. 52].

Противоправное поведение несовершеннолетних является негативным социально-правовым феноменом, который влечет наступление отрицательных последствий как для самого подростка, так и для общества в целом. Реализация конкретных предупредительных мероприятий, направленных на раннюю профилактику преступлений и правонарушений детско-подростковой преступности, является для государственного аппарата управления одной из основных и первостепенных задач [14]. Профилактика преступности несовершеннолетних – это комплекс мер социального, педагогического, психологического и правового характера, направленных на предупреждение и пресечение противоправных действий:

- социальная профилактика направлена на устранение причин и условий, способствующих совершению преступлений. Реализуется путем улучшения социально-экономической ситуации в стране, повышения уровня жизни населения, обеспечения доступности образования и здравоохранения, поддержки семьи и детства;
- педагогическая профилактика предполагает формирование правовой культуры, развитие позитивных интересов и увлечений. Реализуется в рамках образовательного процесса, а также через организацию досуга и внеучебной деятельности;
- психологическая профилактика направлена на выявление и коррекцию психологических проблем, которые могут подтолкнуть подростка к совершению преступления. Реализуется посредством оказания психологической помощи и поддержки несовершеннолетним, находящимся в трудной жизненной ситуации;
- правовая профилактика предусматривает разъяснение несовершеннолетним их прав и обязанностей, а также последствий совершения правонарушений. Реализуется через проведение правовых лекций, семинаров и консультаций правоохранительными органами.

Эффективная профилактика преступности несовершеннолетних предполагает создание благоприятных условий для развития личности, формирование позитивных ценностей и установок, а также своевременное выявление и нейтрализацию факторов, способствующих совершению правонарушений [15]. Считаем, что профилактические программы предупреждения преступности несовершеннолетних должны строиться на принципе комплексности: речь идет о тесном взаимодействии семьи, школы, правоохранительных органов и комиссий по делам несовершеннолетних; раннем вмешательстве – работа должна начинаться при первых тревожных признаках; индивидуальном подходе к неблагополучным подросткам.

Обсуждение и заключение. Анализ состояния преступности несовершеннолетних в России, проведенный в данном исследовании, показал тенденцию к ее снижению, однако положительная динамика связана скорее с общим снижением уровня преступности. Анализ отдельных показателей, таких как возраст преступников, совершение преступлений в составе группы, степень тяжести совершенных преступлений, указывает на стабильность структуры подростковой преступности.

В ходе исследования нами был составлен обобщенный портрет личности несовершеннолетнего преступника. Это подростки, достигшие 14 лет, но не достигшие совершеннолетия, которые живут в неблагополучной (часто неполной) семье и имеют низкий уровень успеваемости по учебе. У них нет мотивации к обучению и труду, они предпочитают пагубные формы досуга, употребляют алкоголь и психоактивные вещества. Для них характерны ложь, жестокость, агрессия, безответственность, стремление к риску и отсутствие сострадания к окружающим. Однако личность несовершеннолетнего преступника пластична, поэтому легко подвергается как отрицательным, так и положительным воздействиям социума, на чем основана эффективность профилактики антиобщественного поведения.

Подчеркнем, что эффективная профилактика представляет собой не просто работу полиции с «трудными» детьми, а целостную государственную и общественную политику, направленную на создание условий для гармоничного развития каждого ребенка. В качестве наиболее перспективных направлений профилактических мер мы предлагаем комплексное взаимодействие правоохранительных органов, семьи и школы. Поскольку в становлении личности ребенка огромная роль принадлежит семье, важно проводить воспитательную работу и среди родителей.

Список литературы / References

1. Родионова А.А. Причины преступности несовершеннолетних. *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. 2024;(5–4(92)):244–246. <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2024-5-4-244-246>
- Rodionova AA. Causes of Juvenile Delinquency. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2024;(5–4(92)):244–246. (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2024-5-4-244-246>

2. Писаревская Е.А. *Преступность несовершеннолетних и ее предупреждение: учебное пособие*. Новокузнецк: НФИ КемГУ; 2017. 163 с.
Pisarevskaya EA. *Juvenile Delinquency and its Prevention: Textbook*. Novokuznetsk: NFI KemGU; 2017. 163 p. (In Russ.)
3. Мерказова В.А. Характеристики личности несовершеннолетнего преступника. *Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки*. 2021;7–73(2):244–248.
Merkazova VA. Characteristics of the Juvenile Offender's Personality. *Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical Science*. 2021;7–73(2):244–248. (In Russ.)
4. Хатунцев М.И. Особенности преступности несовершеннолетних. *Вестник науки*. 2023;68(11):266–273.
Khatuntsev MI. Features of Juvenile Delinquency. *Vestnik nauki (Science Herald)*. 2023;68(11):266–273. (In Russ.)
5. Климова И.А. Проблемы ювенальной юстиции в системе законодательства Российской Федерации XXI века. *Молодой ученый*. 2021;(26(368)):175–177.
Klimova IA. Problems of Juvenile Justice in the System of Legislation of the Russian Federation of the XXI Century. *Molodoy uchenyy (Young Scientist)*. 2021;(26(368)):175–177. (In Russ.)
6. Антонян Ю.М., Гончарова М.В. Состояние и причины преступности несовершеннолетних в России. *Московский юридический журнал*. 2018;(2):87–100. <https://doi.org/10.18384/2310-6794-2018-2-87-100>
Antonan YuM, Goncharova MV. Present State and Causes of Juvenile Delinquency in Russia. *Moscow Juridical Journal*. 2018;(2):87–100. (In Russ.) <https://doi.org/10.18384/2310-6794-2018-2-87-100>
7. Человек: преступление и наказание: сб. материалов Междунар. науч.-теорет. конф. адъюнктов, аспирантов, соискателей, курсантов и студентов. Рязань, 22 марта 2019 г. Рязань: Академия ФСИН России; 2019. 726 с.
A Man: Crime and Punishment: Proceedings of the International Scientific-Theoretical Conference. Ryazan, March 22, 2019. Ryazan: Akademiya FSIN Rossii; 2019. 726 p. (In Russ.)
8. Шайкова М.В. Психолого-правовые особенности личности несовершеннолетних преступников. *Юридическая психология*. 2021;(1):14–17.
Shaikova MV. Psychological and Legal Characteristics of the Personality of Juvenile Criminals. *Juridical Psychology*. 2021;(1):14–17. (In Russ.)
9. Аксенова-Сорохтей Ю.Н. *Криминалистическая профилактика преступлений несовершеннолетних*. Монография. Москва: Юрлитинформ; 2012. 150 с.
Aksenova-Sorokhtey YuN. *Forensic Prevention of Juvenile Crimes*. Monograph. Moscow: Yurlitinform; 2012. 150 p. (In Russ.)
10. Бош В.А. Криминологические особенности преступности несовершеннолетних. *Молодой ученый*. 2022;(17(412)):162–164.
Bosh VA. Criminological Features of Juvenile Delinquency. *Molodoy uchenyy (Young Scientist)*. 2022;(17(412)):162–164. (In Russ.)
11. Воробьев В.Ю. Причины преступности несовершеннолетних. *Научные труды Московского гуманитарного университета*. 2023;(5):45–48.
Vorobyov VYu. Causes of Juvenile Delinquency. *Nauchnye trudy Moskovskogo gumanitarnogo universiteta (Scientific Works of Moscow University for the Humanities)*. 2023;(5):45–48. (In Russ.)
12. Буренкова Е.О. Современное состояние и тенденции преступности несовершеннолетних в Российской Федерации. *Вестник Пензенского государственного университета*. 2020;(1(29)):30–35.
Burenkova EO. Current State and Trends of Juvenile Delinquency in the Russian Federation. *Vestnik of Penza State University*. 2020;(1(29)):30–35. (In Russ.)
13. Демидова-Петрова Е.В. *Методология познания преступности несовершеннолетних и борьбы с ней: от истории к современности*. Монография. Казань: КЮИ МВД России; 2017. 123 с.
Demidova-Petrova EV. *Methodology of Understanding Juvenile Delinquency and Combating It: From History to Modernity*. Monograph. Kazan: KUI MVD Rossii; 2017. 123 p. (In Russ.)
14. Кравцов Д.А. Криминологическая характеристика личности несовершеннолетнего преступника: детерминанты преступности, профилактические меры борьбы в Российской Федерации. *Молодой ученый*. 2023;(24(471)):260–262.
Kravtsov DA. Criminological Characteristics of the Juvenile Offender's Personality: Determinants of Crime, Preventive Measures in the Russian Federation. *Molodoy uchenyy (Young Scientist)*. 2023;(24(471)):260–262. (In Russ.)
15. Лыков Э.Н., Шутова Е.Н. К предупреждению преступности несовершеннолетних. *Пробелы в российском законодательстве*. 2023;16(2):217–220.
Lykov EN, Shutova EN. To the Prevention of Juvenile Delinquency. *Gaps in Russian Legislation*. 2023;16(2):217–220. (In Russ.)

Об авторах:

Анастасия Александровна Величко, старший преподаватель кафедры «Уголовное право и публично-правовые дисциплины» Донского государственного технического университета (344003, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), [SPIN-код](#), [ORCID](#), nastja758@yandex.ru

Раиса Аркадьевна Левина, старший преподаватель кафедры «Уголовное право и публично-правовые дисциплины» Донского государственного технического университета (344003, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), [ORCID](#), levina09011@mail.ru

Заявленный вклад авторов:

А.А. Величко: формирование основной концепции, подготовка текста, формирование выводов.

Р.А. Левина: анализ результатов исследований, доработка текста, корректировка выводов.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

About the Authors:

Anastasia A. Velichko, Senior Lecturer of the Criminal Law and Public Law Disciplines Department, Don State Technical University (1, Gagarina Sq., Rostov-on-Don, 344003, Russian Federation), [SPIN-code](#), [ORCID](#), nastja758@yandex.ru

Raisa A. Levina, Senior Lecturer of the Criminal Law and Public Law Disciplines Department, Don State Technical University (1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344003, Russian Federation), [ORCID](#), levina09011@mail.ru

Claimed Contributorship:

AA Velichko: formulating the main concept, preparing the text, formulating conclusions.

RA Levina: analysis of research results, refining the text, correcting the conclusions.

Поступила в редакцию / Received 20.10.2025

Поступила после рецензирования / Reviewed 14.11.2025

Принята к публикации / Accepted 19.11.2025